

Ольга Романова

БУТЫРКА

ТЮРЕМНАЯ
ТЕТРАДЬ

АНГЕДОНИЯ
проект Данишевского

Annotation

Я была успешной телеведущей — в те времена, когда смотреть телевизор не было делом зазорным. Мой муж Алексей Козлов был успешным предпринимателем — со всеми атрибутами стиля, которого мы сейчас стеснялись бы. Все закончилось в один день, когда в нашу жизнь вошла тюрьма. Закончились внезапно друзья, связи и даже родственники. Закончились деньги, успех и новые платья. Начались тюремные очереди, поиск адвокатов, передачи, судебные заседания, путешествия по ближним и дальним зонам страны. Мы боролись — и победили. Мы встретили много прекрасных и удивительных людей по обе стороны колючей проволоки, которые страдали, любили, шутили, помогали друг другу. Мы попытались сохранить их в своей жизни, не упустить ни одного — так родилось движение «Русь Сидящая», которое старается помочь людям, которые столкнулись с неизвестным, непонятным, страшным. Вы сейчас держите в руках тюремные дневники, которые мы вели одновременно: Алексей в тюрьме, я на воле. Мы писали друг для друга, чтобы знать, понимать, прочувствовать и сохранить. Скоро стало понятно, что дневники надо публиковать. Я боялась, повторяя привычное, российское, тюремное: «Как бы хуже не было». Муж убедил меня, что хуже не будет, и был прав. Но я ведь тогда не знала этого, поэтому ни в Бутырка-блоге, ни в первом издании дневников не было его имени. Срок, который изначально получил Алексей, должен был закончиться в 2016 году — восемь лет. Алексей давно на свободе, работает и помогает мне в «Руси Сидящей». И мы хотим вам сказать только одно: ничего не бойтесь. Не предавайте себя, боритесь. Тюрьма — не конец, тюрьма может стать началом другой, прекрасной жизни, в которой не будет места ничему лишнему. Стыдному и зазорному.

- **Ольга Романова**

- Немного про то, как все начиналось, и что было после
- Бизнес за решеткой: дневник арестованного предпринимателя
- Бутырка. СИЗО № 2, или ФБУ ИЗ 77/2 УФСИН РФ по г. Москве
- Не могу понять, как можно так долго ничего не делать
- Опер: «Не придумашь показания — не выйдешь»
- Еще лет пять придется провести в тюрьме
- Переехали в другую камеру — опять окно без стекол
- Нас четыре человека: три убийцы и я

- За 85 000 руб. оперчасть забыла обо мне навсегда
- Списки прихожан утверждает лично начальник тюрьмы
- Конвой исполняет ресторанный заказ, добавляя комиссию
- За 1000 руб. тюремный врач примет в любое удобное для вас время
- Сокамернику предложили сделку: сдай 2 млн евро и выйдешь через 2 года
- Первое, что просит убрать подальше генерал, — это книги
- «Получена установка — положенцем в Бутырке грузин не будет»
- Через полтора года следствие определилось, в чем меня обвинить
- Спасибо коррупции: сокамернику удалось вставить стекла на зиму
- Причина ухудшения условий — месть коллег арестованного милиционера
- Нас не нагонят
- В тюрьме не чувствуется дыхания кризиса, но видна вся фальшь чиновников
- В Новый год у меня самое теплое одеяло на централье
- В Бутырке телефонов больше нет, поэтому отключили глушилки и стало лучше слышно
- Не договорились с генералом по долларам
- Визит Первого канала и Общественной палаты: «У вас все должно быть хорошо»
- Редкий случай: арестованный за мошенничество действительно оказался мошенником
- Условия содержания в суде: концлагерь, а не храм правосудия в центре Москвы
- Садизм: кипятка не будет, а ночевать могу в коридоре
- Общая ошибка: на воле слишком много времени тратилось на полную фигню
- Каждый старается поделиться своим опытом коррумпирования местных старших
- Из 2500 заключенных в храм могут ходить человек 15 —20
- Банный день за три пачки сигарет
- Соавтор закона о рынке ценных бумаг связался с силовиками. И сел
- Главное в тюрьме — жить по-людски
- У государства вся карта крапленая. Сидим при этом

мы

- Заказчик моего дела за несколько месяцев до приговора рассказал всей Москве, сколько мне дадут
- «Подвалы Гестапо» снимали в самом современном корпусе Бутырки
- Если обращаться к руководству Бутырки, то организация этапа в нужном мне направлении будет стоить 25–30 тыс долларов
- Владимирский централ — санаторий по сравнению со многими московскими тюрьмами, в частности, с Бутыркой
- Самая тяжелая неделя в Бутырке. У меня выбивают деньги — и блатные, и администрация
- Как назначить «питерского»: нужно посадить кого-то из работающей команды
- Начальник Бутырки спросил: «Разве тебе не объяснил положенец, что не по понятиям писать жалобы?»
- Арестант уже с трудом ходит — а в остальном чувствует себя нормально, по мнению руководства СИЗО
- Предложили скидываться по 500 000 рублей в месяц, чтобы сидеть спокойно
- Расплата за откровения: «особо опасен»
- Это не кончится никогда
- Жена арестованного: в день ареста мужа мне объявили таксу. Полтора миллиона долларов до и столько же после
- Без справки из психдиспансера в суд посетителей не пускать
- Ротация: Доктор Смерть, похоже, сядет
 - Дневник жены
- Последнее свидание
 - Дневник жены
- Мосгорсуд взял тайм-аут
 - Дневник жены
- Санкции за дневник: перевели в камеру провинившихся, забрали одеяло, потеряли телевизор
 - Дневник жены & мужа
- Мосгорсуд: им с нами скучно
 - Дневник жены
- Тюрьма, закон, бабушка и Бхагвати
 - Дневник мужа
 - Дневник жены
- Как заставить банк взять деньги, если он не хочет

- Дневник жены
- Право судить
 - Дневник жены
- Не верь, не бойся, не проси
 -
 - Дневник жены
- Три дня на зоне
 -
 - Дневник жены
 - Бзоц
 - Приехали
 - Почта, телеграф и сельсовет
 - Запасы
 - Зона
 - Встреча
 - Что он рассказал
 - Бывает
 - Зеки
 - Тотемные животные
- Изъятая тетрадь
 -
 - Пояснения жены:
 - Дневник мужа
- Зов предков
 -
 - Дневник жены
 - Что почем
 - Про людей и физкультурников
 - Кулацкая жилка
- Жизнь других
 - Дневник жены
 - Проверка
 - Почта
 - Просвещение
 - Сидельцы
 - Тюрьма и воля
 - Женское счастье
- Где хранить заточку и другие рецепты выживания
 -
 - Дневник мужа. Разница между тюрьмой и зоной
 - Жить, как жил
- Тихо сидим
 -
 - Дневник жены. Символ чистоты

- Ухажористые парни
- Торжество закона
- План подъема
- Приложения
 - Приложение 1
 - Приложение 2
 - Приложение 3
 - Приложение 4
- Вкладка

Ольга Романова

Бутырка

Немного про то, как все начиналось, и что было после

Этот блог, который стал книгой, мы писали вместе с мужем, Алексеем Козловым. Его имени нет в книге — мы писали практически в режиме прямого эфира и не были уверены, что его имя надо раскрывать. Да и мое тоже. Сначала это просто был «дневник мужа» и «дневник жены».

Муж сидел в тюрьме, дневник был начат летом 2008 года. В марте 2009 года прокурор попросил для моего мужа 12 лет лишения свободы. Приговор был — 8 лет. В сентябре 2011 года Алексей Козлов вышел на свободу. Как быстро выяснилось — очень ненадолго, на четыре месяца. Его снова посадили, было много испытаний и приключений, о которых мы и не думали, когда начинали публиковать дневник. В итоге он окончательно вышел на свободу в июне 2013 года, в общей сложности Алексей провел в тюрьме чуть меньше 5 лет.

Решение публиковать дневник принимал Алексей в самом начале своих судебно-тюремных злоключений. Это было очень ответственное и мужественное решение. Я приняла его, хотя сильно просила все взвесить: к тому времени мы оба понимали, чем это может обернуться — прежде всего для него, конечно. Все то, чего мы опасались (точнее, я — Алексей был уверен), все это случилось — то, что можно коротко описать известным выражением «оказывалось серьезное давление». Алексей решил, что это надо просто пережить, просто продержаться несколько месяцев, и оказался прав.

В книгу вошли только самые первые годы нашей тюремной жизни — со всеми нашими ошибками, которые совершают многие. Правда, мы ухитрились почти не наломать дров: сказалось наше финансовое образование, а также элементарные (тогда) юридические познания, но главное — несгибаемый и упрямый характер Алексея, не слишком удобный в семейной жизни, но оказавший решающее влияние на его тюремную стратегию поведения.

Тогда же, когда писалась эта книга, возникло сообщество, которое чуть позже выросло в общественное движение «Русь сидящая», а потом и в Благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям. И движение, и фонд действуют и развиваются, теперь там есть небольшой штат сотрудников с богатым жизненным опытом и яркой биографией, и сотни волонтеров, прекрасных, добрых и активных людей. А начиналось

все с того, что женщины, чьи мужья оказались в тюрьме, стали встречаться после своего необычного трудового дня, проведенного в тюремных очередях и в судах, и делиться друг с другом новыми знаниями. Мы помогали друг другу, вместе ходили на суды, потому что быстро поняли: сидеть в зале одной, лицом к лицу с российским правосудием, видеть в клетке своего родного человека — невыносимо. С каждым днем к нам присоединялись все новые и новые женщины — да, у тюрьмы женское лицо — и мы могли их научить тому, что узнали сами, и помочь.

С нами всегда был один мужчина, Игорь, он пытался спасти свою жену, которая работала бухгалтером и отказалась оговаривать обвиняемых в экономических преступлениях владельцев компании. Ей тогда дали 16 лет, ей было 47. Но все закончилось хорошо. Была — и осталась — Лора, которую мы зовем Немезидой, потому что она не только спасла своего мужа после трех лет тюрьмы, но и в течение многих лет добивалась и добилась разоблачения и суда над фабрикантами дела против ее мужа. К нам быстро присоединились адвокаты — лучшие из лучших, те, что работают не за деньги, а за совесть. Этот самый первый костяк и сейчас с нами, это, конечно, братство.

Мы не знаем, сколько историй и сколько семей прошло с тех пор через «Русь сидящую», мы не ведем подсчетов, потому что числа важны для статистики, но не для человеческой судьбы. Кому-то мы смогли существенно помочь, кому-то облегчили жизнь, в каких-то случаях мы разве что смогли утереть слезу. Случаев, от которых мы отказывались сразу, немного. Было одно дело, которое я не забуду никогда, оно связано с реальным насилием над детьми — мы тогда отправили жену насильника к хорошему священнику, он помог ей справиться с тем, с чем многие не смогли бы жить. И еще есть с десяток дел, за которые мы не брались, потому что обратившиеся родственники параллельно пытались «договориться по-хорошему», то есть давать взятки. Мы понимаем. Часто это кажется единственным выходом. Иногда — крайне редко — это работает. Но это другой путь. Не стоит по нему идти.

И по прошествии всех этих лет я вам твердо могу сказать одно: боритесь. Не сдавайтесь. Не сдавайтесь никогда. Это работает.

И вот еще что. Мы с Алексеем много говорили и говорим о том, что очень благодарны судьбе. Благодарны за то, что в нашей жизни была тюрьма. Конечно, русская тюрьма — это зло, там не исправляют, не дают шанса, там ломают людей. Но это позволило нам круто изменить собственную жизнь. Разобраться, кто тебе

друг, а кто нет — ведь если б не было тюрьмы, мы знать не знали бы об этом, а может быть, и не задумывались. Теперь мы уверены, на кого можем положиться. А главное — мы можем положиться друг на друга. Тюрьма дала нам радость и гордость от общения с людьми, которых мы никогда бы не встретили и которые теперь с нами навсегда. Это люди из самых разных социальных слоев, разных национальностей и занятий, разных возрастов, которых объединяет одно: они не сломались. А те, что сейчас вынуждены проходить этот тяжелый путь, им, быть может, достаточно будет самой маленькой поддержки, чтобы они выстояли и вернулись к нам сильными, добрыми и здоровыми людьми, готовыми к счастью.

Тюрьма — это не конец. Быть может, тюрьма — это только начало. Если вы этого захотите.

На этом месте принято писать благодарности, и я сделаю это: спасибо всем, кто читал и будет читать эту книгу. Значит, вам это небезразлично. Одного этого бывает достаточно для первого шага: попытаться узнать об этом, помочь невинным, выслушать искалеченных судьбой или обществом. Ценить и беречь свободу.

Бизнес за решеткой: дневник арестованного предпринимателя

Дневник был начат 25 августа 2008 года, почти через месяц после ареста. Тогда же, в конце августа, арестант написал обо всем, что с ним происходило с момента ареста до начала ведения дневника в режиме реального времени. Предприниматель А. теперь уже на свободе. Дневник публикуется с его согласия. В дневнике также содержатся наблюдения и размышления многих бизнесменов, а также чиновников, оказавшихся в той же ситуации. Орфография и стилистические особенности оригинала сохранены.

В офис явились люди в штатском (то ли 4, то ли 5 человек) и попросили проехать с ними в Следственное управление МВД РФ на Газетный переулок. На вопрос — почему в их сопровождении — прозвучал стандартный ответ: Вас вызывали на вчера, а Вы не явились. В подтверждение этих слов показывается какой-то листок бумаги с указанием моей фамилии и датой, 28 июля, и тут же исчезает во внутреннем кармане сотрудника МВД и больше нигде не фигурирует. Старший сотрудник МВД отбирает мобильный телефон, объясняя, что мне его отдаст следователь (полнейший обман), и мы направляемся к выходу. 10 минут сотрудник МВД остается на месте, ожидая опергруппу, которая будет проводить обыск.

По дороге к лифту я достаю из внутреннего кармана второй мобильный телефон и успеваю сделать один звонок — жене. Я предупреждаю, что задержан. При этом убираю телефон обратно в карман и обещаю больше не звонить.

У входа нас поджидает новенький седан «Инфинити», явно личный автомобиль кого-то из сотрудников МВД. Я предлагаю поехать на моей машине, тем более, что там находится мой паспорт. Мне говорят, что документы не нужны — и мы уезжаем.

Встреча со следователем производит неизгладимое впечатление. Верх цинизма. Мне объясняют, что за шесть дней руководства следственной группой она (следователь) полностью разобралась в сути моего дела (следствие к этому времени шло уже больше года) и приняла решение о моем задержании. На мой вопрос, почему бы меня сначала не допросить, и как, не видя и не зная человека, можно принимать столь серьезные решения, следователь закатывает глаза кверху и говорит, что это не нее решение.

Как выяснилось позже, в тюрьме, это сейчас своеобразный госстандарт. По заказным делам следствие идет около одного года, затем идет замена следователя на «попку» и через несколько дней он выносит решение об аресте. Практически все руководители компаний, которых я встречал в тюрьме, были арестованы по этому сценарию.

Далее у меня состоялся разговор «по душам» со следователем. Она взяла шпаргалку, написанную заказчиком моего дела (это было слишком очевидно), и начала задавать вопросы, параллельно изучая содержание моего мобильного телефона. При этом следователь пыталась убедить меня быть предельно откровенным, так как этот разговор без протокола и, возможно, меня отпустят. Эту чушь и ложь было смешно слушать, так что разговор не сложился. Попытка начать допрос официально тоже не удалась, так как выяснилось, что следователь не может установить мою личность без паспорта, а я отказался давать показания без адвоката, которого никто не предупреждал.

Возникла пауза, во время которой следователь долго рассказывала мне, что все адвокаты сволочи, их цель — заработать как можно больше денег. Единственный истинный друг обвиняемого — это следователь. Все ее подследственные, освобождаясь, чуть ли цветы ей дарят и благодарят за прекрасно проведенное время. На мой вопрос о наличии у нее экономического образования (все-таки полковник СК МВД, зам начальника отдела экономических преступлений) последовал ответ, что она юрист.

Далее последовал допрос, осмотр моих личных вещей, в результате которого ни флэшки, ни еще один телефонный аппарат обнаружены не были. Уже ближе к 23.00 меня доставили в изолятор временного содержания на Петровку, 38.

На следующий день состоялся так называемый суд об избрании мне меры пресечения. Суд Тверской, а правосудие Басманное. Как утверждают адвокаты, следователь лично печатала постановление суда об избрании мне меры пресечения еще до начала заседания. Им даже удалось заснять это на камеру мобильного телефона.

Представителя Генеральной прокуратуры особо не волновал исход дела. Он обсуждал по своему телефону-коммуникатору Nokia ценой около \$1000 что-то очень веселое, постоянно поглядывая на свои часы Rolex Submariner зеленого (редкого) цвета.

Суд был короток, аргументация следствия, что я могу скрыться, была подкреплена железобетонным аргументом —

наличием загранпаспорта. При этом следователь отказалась в присутствии судьи этот загранпаспорт изъять у моих адвокатов. Судья этого предпочла не заметить.

Далее — обратно на Петровку, 38, в сопровождении трех бойцов тюремного спецназа, ребят, которые прошли Чечню и были, пожалуй, единственными профи со стороны моих оппонентов. Всю дорогу они откровенно скучали, не понимая, почему ими «усилили» эмвэдэшных оперов (видимо, потому, что те разучились управляться втроем против одного). На мой вопрос о необходимости использования спецназа следователь ответила, чтобы я благодарил ее за то, что меня вчера брал не ОМОН или СОБР, а опер. Я предпочел бы, чтобы следователя отблагодарили наши налогоплательщики.

Вообще, следователь мне попался нервный, хамоватый и не умный. Узнав, что у зала суда дежурит TV, она в истерике прокричала мне перед выходом, что если ее фамилия прозвучит в прессе, то она не даст мне свидания с женой. На этот момент адвокаты вместе с женой покинули зал, а обращение следователя было направлено к жене. Я обратил на это внимание следователя. Тогда она прокричала — Вы передайте это жене, иначе не дам свидания. Я попросил у нее мобильный телефон (так как был лишен средств связи еще за день до этого), чтобы переговорить с женой. На этом истерика закончилась, так как телефон мне никто давать не захотел. В итоге «серая мышь» следователь не заинтересовала никого. Тем не менее, свидания она нам так и не дала.

На Петровке я сидел недолго, всего пять дней. Сокамерник мне попался бывалый, за 50, четыре ходки, все за убийства. Первая в 16 лет. Как он мне сказал о себе, «лучше всего я умею одно — убивать». За время нашего общения он мне рассказал кучу баек из тюремной и лагерной жизни. Никаких движений в ИВС нет. Трехразовое питание и общение с сокамерниками. Мне повезло дважды. Во-первых, мой сокамерник более чем за 20 лет отсидки много прочитал и с ним можно было обсуждать вопросы истории и астрономии. Во-вторых, моей жене удалось передать мне на следующий день передачу, в которой были книги! И нормальная еда и одежда. Книги стали моими лучшими друзьями в тюрьме.

Комфортная одежда тоже играет важную роль. В тюрьме вообще самое важное — организация быта. Поскольку я заехал в ИВС в костюме, мне было комфортно получить джинсы и все такое. Сокамерники смотрят на костюмы как на космические аппараты. Один мой нынешний друг и коллега по несчастью заехал на Петровку не только в костюме, но еще и в рубашке с

запонками. Попался ему такой же, как мне, бывалый сокамерник — кавказец, которому он подарил свою рубашку и костюм, когда получил джинсы (так как хранить и гладить костюмы негде). Реакция сокамерника была своеобразной: поблагодарив за подарок «Kiton-джан», он покрыл трехэтажным матом козлов-ментов, которые, по его мнению, отпоролы у рубашки пуговицы на манжетах.

В Бутырку я попал 4 августа, в понедельник. Попасть должен был в СИЗО № 5, но следователь, пытаясь осложнить мое общение с адвокатами и родственниками, в последний момент изменила свое решение. На прямой вопрос следователю адвокатов и жены — где наш подзащитный, она разводила руками — дескать, не знаю. Каково же было удивление адвокатов, когда в ответ на депутатский запрос МВД официально ответило, что в Бутырку (или СИЗО № 2 или Из 77/2) я был помещен по прямому указанию следователя. Как я понимаю сейчас, сделано это было по нескольким причинам: во-первых, чтобы мои близкие не успели договориться с руководством той или иной тюрьмы о помещении в нормальные условия. Дальнейшие перемещения внутри тюрьмы, конечно, возможны, но это требует времени. И денег. Как правило, перед доставкой заключенного в тюрьму приезжают опера, которые пытаются договориться с руководством или отдельными сотрудниками СИЗО о том, чтобы обложить арестованного со всех сторон и не дать ему возможности контактировать с внешним миром, а может быть, и прессануть. Во-вторых, понервировать родственников и не дать возможности оперативного контакта с адвокатами.

Бутырка. СИЗО № 2, или ФБУ ИЗ 77/2 УФСИН РФ по г. Москве

Первое, что поражает, так это отношение к заключенным — априори все, попавшие сюда, виновны. На реплики арестованных, что до суда они лишь обвиняемые, следует стандартный ответ — здесь случайных людей нет, раз попал в тюрьму — значит, виноват.

Антисанитарные условия содержания!!! Словами это описать сложно. Плесень на всех стенах, потолок шелушится. Цвет стен — угнетающе темно-коричневый; трещины, все стены в грязных разводах. В левом углу у окна самодельный православный уголок: иконы, житие святых, библия. Уголок сделан заключенными. Вообще все, что здесь есть внутри человечески приемлемого: еда, условия (телевизор, холодильник) и другое — это деньги и инициатива заключенных.

При солнечной погоде на улице солнце в камеру не попадает, при этом витамины передавать запрещено! Вода в кране только холодная. В душ водят 1 раз в неделю. Передачи приносят в лучшем случае на следующий день. Сосед по камере, приехав из суда в 14.00, попал в камеру к 22.30, все это время он сидел в одиночном боксе (стакане) без санузла и ждал, когда его проведут 100 метров до камеры. Конвоиры были заняты.

Как выяснилось позже, камера, в которой я сидел, во времена сталинских репрессий предназначалась для приговоренных к расстрелу. Тяжелая атмосфера ощущается здесь и по сей день.

Не могу понять, как можно так долго ничего не делать

25.08.08

«Что в нашей профессии самое сложное?» — спросил один из героев фильма «В бой идут одни старики». «Самое сложное — это ждать», отвечает он же. Что самое сложное в тюрьме? Пожалуй, ждать идет на первом месте. Ограничения передвижений и доступа к любой информации делает распорядок дня очень скудным: подъем, проверка, завтрак, прогулка. На прогулке я стараюсь больше двигаться, лежа на скамейке качать пресс. Далее обед, сон, ужин, телевизор, сон. Слава Богу, есть книги. Передали шахматы и домино.

Когда ложишься спать, остаешься наедине со своими мыслями. Очень тяжело думать о близких. Они так далеко, и ты впервые не можешь до них дотянуться.

Условия содержания в данном перечне лишь на третьем, последнем месте, так как ко всему, кроме первого и второго, человек, на мой взгляд, привыкает.

Не могу понять, как можно так долго ничего не делать.

Интересное наблюдение по поводу российских детективных сериалов (особенно НТВ), так как приходится смотреть их в последнее время много. В основе успеха любого телесериала — подстава, незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, шантаж. При этом они — герои. Что пропагандируем, то и получаем. Пример — сериал «Хорошие парни» (ну и название! «Бригада» была бы честнее). Полковник милиции, беседуя со своим подчиненным о причинах, по которым потерпевший имел претензии к сотрудникам МВД, а потом забрал свое заявление, задает подчиненному вопрос: «Ну что, опять шантажировали?». Следует ответ: «В этот раз нет». И это нормально. Есть и другие эпизоды. Начальник на все закрывает глаза, а главный герой при этом хороший парень — офигеть!

Сегодня Мосгорсуд рассматривал кассационную жалобу моих адвокатов по избранию мне меры пресечения. У меня была надежда на объективное, подробное рассмотрение дела. Мой сокамерник сказал мне накануне — пустое дело, это не Мосгорсуд, а Мосгорштамп. Никто ни в чем не будет разбираться. Так и вышло. Суд длился минут 10, не больше.

Из тюремных событий: позавчера у смотрящего за корпусом был день рождения. С воли ему организовали такой салют, что было видно практически в каждой камере даже соседних

корпусов.

26.08.08

День прошел без движения. В соседней камере нашли 40 литров браги (камера на 6 человек). Вот это размах!

Опер: «Не придумаешь показания — не выйдешь»

27.08.08

А вот и шантаж! Сегодня приезжал опер из МВД, который меня задерживал. Разговор был конкретным. «Ну что, — сказал он, — мы показали тебе, что ты отсюда не сможешь выйти ни при каких обстоятельствах, пока не дашь интересующие нас показания. А не дашь вообще — сядешь надолго».

Вечером меня вызывает местный оперативный работник, приводит в кабинет, где сидит человек в погонах подполковника — сотрудник Бутырки. Подполковник сообщает, что очень хорошо знаком с опером, который ко мне приезжал из МВД. «Он — хороший парень, и если обещал, что выпустит, так и будет». Я начинаю говорить — ничего не вижу преступного в действиях людей, в отношении которых проявляет интерес опер из МВД. Мне советуют подумать хорошенько, в крайнем случае, придумать что-то. «Ведь они кавказцы (люди, на которых я должен дать показания, по мнению опера), — говорит подполковник, — вполне могут торговать оружием или наркотиками». Я отвечаю однозначно — нет. Тогда он предлагает подумать еще раз: «Ведь условия твоего содержания могут измениться», говорит подполковник. «Здесь тюрьма — всякое может произойти». На этом расстаемся.

Стоит немного больше рассказать о нашей камере. Площадь 15 квадратных метров, первый этаж — окна упираются в 15-метровую красного кирпича стену, поверх которой идет колючая проволока. На стене через каждые 10 метров висят огромные глушилки.

Шесть шконок (кроватей, стоящих одна над другой). Четыре шконки стоят по левой стене, две по правой. По правой стене также располагается умывальник и дальняк (туалет). Стол (или дубок) располагается у окна, посередине между ближайшими к окну шконками. Сесть за стол можно, только сев на шконку. Так что обитатели первых нижних шконок фактически не имеют самостоятельной постели, так как народ кушает и пьет чай практически круглосуточно. Окно находится в левом углу на уровне второй шконки, так что внизу царит полумрак даже в самый солнечный день. Моя шконка слева на втором ярусе, ближе к окну. Это единственное место, где можно читать, здесь относительно светло и ближе к воздуху. Единственный минус — находящаяся прямо над головой лампа дневного света, которую

запрещается выключать и днем, и, что самое неприятное, ночью. Я стал накидывать на нее простыню, что хоть как-то делало сон сносным.

В окне нет рам, и, соответственно, стекол. Пока лето — вроде нормально. Решеток две: внешняя и внутренняя. Между решетками (или решками на местном жаргоне) живет кошка, вся в блохах. Блохи прыгают в камеру и кусают в основном ноги. Поэтому я даже в жаркую погоду не снимаю носков. На ноги сокамерников, пренебрегающих носками, больно смотреть.

У стены под окном стоит холодильник, на нем телевизор, так что видно всем. В камере нас 5 человек. На шестой шконке лежат продукты, не вошедшие в холодильник. Трое курят, так что дым стоит коромыслом. Двое заключенных убийцы. В законе есть прямой запрет на совместное содержание с убийцами. Но здесь, как я понял, это делается специально. Для создания конфликтной ситуации.

Убийцы молодые, 21 и 27 лет. Еще двое моих сокамерников за 50. Они по экономическим статьям. Начинается конфликт: не так сели, не так убрали... В результате на камере висит табличка «СК» (спецконтроль). Это значит, что в камере что-то не ладно. К такой камере будут опасаться подходить с коммерческими предложениями сотрудники администрации. Все это происходит с ведома оперчасти тюрьмы. Перед обходом начальника тюрьмы подходит местный опер и предупреждает убийц, чтобы на вопрос о своих статьях отвечали, что сидят за экономические преступления.

Мусор в камере хранится в специальной пластиковой бочке (20-литровой, на местном жаргоне мошка). Выносят его раз в неделю (хотя должны ежедневно). Прямое указание на это начальника тюрьмы своим замам на обходе ни к чему не приводит. Соответственно, много мошки.

Такие условия на местном жаргоне называются заморозка, то есть отсутствие какой-либо возможности для налаживания нормальных человеческих условий. Конфликтная ситуация внутри, особый контроль оперчасти. В качестве примера могу рассказать, что у меня была необходимость срочно заверить доверенность. Так вот, сотрудник, отвечающий за оформление таких документов, появился у камеры через три недели моих ежедневных заявлений. Когда я ему обрисовал проблему и пообещал отблагодарить за расторопность, то он вообще пропал.

Еще лет пять придется провести в тюрьме

07.09.08

Сегодня День города. Посмотрели репортаж по TV.

В принципе, атмосфера в тюрьме располагает к неорганизованности. Часы тянутся долго, особых дел нет (к тому же иметь часы здесь запрещено). Нет динамики. И значит, вокруг трясина. Поэтому приходится придумывать, планировать день по часам, чтобы появлялась в нем осмысленность и главное — ритм.

Тяжело от мыслей, что еще лет пять придется провести в таких условиях, а это 39, а там и 50 скоро. Но желание отстоять свою правду превалирует, заставляет быть собранным до конца.

Болит душа за тех и за то, что осталось на воле. Следствие цинично: либо признание в том, чего не совершал, и возврат к семье в обозримом будущем, либо получишь по полной и потеряешь все. Выбор, который очевиден и порядочен, собственно, единственно возможен в силу отсутствия какого-либо выбора, очень болезнен. Чувствуешь себя убийцей. Это очень гнетет.

В общем, гнетущих мыслей здесь гораздо больше, чем какого-либо позитива.

Надеюсь, что если жизнь рассматривать как зебру, а нынешнюю полосу как черную (а какую же еще?), то объема негатива, который я сейчас получаю, хватит лет до 60. Это, пожалуй, единственная позитивная мысль, которая приходит здесь в голову. Надеюсь, что правда и любовь победит беззаконие и негатив.

10.09.08

Я заметил закономерность: после прихода любых людей, связанных с семьей, или передачи каких-либо личных вещей становится очень тяжело на душе.

Получил сегодня книги, переданные женой. Это тоже было тяжело. Даже переезд из камеры в камеру, который занял больше трех часов, не отвлек от грустных мыслей. Так что остается только ждать. Нет чувства контакта — и захлестнула ностальгия.

Переехали в другую камеру — опять окно без стекол

14.09.08

Закончилась неделя. Если судить по арестантским меркам — неделя удачная. В понедельник был последний солнечный день. Нас отвели в баню и на прогулку! В тюрьме есть правило — если водят в баню (то есть в горячий душ), то в этот день прогулки нет. Но в понедельник было и то, и другое. Впервые нас отвели в угловую камеру для прогулок, где небо было не просто в центральной части камеры, а простиралось вдоль длинной левой стены, что позволило принять солнечные ванны. Вместо обычных 30–40 минут гуляли полтора часа. Повезло, попался хороший офицер.

Во вторник мы неожиданно переехали в другую камеру. Свежую, после ремонта. Эта камера также без стекол. Наверняка при +25 это здорово. Но в условиях наступающей зимы это сомнительное удовольствие. Ну а погода — это испытание, через которое надо пройти.

Удачная ли была неделя? Не уверен, что это верный вопрос. Неделя была в бытовом плане неплохой. В плане жизни появилось понимание, что когда бы я ни вышел, начинать надо будет все с нуля. Готов ли я к этому? Это все равно, что сказать самому себе — слабо?

Буду концентрировать все силы для этого: буду стараться сохранить то, что возможно, а далее — все с удесытеренной силой. Главное сохранить отношения, силы и здоровье.

Окружение здесь, как в пионерском лагере — веселое, но месяца-двух достаточно, чтобы достало это. Общаться не с кем.

Каждый день накатывает грусть.

Нас четыре человека: три убийцы и я

15.09.08.

Сегодня очередной раз общался с местным оперативником. Наши встречи проходят 2 раза в неделю. Я охотно обсуждаю все вопросы в нужном мне русле, ничего не пишу, стараюсь подвести его к обсуждению нейтральных тем.

Мне задается вопрос: «Ну что, подумали?». Я отвечаю — «Да, готов рассказать Вам о компании Х и ее акционере С. (это заказчик моего дела) все, что знаю преступного, а также о том, с кем меня этот С. познакомил, в том числе и с теми людьми, о которых Вы мне задаете вопросы».

Опер смотрит в свои записи. «У меня, — говорит, — про этого С. ничего нет. Подожди, — говорит, — я должен это уточнить».

Следующая встреча начинается со слов, что ему этот С. не интересен, а надо говорить лишь об одном человеке, М. Я задаю вопрос — так все же, что Вас и для чего интересует. Опер злится, говорит, что об этом много раз уже говорил — нужны мои показания, что М. преступник. Как только эти показания оказываются у опера, этот М. сразу заезжает в тюрьму, а я выхожу.

«Позвольте, — говорю я, — но Ваша сделка нечестная, даже если Вы найдете в моих словах состав преступления, он, М., обладает иммунитетом и по любому сюда не заедет». Опер смотрит в свои бумажки, удивляется, но встреча опять заканчивается.

Очередная встреча начинается с нового предложения — я просто пишу, а меня просто выпускают под подписку о невыезде. Дальше, говорит опер, суд решит.

Хорошо, — говорю, — начну рассказ с того, что известно мне из прессы — в середине 90-х годов у М. работал некто Френкель, обвиняемый в организации убийства Андрея Козлова. Но М. его уволил, так как Френкель баловался обналичкой.

Тут опер переходит на другую тему — знаю ли я, сколько стоит обналичка сейчас. Я подробно рассказываю ему, что дешевле и проще платить 13 % подоходного налога и получать доход официально. И так далее. За обсуждением разных вариантов налоговых оптимизаций проходит еще час, наше время истекло. Встреча снова закончилась.

На сегодняшней встрече мне выдали официальный бланк чистосердечного признания. «Ну, — говорят, — пиши». «Постойте-ка, — говорю, — мы же говорили не о чистосердечном

признании, а о некой интересующей Вас информации». «Да, — отвечает опер, — но других бланков у нас нет. Давайте, пишите здесь». «Нет, — говорю, мы так не договаривались». «Тогда пиши на чистых листах бумаги». Я предлагаю написать краткий перечень интернет-сайтов, где можно почитать об этом человеке в десятки раз больше, чем может быть известно мне. Опер понимает, что наш разговор возвращается к началу, злится, но время вышло. Меня пора вести в камеру.

Вечером из нашей камеры переводят последнего подследственного, сидящего по экономической статье. Вместе с ним уезжают холодильник и TV. Вместо него забрасывают 24-летнего паренька из Рязани, по статье 105 (убийство). Нас четыре человека. Три убийцы и я.

За 85 000 руб. оперчасть забыла обо мне навсегда

18.09.08.

Сегодня меня повезли в суд на продление меры пресечения. В отличие от первого суда, куда меня возил тюремный спецназ, сейчас заказчик сэкономил, и меня повезли на обычном автозаке вместе со всеми «судовыми». Это была ошибка заказчика, так как я смог по дороге познакомиться с давно сидящим по экономической статье бывшим сотрудником администрации президента. Этот, более опытный и старший человек (48 лет), был рад встретить нормального собеседника (равно как и я). У нас было много времени, чтобы поговорить. Дело в том, что всех «судовых» выводят из камер в 7–7.30 утра и закрывают на общую сборку. Часов в 10–10.30 автозаки начинают развозить по судам. В судах попадаешь опять на сборку, далее, по приезду в тюрьму (часам к 7–8 вечера), опять попадаешь на сборку часов до 23–24. Все это время мы общались. Алексей, так зовут моего нового знакомого, рассказал, как можно обустроить быт в тюрьме, и взялся мне помочь в этом. Естественно, не бесплатно. За те же деньги он решит и ряд своих проблем.

19.09.08

Сегодня меня перевели в камеру Алексея! Нас в камере 3 человека (камера 4-местная). Расположена она в самом современном корпусе Бутырки — «Большой Спец». В камере есть стекла (даже двойные рамы), горячая вода, душ, мобильный телефон. Я подробно рассказал Алексею о своих проблемах с оперчастью. Он взялся решить этот вопрос, сделав ряд телефонных звонков.

Цена вопроса оказалась более чем скромная — порядка 85 000 рублей, из них 30 000 наличными. Ноутбук, обогреватели масляные (несколько штук) и канцтовары для оперчасти. После этого обо мне оперчасть забыла навсегда.

Списки прихожан утверждает лично начальник тюрьмы

27.09.08

Сегодня я впервые попал в Бутырскую церковь. Архитектором храма являлся Михаил Казаков, однако от его архитектуры мало что осталось. В советское время церковь была перестроена под дополнительные камеры и больничку (которая функционирует до настоящего времени). Лишь в 1990-х годах началось ее восстановление.

Впервые в жизни я исповедался и причастился. Из 2100 заключенных, содержащихся в Бутырке, в храм выводят не более 25–30 человек. Нет возможности выводить больше народу, списки подписывает лично начальник тюрьмы.

Меня включили в список на постоянной основе. Службы будут проходить 2 раза в неделю по понедельникам и пятницам. Посещение храма, беседа со священником (не исповедь, а разговор по душам) очень ценны здесь.

Конвой исполняет ресторанный заказ, добавляя комиссию

15.10.08

У моего сокамерника Алексея подходит к концу суд. Он содержится под стражей больше двух лет. В камере есть практически все, что нужно для нормальной жизни. Очень важны щипчики для подстригания ногтей. До этого мне ногти приходилось обрезать лезвием от бритвы, что само по себе не очень удобно. Есть в камере аппарат для измерения глюкозы (глюкометр), якобы необходимый по решению врача. Но этот аппарат используется исключительно как часы, которые в нем тоже есть.

У Алексея есть справки о плохом самочувствии — поэтому нам приносят спецдиету — творог и вареные яйца. Из бутылок из-под воды, заполненных солью, Алексей сделал гантели, связав несколько таких бутылок между собой.

Я впервые нашел сокамерника, с которым могу играть в шахматы. Я играю с нашим третьим сокамерником, Александром. Он бывший сотрудник Альфа-банка, программист. Придумал, как снимать деньги с чужих кредитных карточек. Играем с ним по 2–3 партии в день.

Главное — есть, с кем общаться.

Алексей, собираясь в суд, не берет с собой продукты. Это показалось мне странным, ведь в суде предстоит провести минимум 6, а то и 8 часов, из которых само заседание длится не более полутора-двух часов. Он объясняет мне, что давно договорился о нормальных условиях содержания на судебной «сборке» (т. е. камере, где подследственный проводит время в ожидании суда и после суда в ожидании автозака). Вокруг Тверского суда много разных ресторанов и кафе. Он заранее заказывает сотрудникам милиции, осуществляющим его конвой внутри суда, из какого кафе или ресторана он хотел бы пообедать и чем. Они исполняют заказ, добавляя свою комиссию.

Внутри тюрьмы также удалось наладить поставку «вольных» продуктов, которые не принимаются через официальную передачу: морепродукты, рыба, макароны, супы в пакетиках.

За 1000 руб. тюремный врач примет в любое удобное для вас время

28.10.08

За полтора месяца, что я нахожусь в нормальной камере, мною сделаны наблюдения о работе ряда сотрудников СИЗО, которые могут быть интересны с точки зрения понимания местной специфики и дальнейших событий.

Медицина здесь очень своеобразная. В принципе, каждую неделю приходит доктор и интересуется самочувствием. Это самое большее, на что может рассчитывать обычный арестант. Сокамерник как-то попросил таблетки от температуры — выдали анальгин, при этом аргумент, что больше ничего нет — неубиваем. Я попросил у доктора ваты, доктор теперь старается обходить меня стороной.

Интересно происходит запись на прием к стоматологу. Арестант пишет заявление на прием к врачу и передает его старшему. Старшой опускает заявление в специальный ящик стоматолога. Врач периодически просматривает заявления (раз в неделю) и сам решает, в какой очередности вызывать пациентов и вызывать ли вообще. Не существует какой-либо системы контроля. От врача можно услышать — «Этот уже два месяца записывается, достал», или «Приятное имя — надо вызвать». Исключение составляют случаи, когда есть деньги (в тюрьме официально запрещено иметь наличные). За 1000 рублей врач примет вас в любое удобное для вас время.

То же касается и так называемых диет. Как я уже писал, это дополнительный набор бесплатных продуктов, которые можно получать вдобавок к баланде и запрещенных к официальным передачам: как правило, это творог и вареные яйца. Можно предоставить кучу справок, что у Вас гастрит или СПИД, но чтобы гарантировано получать диету, надо платить 500 руб. в месяц в качестве абонентской платы за здоровье. При этом условии необходимость в справках отпадает сама собой.

Вообще, наличие коррупции в тюрьме — это единственный способ выжить и сохранить здоровье, так как в массе своей всем на тебя плевать.

Воспитатели — сотрудники тюрьмы, которые должны помогать арестантам обустроить быт: получать газеты, передавать TV, помогать оформлять доверенности, записывать желающих помолиться в храм. На практике им бессмысленно предлагать деньги, чтобы они ускорились, так как это все равно не поможет.

Подписку приносят обычно сразу недели за три (чтобы не ходить часто). Очень удобно читать: получается сокращенный вариант «Войны и мира». Если не напоминать про наличие у вас на складе TV каждый день, то он может дойти до камеры недели через две-три.

Доверенность: если она нужна срочно — забудьте. Месяц-полтора — самый быстрый срок.

В храм некоторые арестанты попадают после записи в течение 6 месяцев. Единственный человек и аргумент, который придает ускорения воспитателям — прямое указание начальника тюрьмы.

Старшой — человек, непосредственно отвечающий за арестанта. Именно старшой открывает и закрывает камеру. Его задача — следить за тем, чтобы арестанта вовремя накормили, сводили в душ (здесь это называется баня), в камере был свет и вода, арестант был жив и здоров.

На практике, от взаимоотношения со старшим зависит ежедневный быт арестанта. «Буксующие» или «газующие» граждане, то есть крайне взрывные арестанты, живущие по блатным понятиям, которые ненавидят всех людей в форме, обычно общаются со старшими через «твою мать». В ответ они получают трехэтажные ответы. Но стоит перегореть лампе или потечь крану — мастер может идти неделю. А можно общаться по-доброму. Старшие — люди небогатые, многие питаются тюремной баландой, поэтому, подкармливая старшего шоколадом, угощая хорошими сигаретами, разговаривая на Вы, можно добиться ответного доброго отношения. По первому требованию будут приходить представители технических служб. Старшой сам начинает предлагать дополнительные услуги: спирт, продукты, которые нельзя получать через официальную передачу (пельмени, сардельки, рыбу); телефоны. Старшой закрывает глаза на то, что, несмотря на отбой (это 22.00), у вас в камере будет работать TV. Если старшой увидит у вас телефон, приобретенный не у него — не проблема. Тысяча-две рублей — и говори дальше (тариф безлимитный). Нормальный старшой поднимает за смену 2–3 тысячи рублей (официальная зарплата — порядка 15 тысяч рублей). Дежурства у них сутки через трое. Так что отношениями он сам будет очень дорожить. Они станут почти партнерскими. Когда у старшего будет соответствующая информация, то он не только предупредит о возможном обыске камеры, но и унесет главный запрет — телефон.

Сокамернику предложили сделку: сдай 2 млн евро и выйдешь через 2 года

07.11.08

Сегодня вечером меня перевели в другую камеру. Камера находится в том же, новом крыле тюрьмы, которое называется Большой Спец. У меня три сокамерника. Как они мне сказали, это личная камера начальника тюрьмы. Это означает, что все проверки приходят именно сюда, чтобы посмотреть на образцовый порядок.

Один мой сокамерник, по имени Макс, сидит уже три года. Он в прошлом крупный чиновник, член партии «Единая Россия». Имеет государственные награды. Он был арестован так же, как и я, в офисе. Обвинение — получение крупной взятки за полтора года до того. Он посмеялся, будучи уверенным в торжестве закона, представил в суд, который избирал для него меру пресечения, поручительства двух уважаемых российских политиков, и был арестован. Такая же ситуация, как со мной. Суд на это не обращает внимания, как и на государственные награды. Макс рассказал мне интересную историю про мой арест, невольным свидетелем которой он стал. Макса привезли в Тверской суд для продления его срока содержания под стражей 31 июля 2008 года (в этот день тот же суд санкционировал мой арест). Срок, естественно, продлили, и он поинтересовался у старшего, с которым, как и у Алексея, у него был налажен ресторанно-гастрономический контакт, скоро ли повезут назад в Бутырку. Ответ был таков: «Сейчас привезут некоего бизнесового типа (он назвал полностью мои ФИО), чтобы арестовать, так вот как только его арестуют и увезут, то сразу приедут за Вами». Фантастика — старшой в звании прапорщика, как оказывается, знает не только мою фамилию, но и результат суда, который еще не состоялся.

Так вот, когда Макса арестовали, он все равно не унывал, понимая абсурдность обвинений. От него хотели одного — чтобы он сдал своих начальников, видимо, их места кому-то приглянулись. Я спросил у Макса — как можно предъявить взятку через полтора года? На каком основании? Оказывается — элементарно. Основной свидетель обвинения — бабушка божий одуванчик из дома напротив офиса Макса. Оказывается, что она в свои 70 лет с 5-го этажа видела, как Макс в своем кабинете на 12

этаже здания напротив получает 2 млн евро. Поражают зрительные способности бабушки и ее память, а главное, возможность отличить евро от, например, швейцарских франков. В суде для Макса запросили 12 лет строгого режима. Строгий отличается от общего в плане быстрого освобождения тем, что если общий — УДО по половине срока, а строгий — через две трети. То есть он значительно дольше.

Максу предложили сделку: ладно, хрен с ними, с твоими начальниками, выдавай нам деньги 2 млн евро и выйдешь через 2 года. Макс совершил ошибку и деньги выдал.

Вначале все было как обещали: дали не 12 лет строгого режима, а 4 года общего. То есть теоретически через 2 года он действительно мог выйти. Однако господа следователи почувствовали запах денег. За некоторое время до УДО следователи возбудили против Макса еще одно уголовное дело по взятке и привезли в Москву для нового следствия, где мы и познакомились. На этот раз Макс проявил принципиальность. Ему даже удалось обвинить одного из следователей в вымогательстве, того даже арестовали. Но машина работает, а Макс сидит, и будет сидеть.

Как мне пояснил Макс, да и мои адвокаты тоже, до ареста заинтересован в результате, как правило, только заказчик. После же ареста — еще и следователь, и прокурор, так как в случае твоего оправдания им придется нести ответственность за некачественную работу, что может повлечь лишение хлебного места. Поэтому на стадии суда подключается вся сила бюрократической машины. А с бюрократической машиной воевать бесполезно. Надо менять оператора машины, а кто ж его поменяет, если он свой, да и денег заносит согласно графику.

Второй мой сокамерник тоже по экономической статье. Как и у многих здесь, у него свой бизнес. Его зовут Д. Его история очень проста. Он купил некий интересный актив и стал им управлять. Через какое-то время компания Х предъявила его компании У в арбитражном суде иск о возврате части купленного им актива. Как выяснилось позже, компания Х с продавцом актива тесно связана и обладает хорошей информацией о состоянии дел в компании У. И вот, незадолго до рассмотрения дела в арбитражном суде, генерального директора и владельца компании У арестовывают. Далее к нему приходит следователь и намекает, что перспектива его уголовного дела будет целиком зависеть от итогов заседания арбитражного суда.

Наш четвертый сокамерник бывший десантник, прошел Чечню. У него разбой, хотя в карточке арестанта записано «воровство». Как я уже писал, разбойников и убийц должны

содержать отдельно от остальных арестованных. Но наш десантник человек хороший. Элита десантных войск — разведка, москвич и просто приятный парень. Мы не против его нахождения с нами. А потом, кто же должен держать «дорогу»?

«Дорога» — это система межкамерной связи, официально, естественно, запрещенная. «Дорога» представляет собой толстую веревку, которой соединяются через окна соседние камеры. Налаживается и работает дорога после отбоя и до подъема. У дороги три основные задачи — связь между подельниками и согласование позиций; управление тюрьмой со стороны воров и смотрящих посредством написания «прогонов» и «курсовых»; взаимопомощь (еда, медикаменты, кипятильники и др.). Дорога — это еще и средство обычного человеческого общения, когда друзья сидят в других камерах, а вокруг тебя — тишина.

Первое, что просит убрать подальше генерал, — это книги

11.11.2008

Сегодня прошел обыск, изъяли мобильный телефон, столовые приборы — ножи, вилки и металлические ложки, сырые яйца из холодильника (сырые яйца тоже считаются запретом здесь).

12.11.08

У нас все Ок. Мы все восстановили. С утра пораньше встали, сварили яиц, порезали ножом, сверху намазали майонезом. Единственное, что не успели, так это достать из холодильника красной икры (страшный запрет здесь), которая зашла Максу. Нас позвали на прогулку. Пошли втроем. Дэн, так зовут нашего товарища-десантника, после бессонной ночи на «дороге» спал. Работы у него много. Несколько дней назад в нашу камеру загнали общак, так что ему приходится отправлять по дороге не только малявы, но и чай, сигареты... и другое содержимое общака в другие камеры.

Возвращаемся — Дэн в шоке. Говорит, что заходил какой-то мужик в штатском, с ним еще несколько человек, а начальнику тюрьмы места в камере не хватало — так он стоял в коридоре. Дэн успел своей широкой спиной закрыть натюрморт, но, говорит, мужик обещал вернуться.

Через полчаса выясняется, что мужиком оказался начальник управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) по г. Москве генерал Давыдов. Его визит в нашу камеру связан с тем, что завтра, 13.11.08, в Бутырку должен приехать министр юстиции Швеции с сопровождающими его официальными лицами.

Давыдов пришел в сопровождении своих замов и нашего оперативника, который также является заместителем начальника тюрьмы по оперативной работе, подполковник Г. Цель визита — выявить недостатки перед визитом министра.

Первое, что просит убрать подальше г-н Давыдов, это мои книги. На мой логичный вопрос — почему? — следует логичный ответ: будут задавать вопросы, откуда в тюрьме такие хорошие книги. А на место книг, предложил он, поставьте продукты: соки, мармелад и т. д., чтобы видели, как вас здесь хорошо кормят. «Продукты ж нам передают родственники, — заметили мы, — к УФСИНу это не имеет отношения», «Ничего страшного, это никого не будет интересовать», — ответил он.

Далее, — говорит, — вам вместо вашего личного постельного белья (разрешенного к передаче) выдадут новое местное — поспите пару ночей на нем, и т. д. и т. п. Комичность ситуации придавал его вопрос, адресованный нашему оперативнику: а есть ли в камере запрещенные предметы? Он уверенно ответил: нет, ведь в камере только вчера был обыск и много чего было изъято, включая сырые яйца. На этих словах Давыдов открывает холодильник и видит — сырые яйца! Вопрос у него к нам один: как вам это удастся? Мы разводим руками и спрашиваем, а почему мы должны жить по правилам, установленным в 1995 году, и что плохого в сырых яйцах? Ответ один — не положено. «Обращайтесь к своим друзьям-депутатам, пускай они вносят в законы соответствующие изменения, а мы будем исполнять». Мы решили дискуссию не развивать, хотя было интересно выяснить, почему создание человеческих условий содержания под стражей должно быть заботой арестованных, а не руководства соответствующей федеральной службы. Тем более что Россия и так не удовлетворяет требованиям большинства европейских конвенций в этой области. А мы же часть Европы, мы, по идее, должны соответствовать. Хотя после общения с нашими судами, которые плевать хотели даже на постановления пленумов Президиума Верховного суда РФ, разъясняющих, что арест может быть применен лишь в крайних случаях, должен быть обоснован не общими фразами, а конкретными фактами, свидетельствующими о возможности подозреваемого скрыться — чего здесь говорить. Возникает параллель с романом Быкова «ЖД», который я сейчас читаю — хазары и варяги. Причем понятно, кто есть кто.

«Получена установка — положенцем в Бутырке грузин не будет»

13.11.08

К нам в камеру с проверкой зашел начальник Федеральной службы исполнения наказаний генерал Калинин. Посмотрев на меня, задал один вопрос: «Такой приличный человек, а в тюрьме. Что Вы здесь делаете?». Я ответил, что и сам не знаю.

18.11.08

Сегодня на «сборке», то есть небольшой камере (они есть в разных частях тюрьмы), где собирают арестантов из разных камер после суда, встреч с адвокатами, свиданий и т. д. для того, чтобы развести вместе по своим камерам, встретил парня по имени В. Он сидит в Бутырке на так называемом «воровском продоле» (коридоре). Это наиболее изолированная часть тюрьмы, которая не имеет с другими корпусами «дорог», то есть системы межкамерной связи, состоящей из привязанных между камерами веревок. («Дорога» используется в основном для того, чтобы подельники, сидящие в одной тюрьме, могли списаться друг с другом; и для управления тюрьмой со стороны воров, положенцев и смотрящих, так как все прогоны, курсовые и обращения от них доводятся до арестантов по «дороге»; и для передачи по «дороге» разных насущных вещей — сигареты, чай, кипяtilьники и т. д.).

Открыть дверь в этот коридор имеет право офицер не ниже дежурного помощника начальника следственного изолятора (или ДПНСИ). Содержат здесь в основном воров, наиболее «идейных» уголовников, которые не хотят соблюдать правила поведения в тюрьме, установленные администрацией, а стремятся жить, как им кажется, по воровским понятиям. А еще там содержат просто людей, в том числе бизнесменов, которых нужно максимально отрезать от внешнего мира и создать невыносимые бытовые условия. Здесь самые маленькие в тюрьме камеры и нет даже теоретической возможности подключить горячую воду.

В. — бизнесмен, сидел в нормальной камере. У него была масса вопросов к администрации тюрьмы, которые он никак не мог решить (ему слишком долго несли газеты, порой 3 недели, на прогулку водили на 30 мин вместо положенного часа и т. д.). Он стал писать жалобы, и в результате угодил на «воровской». Я интересуюсь у него, что интересного происходит на «воровском», на что он отвечает мне, что вскоре должна быть массовая акция — голодовка. Но он ее не поддержит потому, что все это «блатное

движение» крайне смешно. Я спрашиваю — почему.

Оказывается, что во время предыдущей голодовки в тюрьму приезжали представители надзорного органа — прокуратуры. Их повели по камерам, которые расположены на «воровском». У прокуроров был один вопрос: почему голодаете? У «блатных» был, как правило, один ответ: «Смотрящий сказал, вопросы к нему». А то, что здесь не соблюдаются очень многие требования закона об условиях содержания под стражей и просто гигиенические нормы — об этом они в массе своей не говорили. В. задается вопросом — ну и зачем поддерживать такие бессмысленные массовые акции, направленные скорее на приобретение дополнительного авторитета у «блатных авторитетов», чем на решение реальных вопросов?

В этой связи надо отметить, что за «блатное движение» в тюрьме в отсутствие вора отвечает положенец, назначенный вору. Или смотрящий, выбранный братвой. Это только на первый взгляд независимая, то есть параллельная форма власти в тюрьме. На самом же деле, по крайней мере, в Бутырке, «блатное движение» находится под полным контролем администрации и служит инструментом управления массами уголовников. Любопытны два факта: недели за три до сегодняшнего разговора с В. в Бутырку приезжала некая Еврокомиссия, группа проверяющих из Евросоюза. За несколько дней до их приезда положенец централа пустил курсовую, что такая-то комиссия приезжает и принято решение ей ни на что не жаловаться. А кто ослушается, тот будет наказан за это по всей строгости.

Второй эпизод — разговор, свидетелем которого я стал несколько дней тому назад. Разговор состоялся между представителем администрации и арестантом. Арестант интересовался у представителя администрации, когда же, наконец, поднимут с «воровского продола» только что назначенного положенца Бадри в общую камеру, чтобы он мог нормально управлять блатной массой, так как делать это, находясь на «воровском», невозможно. Представитель администрации был неумолим: «Получена установка — положенцем в Бутырке грузин не будет». Это должен быть русский человек. Арестант просил, чтобы начальник тюрьмы принял Бадри и поговорил с ним, так как он разумный человек и все-таки назначен ворами. Ничего, говорил представитель администрации, назначат другого. Нам, к примеру, подходит Ш.

Все так и получилось. Во избежание внутреннего конфликта Бадри был переведен в изолятор «Матросская тишина», а тот же вор, который назначал Бадри, новым положенцем назначил именно г-на Ш., о котором я ранее слышал от представителя

администрации.

Через полтора года следствие определилось, в чем меня обвинить

27.11.08

Сегодня ко мне приезжали следователи, чтобы предъявить мне обвинение. Это, конечно, цирк! Следствие по делу началось в июле 2007 года. Наконец к 10 ноября 2008 года следствие определилось, в чем точно меня обвинить. При этом следствие очень сильно рассчитывало, что я дам признательные показания при предъявлении мне обвинения. Как я понимаю, основных способов убеждения меня было два.

Первый, официальный, исходил напрямую от следователя. Она даже приходила ко мне в СИЗО в середине октября — без адвокатов, только в присутствии майора (сейчас уже подполковника). На мое предложение — позвонить адвокатам по телефону, так как они только что были у меня и ушли, следователь ответила, что разговор короткий и не стоит. Мне стало любопытно, что следствие придумало на этот раз — и я согласился ее послушать. Следователь заявила, что я могу выйти под подписку о невыезде, если в РФ приедет и даст показания С.К., мой предполагаемый подельник. На этом месте у меня возник огромный вопрос в адекватности следователя. Во-первых, как я, лишенный средств связи (по крайней мере, по мнению следствия), смог бы связаться с С.К., оставаясь в тюрьме? Следователь предложила доверить этот разговор кому-либо из адвокатов. Тоже спорный момент. Кто бы стал доверять словам чужого человека, тем более в вопросах личной безопасности? Сам я навряд ли бы стал, да и любой на его месте. Во-вторых, каковы были для С.К. гарантии безопасности, под которыми я понимаю его свободу? Следователь отметила, что его гарантии — это ее слово офицера. Учитывая, что ее слова становились все менее адекватными, я счел это предложение издевкой.

Как следователь считает возможной гарантию, полученную из уст третьего человека, при том, что человек (то есть я), на кого ссылается посредник (он же адвокат), мило сидит себе в тюрьме?

Я отметил, что если следователь действительно хочет узнать истину, то лучшей гарантией свободы для С.К. и адекватности его реакции на мои слова будет моя свобода в любой форме — подписка о невыезде или иное. Следователь ожидала такой реакции, истина ей была, на мой взгляд, не интересна. Я только не понял, зачем она приходила. Она считала, что может вот так вот развести? Возможный смысл ее визита я уловил в последнем

вопросе — «Как Вам Ваши условия содержания?» Я ответил, что очень плохие. Я попросил у нее помощи в возможном улучшении условий содержания и получил стандартный ответ — это не в наших силах. Мы из разных ведомств.

Как ни печально, одна из адвокатских команд, меня защищавших, работала, как оказалось, совместно с заказчиком. Они говорили мне: как только следствие будет закончено и Вам предъявят обвинения, есть шанс, очень большой шанс, что Вас выпустят под подписку, так как повлиять на свидетелей и помешать завершению следствия Вы не сможете. Я думаю, что это чистой воды разговоры в пользу бедных, скорее направленные на то, чтобы ускорить сроки следствия за счет спешки с окончательным предъявлением обвинения. Эта версия удобна адвокатам, чтобы гнать дело в суд, а не бороться за каждую запятую на стадии следствия путем подачи жалоб, ходатайств и иных действий, которые бы реально свидетельствовали о работе адвокатов. А брать на себя функции Кашпиrowsкого — вот будет так — не их (адвокатов) работа.

Второй способ убеждения был неофициальный. Как я уже рассказывал, началось это еще в конце августа — это шантаж и угроза. То, что я переехал в новую камеру (тогда еще к Алексею), избавило меня от недружественного общения со стороны представителей администрации тюрьмы. Но это вовсе не означало конца усилий оперов из МВД по моему прессингу. Через несколько дней после моего переезда меня вызвал человек, которому я был обязан переводом в новую камеру и определенной защитой. «Послушай, — сказал он, — твой опер из МВД не унимается. Я буду тебя защищать, мне не нужны неприятности в тюрьме. Но имей в виду: они просят, чтобы мы тебя прессанули. В разговорах с ними говори, что у тебя все плохо, и проси о помощи. Твою камеру курирую я, не беспокойся — все будет ОК. Но меня по выходным не бывает, если будут ЧП — пускай твой сокамерник найдет способ поставить меня в курс».

Я спросил, зачем играть, просить о помощи. Мне ответили — чтобы у оперов было убеждение, что идет работа в нужном русле. Так как какие у них связи на более высоком уровне и не захотят ли они перекинуть тебя на другой централ, мы не знаем.

Мой новый знакомый глядел как в воду — по поводу выходных и ЧП. Через некоторое время, в выходные, меня попытались перекинуть в камеру к представителям горских народов, которые стали проявлять излишнюю осведомленность в моем деле. Но к счастью, это было воскресенье, а в понедельник меня перевели обратно. Впоследствии меня несколько раз выводили из камеры и закрывали одного на «сборке» часа на 3–4.

Мой новый знакомый сказал мне, что таким образом он скрывал меня от эмвэдэшних оперов, когда получал информацию, что они хотят приехать пообщаться. В общем, меня никто не трогал, но вокруг была разведана бурная деятельность.

После встречи с госпожой следователем я рассказал моему новому знакомому наш разговор с ней — в части ее возможной помощи в улучшении моих условий. Его очень удивил ее ответ, что они ничего не могут. Он задал риторический вопрос: «Зачем же они тогда приезжают и просят об обратном — сделать условия невыносимыми?».

Так вот, когда после всех этих действий, 11 ноября 2008 года, ко мне приходила помощник следователя, бабуля, прикомандированная из-под Нижнего Новгорода, и предъявила мне обвинение по статье 159 части 4, она очень рассчитывала от меня получить показания (признательные). Когда же я, сославшись на статью 51 Конституции РФ, дающую право не свидетельствовать против родственников и себя, заявил, что показания буду давать только в суде — это явилось неожиданностью для следствия. И следствие поступило импульсивно, как бы говоря — не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. За две недели был найден новый состав преступления, ст. 174 через 30-ю, попытка легализации. И вот сегодня мне было предъявлено обвинение уже в новой редакции. Предъявлял его майор, который уже не ждал никаких показаний.

Удивляет одно — «оперативность» и «качественность» следственной бригады, которая за полтора года нашла в моих действиях состав преступления по одной статье УК, но двух недель хватило, чтобы найти еще одну статью. Я думаю, что если бы следствие не было ограничено временем (сроки уже поджимали), мне могли бы предъявить еще пару статей УК.

Спасибо коррупции: сокамернику удалось вставить стекла на зиму

01.12.08

Зима началась с того, что нашу камеру раскидали. Дэна перевели в общую камеру, а Макса перевели на Малый Спец, где до этого сидел я. Нам дали возможность помочь Максу перенести вещи и посмотреть, в каких условиях он будет жить. Камера оказалась ужасной. Она была похожа на камеру, в которую меня поместили в начале моего пребывания здесь, только она была еще меньше. Здесь не делался ремонт вот уже лет 20 (очень давно), и здесь не было оконных рам!!! Одни решетки. Это зимой-то.

08.12.08

Максу удалось поставить окна в своей камере — не прошло и недели. Конечно, путем коррумпирования людей, отвечающих за это. (Что было бы в тюрьме без коррупции? Не знаю — плохо было бы очень). Все это время Макс жил в камере в верхней одежде, в том числе и спал. Одновременно с ним в камеру перекинули парня из соседней с нами камеры. Незадолго до перекидки я видел, как этого парня уводил для разговора сотрудник оперчасти. Я предупредил Макса об этом. В результате уже на следующий день Макс остался в камере один, технично избавившись от стукача.

Дело было так. Утром он стал расспрашивать нового сокамерника о том, откуда он и т. д. Между прочего, Макс спросил его, знает ли тот, что в тюрьме, особенно сокамерникам, нельзя врать — и что за это бывает. Сокамерник ответил утвердительно. Тогда Макс спросил, общался ли его сокамерник перед перекидкой в эту камеру с сотрудниками оперчасти, а если общался, то, какое задание от них получил. Сокамерник уверенно ответил, что не общался. Тогда Макс назвал ему имя оперативника, с которым общался его сокамерник, и время (за несколько часов до перекидки). Сокамерник Макса испугался и стал «ломиться» из камеры, то есть стучать в дверь («тормоза») и требовать перевести его из этой камеры. Дальнейшее пребывание сокамерника Макса в нашей тюрьме будет не столь комфортным, как раньше. Он стал «ломовым». Это считается очень плохо. Ты должен всегда находить контакт со своими сокамерниками. «Сломившись» один раз, ты попадаешь в любой другой камере на самое плохое место и делаешь самую черную работу. Здесь считается, что раз человек «сломился», значит, он не может

устанавливать нормальный контакт в коллективе. Раз не может установить контакт, значит, у него есть где-то проблема — либо он стукач, либо просто неадекватный человек. Никто не будет разбираться в нюансах. Один раз сломался — и к тебе приклеивается ярлык, «ломовой». Поэтому, если нормальный человек попадает в ненормальные условия (как Макс или я несколькими месяцами ранее), то единственный способ улучшить свое положение — добиться официального перевода из камеры в камеру, что решает руководство тюрьмы.

Причина ухудшения условий — месть коллег арестованного милиционера

09.12.08

Сегодня получили маляву от Макса. Стали проясняться причины его резкого перевода. Официально ему вменили в вину «поддержку блатного движения» в тюрьме. В нашей камере находился общак. Но мы знали, что все так называемые «блатные» охотно идут на контакт с администрацией и их «движение» по этому поводу не трогают. Ведь тот же общак нужен, прежде всего, тем, кто уезжает на этап, но не имеет возможности получить передачу от родственников или близких. Или, наоборот, для тех, кто только заехал, но абсолютно гол. В общем, основная функция общака — социальная, то есть поддержка малоимущих.

Причина была в чем-то другом, общак — это предлог. Максус стало известно, что за несколько дней до его перекидки сотрудники СК ГП РФ арестовали по заявлению Макса действующего сотрудника правоохранительных органов, занимавшегося вымогательством у Макса денег. Видимо, основная причина перекидки — это месть коллег арестованного сотрудника.

Макс также отписал, что в соседнюю с ним камеру на Малый Спец заехал мой бывший сокамерник Алексей, но ситуация у него намного хуже. В четырехместной камере их пять человек, двое из которых больны СПИДом. Спят по очереди.

Причина очень проста. Алексей, договариваясь об условиях своего содержания здесь, сделал ставку на нормальные договоренности с сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве, без учета мнения и интересов местных руководителей. В результате, когда ему светил реальный шанс уехать в карцер за найденный у него при обыске мобильный телефон (третий за месяц), он попытался не договориться с местной администрацией, а прогнуть их через руководство. При этом допустил ошибку. Он обвинил представителей местной администрации в вымогательстве у него денег (на мой взгляд, вещи спорной). Он обвинил во всем второго человека в тюрьме, зам. начальника тюрьмы по оперативной работе. В результате он получил в его лице серьезного врага. Мне сложно это как-то комментировать.

Итог для Алексея плачевен: в карцер он не попал, а поехал на

Малый Спец и был вычеркнут из списка арестантов, которых выводят в храм.

Нас не нагонят

20.12.08

На протяжении последних дней я знакомился с материалами уголовного дела, возбужденного против меня. Следствие не успевало уложиться в сроки и очень сильно подгоняло как меня, так и адвокатов. В частности, нижегородская бабушка, прикомандированный следователь, перешла к прямым угрозам в адрес моего адвоката. В день, когда мой адвокат должна была приехать ко мне для закрытия дела, у нее был судебный процесс. Выйдя из суда и включив телефон, она обнаружила больше 15 звонков бабушки-следователя. А когда они созвонились, то следователь напрямую заявила о возможности уголовного преследования моего адвоката — в случае, если она не представит справку, что была занята.

Естественно, никто не стал мне изменять меру пресечения. Как говорит в таких случаях мой друг Макс, «нас не нагонят» (нагнать — то есть отпустить на местном жаргоне).

В тюрьме не чувствуется дыхания кризиса, но видна вся фальшь чиновников

25.12.08

Макс после приема у начальника тюрьмы (хозяина по местному наречию) переехал обратно на Большой Спец, в соседнюю камеру! Его опала практически закончилась. К сожалению, нам не дали объединиться, но мы можем общаться посредством «дороги». К большому сожалению, у Алексея дела не сдвинулись с мертвой точки. Ему удалось, договорившись с сантехником, изобразить в камере потоп. Вечером вода заполнила весь пол камеры по щиколотку. Они всю ночь провели в воде. Утром на проверке Алексей попросил перевести его в другую камеру, так как эта залита водой. Ему предложили взять в руки тряпки и вычерпать всю воду. При этом добавили: по твоему, мол, поводу есть специальные указания; даже если у тебя в камере будет пожар, то ты вытрешь стены от копоти и все равно будешь оставаться в этой камере.

Это живая иллюстрация того, что какие бы высокие связи ни были у арестанта, а с местными начальниками не надо конфликтовать. Они всегда смогут обосновать, почему делают то и то, всегда смогут спрятать тебя на сборку или в другую камеру перед любой проверкой. В конце концов, просто закроют в прогулочном дворике, пока проверяющие не уедут.

Провожу все свободное время за чтением газет и книг. Вообще, я обратил внимание, что пресса здесь воспринимается совсем иначе, чем на воле. Наличие на воле интернета не так сужает информационное поле. Здесь же есть только TV, по которому вот уже который месяц крутят «кризисанет». В этом смысле газеты — это глоток свежего воздуха. Газеты заставляют шестеренки в голове крутиться быстрее. Читаются они здесь тоже совсем по-другому. В первую очередь внимание обращается на аналитические статьи, мнения экспертов, макроэкономические показатели, лишь потом — на текущие события. Текущие события интересны постольку-поскольку, так как мы все равно здесь. Гораздо интереснее получить возможность самостоятельно проанализировать ситуацию, спрогнозировать события. Времени здесь предостаточно.

Газеты здесь получают далеко не многие, их передают из камеры в камеру — как, наверное, в свое время самиздатовские

издания. Газеты читают и пытаются осмысливать происходящие вокруг события не только арестованные по экономическим статьям, но и разбойники (ст. 162), воры (158) и другие. Я приведу полностью, с сохранением особенностей орфографии, маляву, полученную по «дороге» от одного разбойника-рецидивиста. «Александр, надеюсь ты в добром здравии и хорошем расположении духа. Всем, кто близок по духу, слова добрые в сердца от души. Братуха, у меня есть к тебе просьба в том плане, быть может у тебя есть возможность и ты имеешь в наличии какую-нибудь прессу, имея ввиду газеты, журналы или, быть может, кроссворды. Общения как такового не хватает, чувствую, что мозг атрофируется. Память становится плохая. Без информации мозг перестал уже нормально работать. Будь проклят кто век от века тюрьмою хочет исправить человека. Братуха, башню уже начинает подрывать, тут еще в Библии Книгу проповедника Екклесияста прочитал. Короче мозги скоро вскипят. Как не хочется стать дибилом, это и грузит. Ну да ладненько, дай Бог, чтобы и тебе тоже здоровым остаться и чем быстрее мы будем на воле, тем лучше».

А вот выдержки из сообщения (малявы), которую я получил от одного человека после прочтения посланных мною газет. «Прочитал первое честное мнение о нашем ТВ, в котором отмечалось, как все СМИ не заметили бунтов в Приморском крае и кризиса. Может быть, наконец, скоро девиз «Да здравствует Путин!» сменится на «Ребята, давайте работать» (Хотя многие сочтут это призывом работать в ФСБ). Кризис в кошельках, кризис в умах, что четко видно на примере Бутырки. Не только у униженных и оскорбленных зеков проблемы — болезнь стукачества (особенно в известных нам камерах), но и в головах людей, присматривающих за нашей сохранностью, дай Бог им здоровья».

Надо отметить, что все, кто читает в тюрьме прессу, настроены крайне оппозиционно к действующей власти. Здесь не чувствуется дыхание кризиса, но видна невооруженным глазом вся фальшь чиновников, которые убеждают, что все под контролем. От этого становится как-то жутко, неужели все настолько плохо!

В Новый год у меня самое теплое одеяло на централье

31.12.2008

Скоро Новый год. Новогоднее настроение пока не ощущается. Мы в камере вдвоем. Незадолго до ужина моему сокамернику сказали собирать вещи, будут переводить в общую камеру. Пришли и за мной. Долго вели по темным коридорам, пока не очутились в небольшом помещении, где было тепло и очень светло. Налили стакан вина — стали провожать старый год, закусили, чем Бог послал. Получил новогодние подарки от жены, которые в силу погоды были особенно кстати — теперь у меня самое теплое одеяло на централье.

Перед Новым годом, часа за два, в камеру закинули двух новых ребят. Их перевели из общей камеры. Так что новый год будем встречать втроем.

Самое приятное в этом празднике здесь — это возможность позвонить. Праздник прошел тихо, по-трезвому.

В Бутырке телефонов больше нет, поэтому отключили глушилки и стало лучше слышно

02.01.09

Чувствую, что дыхание кризиса начало проникать и в эти стены. Сегодня старшой по дороге в баню стал интересоваться перспективой роста курса доллара и ценой барреля нефти в 2009 году. На мой вопрос — зачем — он ответил, что уже стало тяжело. Он хочет знать, когда уже будет лучше. Я отвечаю, что, по моему мнению, будет только хуже. Доллар подползет к 40 рублям, а баррель не будет подниматься выше. Для старшого это был шок. Куда же хуже, спросил он сам у себя. Меня поразила информированность старшого, не хватало только вопросов об индексе Доу-Джонса и ценах на тройскую унцию золота.

09.01.09

Сегодня был очередной обыск. Нашли телефон, а зарядку нет. Предположили, что мы заряжаем телефон через телевизор?! Отключили горячую воду, так как «не положено». Без горячей воды становится прямо как в тюрьме — холодно.

10.01.09

Вызывали в оперчасть, мы заранее договаривались, что один из моих сокамерников «возьмет» телефон на себя, так как это один из основных запретов в тюрьме. Можно легко угодить в карцер. Так и сделали. Вот только опер стал угрожать моему сокамернику, говоря, чтобы тот сдал того, чей телефон, так как в нем нашли наркотики и это статья. Сокатерник не сдался. Мой — и все. Через несколько часов меня привели к замначальника тюрьмы по оперативной работе, с которым конфликтовал Алексей. Поговорили по душам. Я еще раз напомнил ему о несоответствии законов реалиям жизни и духу времени, а также о несоответствии многих условий содержания здесь даже этим законам. В частности, что очень много людей здесь, в тюрьме, в том числе среди моих бывших сокамерников, имеют разрешения судов на телефонные звонки. Однако в тюрьме нет технической возможности обеспечить данную норму, что ущемляет права заключенных. В конце разговора мой собеседник, г-н Г. сказал: признайся, это же твой телефон нашли у вас в камере. Мне не нужно отправлять тебя в карцер — мне нужен канал, по которому

телефоны попадают в тюрьму. Я ответил, что если его подчиненные перестанут говорить глупости и угрожать моим сокамерникам, то я готов буду лично сказать, что да, телефон мой, но канал я не выдам, пока технические возможности тюрьмы не будут соответствовать нормам закона (в области телефонных звонков). А когда эти нормы будут выполнены, у меня не будет причин заносить телефоны. В общем, договорились, чтобы у меня больше телефон не находили, тогда и вопросов не будет. А этот эпизод забыли. Хороший, нормальный для меня вариант, с учетом того, что 26.12.08 у меня уже изъяли один аппарат прямо из кармана брюк. То есть я уже должен был получить два карцера. Но нормальные человеческие отношения сделали возможным жить нормально. Конечно же, телефоном я буду пользоваться, но гораздо аккуратнее.

Официально в Бутырке телефонов больше нет. Что самое приятное, это стало причиной отключения глушилок — а стало быть, стало гораздо лучше слышно.

Вечером в камеру зашли вызванные мною сантехники. Формальный повод для вызова — протечка раковины. Я поинтересовался у них, почему отключили воду. Они опустили глаза в пол, сказали, что приказ. Я спросил, сколько времени потребуется, чтобы воду включить? Ребята ответили мне, что наверху идет ремонт камеры и сколько времени уйдет на это, они не знают. Тогда я задал более конкретный вопрос — сколько? — Блок «Парламента». — Хорошо, говорю, договорились. А когда вода будет? Ребята сказали — часа через два сделаем. Сделали, не обманули.

Не договорились с генералом по долларам

18.01.09

Сегодня по дороге на суд я познакомился с бизнесменом Л. Он сидит здесь столько же, сколько и я, и статья та же, 159 часть 4. Я спросил — что не поделили? Да вроде, говорит, все делили. С М. не договорились (это генерал МВД) по долларам. Я посчитал, что платить не нужно вообще, а мне сейчас пытаются объяснить обратное. В общем, я пожелал ему удачи, а он мне.

* * *

Сегодня у меня день рождения. Мой друг Макс сделал мне отличный подарок — возможность поговорить с женой по телефону. Вот окончание одного из местных поздравлений мне: «Тюремное братство, хоть это и странно звучит среди нормальных людей, делает отношения чистыми. Желаю тебе крепкого здоровья, это твое самое главное богатство».

Настроение подпортило сообщение жены, что заказчик моего дела обещал посадить и ее, если она будет стараться каким-то образом мне помочь.

Визит Первого канала и Общественной палаты: «У вас все должно быть хорошо»

28.01.2009

Каждый день, прожитый в тюрьме — это «День Сурка». С утра до ночи и с ночи до утра все повторяется изо дня в день: проверка, завтрак, прогулка, и т. д. и т. п. Ночью — «дорога»: переписка с друзьями и просто арестантами. Поэтому когда в течение дня происходят какие-либо события, будь то приход адвокатов, выход в церковь или что-нибудь еще, это всегда вызывает положительную реакцию, так как появляется хоть что-то новое. Даже периодически возникающие проверяющие «сверху» вызывают неподдельный интерес, а в большинстве случаев они стимулируют затухающее чувство юмора.

Вот и сегодня один из таких дней. Тормоза (дверь в камеру) открылись где-то в 8.30, часа за полтора до прихода проверки. На пороге майор службы режима. «Ну что, — говорит, — ребята, сегодня будет проверка, поэтому приведите в камере все в порядок. Прежде всего, снимите бельевую веревку». Далее, как обычно, следует просьба убрать книги куда подальше, а на видное место поставить продукты. Через некоторое время в камеру заходит уже подполковник, замначальника тюрьмы по режиму. Его взгляд останавливается на решетке: непорядок, говорит он. Надо снять с решетки пакеты с продуктами. Я пытаюсь объяснить, что в камере нет холодильника, и продукты могут испортиться. Он сдается — придет за пять минут до проверки, тогда точно нужно будет все убрать, а пока пусть висят. Следующим в камеру заходит и.о. начальника тюрьмы (начальник в отпуске, на моей памяти пятый раз за полгода), он же наш оперативник. «Какие ко мне вопросы?», — интересуется он с традиционной скукой. Я объясняю, что без холодильника сложно. Он начинает меня уговаривать: все, мол, будет хорошо, если не говорить о холодильнике проверяющему. Не понимаю я смысла в потемкинских деревнях. Ну да ладно, посмотрим.

Проверяющий офицер оказался не единственным посетителем нашей камеры на сегодня. Он осмотрел камеру, остался доволен: чистенько, говорит. «Ну что, к вам сейчас придет ТВ и представители Общественной палаты. Они будут задавать вам вопросы: у вас все должно быть хорошо. Если на что есть жалобы — говорите лучше мне и сейчас все решим». По

выражению его заплывшего жиром лица — да и по опыту — понятно, что решать он ничего не будет. Главное — не ударить в грязь лицом перед ТВ и Общественной палаткой.

Перед уходом взгляд офицера останавливается на нашем шкафчике для продуктов. Дело в том, что, так как мы вынуждены были убрать книги в сумку для хозтоваров, то мы были вынуждены эти хозтовары — в основном туалетную бумагу, рулонов 20 — выставить наверх шкафа. Это не дело, говорит — туалетную бумагу надо тоже убрать. Мы говорим, что можем убрать ее только в шкаф для продуктов, так как других свободных мест в камере нет. Про себя думаю: здорово, если «общественная» проверка поинтересуется качеством нашего питания и откроет шкафчик для продуктов.

Телевидение (Первый канал) зашло после обеда. Впереди представитель Общественной палаты — женщина, похожая на учительницу начальных классов. И вопросы, как в начальных классах. Складывается впечатление, что ответы на них она знает заранее, а задает вопросы исключительно для камеры, в смысле телевизионной камеры. Как дела, хорошо ли кормят? Я отвечаю за всех. Говорю чистую правду. Кормят очень хорошо, так как родственники делают передачи. Поэтому с качеством пищи местной столовой ознакомиться пока не было возможности. На прогулки выводят, в храм тоже (мне вообще грех на это жаловаться, так как выводят чаще остальных). То, что в камере очень холодно, не производит ни на кого никакого впечатления. Не возникает и вопросов, где мы храним эти самые продукты, которые нам передают родственники. Никто не спрашивает, как мы сушим вещи, а также как умудряемся открывать окно, на котором нет ни одной ручки. Зато «госпожу педагога» очень интересует, есть ли у нас настольные игры и какие книги мы читаем. Я показываю роман Дмитрия Быкова «ЖД». Мне говорят — очень хорошо, видимо, даже не понимая, что за книгу я держу перед телекамерой.

В соседней камере проверку и сопровождающих ждет шок. Член Общественной палаты, привыкшая, видимо, что ее водят по образцовым камерам, не замечает в этой камере плазменного телевизора, дорогой косметики, продуктов из «Глобуса Гурмэ». В конце концов, душа — что в четырехместных камерах на Бутырке встречается крайне редко (мне известно не более о чем 10 таких камер). «Госпожа педагог» явно не понимает, куда попала — иначе я не могу объяснить вопрос, который ею был задан заключенным: «Как вы относитесь к программе социальной реабилитации заключенных? Какие, на ваш взгляд, курсы и предметы туда стоит включить?». Один из заключенных, М.,

откровенно ответил, что он после освобождения не собирается участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности дворника, а побыстрее уедет из страны и рассмотрит предложения по финансированию оппозиционной прессы, о чем до своего ареста он не думал.

Редкий случай: арестованный за мошенничество действительно оказался мошенником

31.01.2009

Сегодня довольно холодно. Перед тем как выходить на прогулку, старшой всегда ходит по камерам со стандартным вопросом: Гулять идем? Это делается для того, чтобы рассчитать, какое количество смен должно быть на прогулке, так как прогулочных двориков на всех не хватает — обычно выводят гулять в 3–4 смены. Сегодня обращение старшого звучит необычно. «Там очень холодно, замерзнете. Гулять не рекомендуется. Что решили?». После таких слов все желающие погулять уложились в одну смену. Текст старшого про погоду никак не свидетельствует о его заботе о нас — скорее, о себе, так как старшие сопровождают прогулку и гуляют вместе с нами, но только с другой стороны.

Тем не менее, хорошо, что сегодня на прогулку вышли самые стойкие. Есть с кем пообщаться. Сами дворики небольшие, предназначенные для каждой камеры, но крыша у всех двориков общая, что дает возможность перекрикиваться. Узнаю интересную новость: один из заключенных, по имени Д., арестованный по ст. 159, ч. 4 (мошенничество в особо крупном), действительно оказался настоящим мошенником — что здесь редкость. Он собрал с других заключенных деньги за доставку в камеры мобильных телефонов (средний тариф в тюрьме — 10 000 руб. Это сам аппарат, зарядка и «ноги», то есть с «доставкой на дом»). И пропал. То есть его перевели в другой корпус, в другую камеру, куда — неизвестно. Причем и я, и мой друг М., предупреждали остальных наших знакомых, чтобы не имели дела с Д., так как у нас была 100-процентная информация: он стукач (нам его просто сдали). Народ не послушал, и в результате лишился не только денег, но и засветил перед оперчастью свои каналы заноса наличных и свой интерес к приобретению труб. А главное, жаловаться никто не пойдет. Так что опера неплохо заработали и по дороге выяснили, кто чем интересуется.

Выводы:

1. Д. очень зря на это пошел. Если захотят, его найдут и ему может быть очень плохо. Скорее всего, не в тюрьме, где опера будут его защищать, а на зоне, куда он, скорее всего, попадет.

2. В тюрьме надо быть не просто недоверчивым, а крайне недоверчивым к любым подобным предложениям. Если есть хоть тень сомнения — отказываться. В результате людей, которые лишились денег, вдобавок переведут еще на Малый спец, где связи нет. А человеческих условий и подавно.

Условия содержания в суде: концлагерь, а не храм правосудия в центре Москвы

03.02.2009

Сегодня первый день открытых судебных слушаний по моему уголовному делу. Я думаю, что лучшим отчетом о суде станет его стенограмма, а я остановлюсь на нескольких бытовых моментах. Всех «судовых» выводят из камер, как правило, часов в 7 утра — вне зависимости от того, в котором часу состоится заседание суда. Затем через сборку (куда набивают человек по 60) все проходят обыск. Наличие больших папок с документами и общение с офицерами на «Вы», а не через «твою мать», помогает максимально комфортно проходить эту процедуру. Максимум, что требуют от меня — это снять куртку и выложить все из карманов. В это же время некоторых граждан заставляют раздеться целиком, включая трусы и носки. И так два раза в день: по пути из тюрьмы и обратно. При таком «льготном» обыске я могу занести в тюрьму практически любой запрет. Но делать этого не стоит по нескольким причинам: во-первых, если что найдут, то дальше все время будут обыскивать с пристрастием; во-вторых, для проноса запретов есть свои каналы; в-третьих, надо суметь не только занести, но и сохранить. В моей камере в январе, например, было четыре обыска. Искали телефон. Нашли, правда, только один раз. Поэтому второй и третий пункты взаимосвязаны, и проще решать эти вопросы комплексно.

...После обыска снова закрывают на сборке, в ожидании автозак, который уже и развозит по судам.

Условия содержания в судах по уровню своего свинства и скотства скорее напоминают концлагерь, чем храмы правосудия в центре Москвы. Создается такое впечатление, что нечеловеческие условия содержания на сборках в судах устраиваются специально, чтобы у обвиняемого было одно желание: поскорее во всем признаться и больше никогда сюда не приезжать. Причем, как ни странно, самые плохие условия в таких известных судах, как Тверской, куда я ездил неоднократно, и Мещанский, куда ездят мои сокамерники.

Сборка на суде представляет собой небольшое помещение без окон и батарей (что особенно комфортно зимой), по периметру которого стоят лавки. Как правило, в такой сборке находятся 3–4 человека. Свет на сборке поступает от тускло горящей над входом

«лампочки Ильича» (в камерах такие лампочки используют в качестве ночника, а на сборках при выезде из тюрьмы стоят обычные лампы дневного света). То есть света на судебной сборке нет! Читать и готовиться к делу невозможно, даже если поставить цель испортить зрение. Все равно ничего не видно. Я уже не говорю о возможности почитать книгу.

При выезде из тюрьмы выдается сухой паек — это каши, супы и чай. Многие берут еду с собой из камер. Это важный момент, так как на судебной сборке обвиняемые, как правило, проводят по 6–8 часов. Редкие дела — может, одно из десяти — слушаются долго. Так вот: ни в Тверском, ни в Мещанском суде обвиняемым не предлагают кипяток. Как и чем разводить официально выданный паек, не понятно. Кипяченой воды тоже не выдают. В Пресненском суде кипяток выдают — но под расписку в квитанции. А в туалет выводят строго два раза: сразу после приезда и перед отъездом (хоть обоссись). Проще сразу застрелить.

В этой связи необходимо выстраивать персональные отношения с конвоем. Тогда, во-первых, тебя сразу помещают на сборку одного. Это особенно важно для некурящих — я уже упомянул, что в этих помещениях отсутствуют окна. Во-вторых, сразу появляется мобильный телефон — при необходимости, конечно. В-третьих, появляется возможность неформальных встреч и любых передач: будь то продукты и еда из ресторана, будь то телефон, да хоть наркота. Такие неформальные встречи стоят, как правило, 1000 руб. минута. В Тверском суде самые высокие расценки по Москве — 2000 руб. за минуту. В-четвертых, нет проблем с кипятком и выходом в туалет. Хотя свет на сборке ярче не становится, такой же тусклый.

Правда, надо сказать, что о проблемах с кипятком я знаю только по опыту Тверского и Мещанского судов. В остальных, говорят, кипяток дают. Но тоже не везде и не всегда. В остальном — условия везде одинаковые. Вот такое правовое государство. Есть человеческие условия, даже в нарушение всех законов и инструкций — но только за деньги. Повторюсь — без этих офицеров-взяточников было бы совсем плохо.

После окончания судебного заседания все обвиняемые ждут автозак. Сегодня мне повезло: суд слушал мое дело допоздна, поэтому за нами — мной и другими обвиняемыми — приехал последний автозак и повез нас прямо в Бутырку. А вот в предыдущий раз (после предварительных слушаний), мы освободились около 18.00. Логичнее всего везти обвиняемых из суда напрямую в Бутырку. Но не тут-то было. Вначале мы почему-то заехали в Останкино, там пересели в другой автозак. Затем нас

привезли в «Матросскую тишину», где мы высадили двух человек. Там мы вновь пересели и уже оттуда все 10 человек, бывших в нашем суде и катающихся по Москве три часа, поехали в Бутырку. При том идиотизме, с которым все это делается, я не уверен, что кто-то может на этом зарабатывать (к примеру, за счет списания бензина; а с учетом того, что машины большие, бензина расходуется много). Но зато какой потенциал для экономии в условиях кризиса! А ведь мы — то есть правительство — идем по пути сокращения расходов. Могу себе представить, как на деле «сокращают расходы» на воле.

Садизм: кипятка не будет, а ночевать могу в коридоре

04.02.09

Сегодня снова поездка в суд. Все как обычно. За исключением возвращения в камеру. На сборке внизу, в тюрьме, как правило, приходится проводить и час, и два. Поднимают в камеры в районе 22.30–23.00, иногда могут поднять и в полночь. На Большом Спецу, где я сейчас сижу, с 22.00 до 06.00 по указанию руководства выключают все розетки — за исключением камер, в которых есть холодильник. Я, поднимаясь после 22.00, всегда убеждал старшего включать нам розетки, так как я приезжал из суда, и мне нужно было поесть горячего и выпить чаю — согреться. Сегодня старшой лет 25 — видимо, правнук гулаговских вохровцев. Когда он подвел меня к камере, то заявил, что розетку не включит — при этом недобро улыбнулся, понимая, что это садизм. Я спокойно сказал, что мне завтра снова в суд, поэтому в любом случае мне нужно нормально поесть, так как утром надо быть готовым. Это не возымело никакого действия, более того — старшой еще больше озлобился. В таких случаях, когда все методы убеждения исчерпаны, надо ставить человека на место. Дашь слабину один раз — все, дальше с тобой никто считаться не будет. Я спокойно сказал, что не буду заходить в камеру, пока старшой не включит свет или не пригласит дежурного помощника начальника следственного изолятора (ДПНСИ). Однако на это нехороший человек ответил, что ему все равно — я могу переночевать и в коридоре. Надо сказать, что свидетелями этого диалога стали другие заключенные нашего корпуса, которых еще не успели развести по камерам. Заключенный Сулим, который так же часто, как и я, ездит на суд, первым полностью поддержал меня и сказал, что в камеру не войдет, пока всем не включат розетки. К нам присоединились и остальные. В нашем корпусе на каждом углу висят камеры, на чем я и строил свой расчет. Минуты через две-три охране стало понятно, что происходит что-то не то. ДПНСИ пришел сам минут через пять и решил вопрос в нашу пользу. При этом — по крайней мере, устно — признал справедливость наших требований.

Вывод: нельзя давать садиться себе на шею. И еще — очень помогает взаимовыручка, так как одному мне было бы гораздо тяжелее потом доказывать, что я не угрожал, к примеру, этому старшому или что-нибудь в этом роде.

Общая ошибка: на воле слишком много времени тратилось на полную фигню

06.02.09

Сегодня я вновь ездил в суд. На обратной дороге, в автозаке, у меня состоялся интересный разговор с ребятами, которых судил мой судья. Радостного было мало. Ребята сидят по ст. 162, часть 2 (разбой). Они не москвичи, адвокат у них так называемый «ментовской» (то есть бесплатный). С их слов, судья очень внимательно слушал и их, и свидетелей, и по всем показаниям выходило, что обвинительное заключение подтверждается процентов на 20, не больше. Тем не менее, судья дал им по 7 лет строго режима, просто переписав текст обвинительного заключения — без учета того, что говорилось в зале во время судебных слушаний. Это было в июле 2008 г. Далее ребята сами, без адвокатов, написали кассационную жалобу в Мосгорсуд на полную отмену приговора, который ее и удовлетворил в ноябре и отправил дело на новое рассмотрение к другому судье. Сегодня другой судья вынес им новый приговор: 5 лет общего режима, что существенно мягче — это как раз то, на что ребята и рассчитывали.

Вот такая арифметика получается: с учетом УДО им удалось сократить срок наказания вдвое! Это, конечно, приятно — но меня радует очень мало. Судя по всему, судья у меня очень нехороший человек.

На сборке в СИЗО я присоединился к одной любопытной беседе: это был рассказ одного выходца из Азербайджана о том, какие все менты сволочи и как они все всем подбрасывают. Возможно, они делают это очень часто — но, очевидно, не в случае с этим клоуном. С его слов, ему подбросили 15 килограмм (!) гашиша. На мой вопрос — сколько это в денежном эквиваленте — я узнал, что это минимум на 200 000 долларов. Другой клоун рассказал похожую историю про героин. Он, оказывается, встречал на вокзале сумку с запчастями для «Жигулей» аж из самого Таджикистана (видимо, они там дешевле). Так вот, под запчастями оказалось пять килограмм героина — видимо, тоже менты подкинули. Таких клоунов здесь много.

Еще встретил знакомого бизнесмена А., который за время, прошедшее с нашей последней встречи (где-то месяца за полтора), успел стать инвалидом 2-й группы — естественно,

только по бумагам. Он, оказывается, специально перевелся в Бутырку из другого СИЗО, так как здесь эта процедура дешевле. Долго стояли и обсуждали с ним дела и ситуацию на воле. Одновременно пришли к одному и тому же выводу. Общая ошибка: на воле слишком много времени тратилось на полную фигню. Попадая в тюрьму, время и усилия начинаешь ценить гораздо больше.

Каждый старается поделиться своим опытом коррумпирования местных старших

10.02.09

Вчера произошли ожидаемые мною события (см. заметку от 31.01.09). Ребят из соседней камеры, в том числе и бизнесмена А., перекинули на Малый Спец — за телефон. Только что я получит от них маляву, через «ноги»: на Малом Спецу по-прежнему все так же плохо: комары, плесень, ремонт от 1938 года. Ну и, конечно, самые маленькие камеры в тюрьме. Вид из окон у них во внутренний двор тюрьмы, что полностью исключает возможность телефонных звонков (из-за заглушек) даже при наличии телефона.

С их отъездом у меня возникла существенная проблема. Дело в том, что моя камера была соединена с остальными камерами на Централке по «дороге» именно через камеру бизнесмена А. «Конь» — то есть основа «дороги» — также остался у ребят. Проблемой это стало по двум причинам: во-первых, прерывается общение с друзьями, которого здесь и так не хватает, а главное — общение это очень полезное. Многие бытовые нюансы обсуждаются в малявах. Каждый старается поделиться своим опытом коррумпирования местных старших и другими не менее актуальными вопросами. Малява — единственный оперативный способ общения в тюрьме, так как пересечься на сборах можно только случайно, а в храме особо не поговоришь, да и выводят далеко не каждый день.

Во-вторых, мы с моим другом М. стали использовать «дорогу» в последнее время как средство доставки в наши камеры мобильных телефонов. С начала ноября по начало января у нас отобрали пять или шесть трубок. Мы опытным путем установили, что в камере просто нет такого места, куда можно спрятать телефон. К тому же нас взяли под усиленный контроль, предупредив, что если при обыске у нас найдут еще хотя бы один телефон, то наши бытовые условия резко ухудшатся. Это могло произойти — хотя бы потому, что в Бутырке за найденную sim-карту людей отправляют на карцер суток на 10–15, а у нас в общей сложности нашли шесть аппаратов. И пока никто не пострадал. Мы приняли решение хранить трубу в третьей (нейтральной) камере, которой бы мы доверяли, и которая была бы на хорошем счету у оперов, а ночью («дорога» работает с 21.00

до 06.00) по «дороге» затягивать ее в наши камеры и спокойно звонить. Таких нейтральных камер мы подобрали несколько, что, конечно, стало неудобно — ведь каждый за услугу просил позвонить. Это, с одной стороны, сократило время общения по телефону, но с другой — сделало его безопасным. С начала января в моей камере и камере М. прошло суммарно около 10 обысков — и они ничего не дали. Более того: чтобы закамуфлировать сам аппарат — а нам известно, что на «дороге» между нашими камерами сидят стукачи — мы стали убирать трубу то в пачку из-под чая, то в пачку из-под сигарет, делая вид, что мы получаем чай и сигареты от братвы. Это тоже уменьшило время общения по телефону, так как ежедневная помощь братвы (и наоборот) выглядела бы очень подозрительно. Но явилось бы дополнительной гарантией безопасности для камер, где труба хранится.

Так вот, с переселением бизнесмена А. «дороги» не стало, а стало быть, пропала связь. «Застрелиться» или соединиться с другой камерой было, конечно, возможно, но существовала одна большая проблема: отсутствие «коня». «Коня» обычно плетут из шерсти, распуская свитера, и добавляют какую-то прочную основу (обычно распуская баулы, с которыми ездят «челноки»). Баул для таких целей мы затащили в камеру за две пачки сигарет Kent N1 еще давно, а вот распускать свитер было жалко — все-таки на улице зима. Решение пришло сегодня само собой. Слева от нас находится тупиковая камера, с которой у нас тоже есть «дорога», и которая постоянно получает по ней из общака чай и сигареты (видимо, им заходит совсем мало). Сегодня они как раз пытались отправить через нас маляву с просьбой о сигаретах. Я сделал им предложение: мы вам тусуем баул, вы находите шерсть и плетете нам «дорогу», а мы соединяемся с остальными камерами и даем вам возможность получать чай и сигареты. Ребята согласились. Опять сработала тюремная взаимовыручка: каждый внес свою лепту и получил то, что хотел (как там у коммунистов — от каждого по способностям, каждому по потребностям). Так и вышло. Кому-то чай и сигареты, а кому-то телефон под видом чая и сигарет.

Из 2500 заключенных в храм могут ходить человек 15—20

18.02.09

Сегодня утром удалось, наконец, сходить в храм. В последние три недели сделать это все никак не получалось из-за постоянных судебных заседаний, которые приходились на дни службы.

Храм в Бутырке целиком еще не восстановлен. Но староста храма Б. старается организовать и службы, и процесс восстановления в разгар финансового кризиса. В храме восстановлен иконостас, выложена мозаика при входе, но купола пока нет. Зато справа от входа пристроена деревянная колоколенка — именно оттуда каждый раз возвещают о начале службы. Каждую службу сопровождает хор певчих. Во время каждой службы есть возможность исповедаться и причаститься. Атмосфера в храме особенная, о мирских делах почти забываешь, переступая через его порог. По площади сам храм небольшой, поэтому из 2500 заключенных постоянно есть возможность его посещать человек у 15–20. Эти люди оказывают посильную помощь храму. В основном это бизнесмены, хотя есть и бывшие чиновники. Некоторое время назад произошла курьезная история: бывший чиновник Минимущества К. встретил в храме бизнесмена А. Оказывается, в последний раз они встречались на торгах по продаже государственного пакета акций одного любопытного предприятия — на торгах как раз победил бизнесмен А. Тесный мир.

Перед службой каждый близкий храму человек имеет возможность обсудить свои насущные вопросы со старостой храма Б. Начальник тюрьмы уважает этого человека и прислушивается к его мнению, а он, в свою очередь, старается помогать постоянным прихожанам выстраивать нормальные (не гугаговские), человеческие отношения с руководством тюрьмы, что крайне важно. Вообще здесь, в тюрьме, самое важное — это создание приемлемых (слово «комфортных» даже не приходит в голову) бытовых условий. Нормальные человеческие отношения помогают решать бытовые вопросы оперативнее, а главное, эффективнее, нежели жалобы в прокуратуру или уполномоченному по правам человека. Но руководство тюрьмы не всесильно. Сегодня я встретил бизнесмена С., с которым удалось пообщаться после службы, на сборке, куда нас привели. Он сидит по той же статье, что и я (самая бизнесменская), 159 часть 4, сидит уже 22 месяца. Из них суд идет 6 месяцев. Проходит по

одному заседанию в месяц, и сколько еще продлится, неизвестно. При этом он очень больной человек, у него серьезные — и реальные — проблемы с почками. Ему все, как могут, стараются помочь — но что толку, если ни в Бутырке, ни даже на Матросске (где больничка считается гораздо лучше) нет даже УЗИ, не говоря уже о возможности сделать диализ и другие процедуры. С. убежден, что следствие, а теперь и суд, «морозят» его специально, чтобы он был сговорчивее. Как и у меня, у бизнесмена С. — спорный актив арестован, и социальной опасности, окажись он в вольной больнице, не представляет. Однако его неоднократные ходатайства были отклонены. Все.

Банный день за три пачки сигарет

19.02.09

Сегодня очень спокойный день. Завтра суд, поэтому моя задача — как можно лучше подготовиться к нему: не только документально, но и физически. Не исключено, что суд будет продолжаться и в четверг, и в пятницу, а стало быть, не будет возможности сходить на прогулку или в баню.

Баня — это особое место в тюрьме. Туда я хожу постоянно, несмотря на наличие душа и горячей воды в моей нынешней камере. Баня — это большая душевая, для 4-х человек, скорее похожая на очень влажный хамам. В камере, поскольку она небольших размеров, горячей водой особенно не отогреешься: долго держать воду включенной нельзя из-за влажности. А вот в бане можно.

После завтрака идем на прогулку. Я выдаю старшему пачку сигарет Kent, и он приводит нас в самый большой дворик, в котором гуляют общие камеры. Здесь гораздо чище, чем в других двориках, да и воздуха больше. Несмотря на плохую погоду, настроение становится просто отличным, так как мы гуляем часа полтора вместо обычных 40 минут. Это хорошее настроение не смог испортить даже обыск нашей камеры, который неожиданно начался сразу после прогулки. Более того, этот обыск даже еще больше поднял настроение: потому что, как и традиционный милицейский план «Перехват», результатов не дал. Просто дети.

По утвержденному графику баня у нас должна быть в пятницу. Я пятницу пропустил, так как был в суде. Я попросил старшего после обыска отвести меня в баню — сегодня. Старшой соглашается при условии, что пойдут и остальные, а в грядущую пятницу он наше время отдаст другим. Я выдаю ему еще одну пачку сигарет, на этот раз уже «Парламент». Он ведет в баню, объясняя по дороге, что готов придти за нами и в четверг (после суда), и в пятницу, если мы этого захотим, а мыться мы можем полчаса вместо положенных 15 минут. Я благодарю его и отвечаю, что не знаю, когда смогу сходить в баню еще раз — из-за своего суда. Ничего, отвечает он, как сможете — позовите.

В бане нас ждет банщик. Это осужденный, который решил остаться работать в хозотряде. Зеки называют таких работников козлами. Я же называю банщика по имени — Андрей; более того, даю ему пачку сигарет, Kent. Дело в том, что одна из функций банщика — обмен постельного белья, грязного на постиранное. Белье здесь — так себе, а стирка этого белья окончательно превращает его в грязные лохмотья. Я же за одну пачку Kent

получаю каждый раз абсолютно новый комплект, еще с бирочками. Что тоже приятно. В общем, день заканчивается на позитивной ноте. Пью официально запрещенный к передаче и не найденный шмон-командой чай Earl Grey из пакетиков и готовлюсь читать последний из поступивших номер газеты «Коммерсантъ». И «Ведомости» тоже принесли.

Соавтор закона о рынке ценных бумаг связался с силовиками. И сел

20.02.09

При выезде на суд встречаю на сборке бизнесмена А. Начинаем общаться. Он оказывается совладельцем и генеральным директором (бывшим, конечно) брокерской компании. Он долго рассказывал, как принимал участие в создании закона о рынке ценных бумаг, участвовал в экономических форумах и т. д. Ну а далее — он связался с людьми в погонах, которые привели ему ряд федеральных клиентов — госкомпаний. Как я понял, А. советовал им, как инвестировать деньги, даже, возможно, управлял их деньгами. Но это все происходило в рамках обычного договора на брокерское обслуживание, а не в рамках договора на доверительное управление. Суть в том, что эти компании деньги потеряли — или люди в погонах своей доли не получили. В общем, по мнению неких силовиков, их кинули. А далее все по стандартной схеме. Человека арестовывают в конце октября, держат три недели на централье в Медведково без решения суда. Только 18 ноября судья Тверского районного суда Подопригра выносит постановление о заключении под стражу — причем с конца октября! Само следствие развивается по такой же «правовой» схеме. Бизнесмена обвиняют в том, что он лично нецелевым образом использовал средства госкомпаний и лично же обогатился. У него возникают сразу два вопроса: во-первых, по всем договорам ответственность перед клиентом несет юридическое, а не физическое лицо, а исков к юридическому лицу никто не предъявлял; во-вторых, бизнесмен удивляется, как следователи смогли определить нецелевое использование средств — ведь на расчетном счете брокерской компании находятся средства всех клиентов и выделить или персонифицировать их невозможно. Я сразу вспомнил появившееся несколько дней назад в газете «Ведомости» статью про финансовые претензии, которые возникли у Елены Батуриной к компании, которая управляла средствами ее ПИФов. Я не могу оценить реальность или нереальность претензий Батуриной, но очевидно одно: Батурина старается выяснить вопрос в рамках правового, а не беспредельного поля.

Несмотря на всю профессиональную комичность ситуации, следствие завершается. Утверждают обвинительное заключение и в прокуратуре г. Москвы у зампрокурора Козлова, и направляют дело в суд. Мы едем в суд вместе с бизнесменом А. У бизнесмена

А. сегодня очень важный день — предварительные слушания, на которых он рассчитывает заявить ходатайство о возврате дела на следствие, поскольку само дело абсурдно.

Обратно мы тоже едем вместе — и я искренне удивлен: судья (та самая, которая уполовинила срок моим прошлым попутчикам) приняла решение в пользу обвиняемого. Дело возвращается на следствие. Видимо, там совсем все сыро.

Главное в тюрьме — жить по-людски

21.02.09

Вчера я достаточно долго спал — как обычно после возвращения из суда. Утром выясняется, что сотрудники администрации порвали длинным крюком нашу «дорогу», а после ужина всем дали 2 часа на сбор вещей — нам предстоит переезжать в другую камеру. Причем, судя по информации от старшего, нам предстоит переехать в разные камеры. Ребята помогли мне вытащить мои вещи и книги, на что ушло минут 15. Я поинтересовался у старшего, что происходит, и получил лаконичный ответ: администрацию не устраивает, что вы поддерживаете межкамерную связь. Для любого человека, кто хоть немного посидел в тюрьме, это смешно: межкамерную связь поддерживает 90 процентов камер.

С учетом того, что мне предстоял переезд в противоположную часть тюрьмы, мне явно был нужен помощник. Я быстро нашел носильщика. Им стал работник хозотряда. Цена вопроса — одна пачка сигарет «Парламент».

Меня перевели в общий корпус № 6. Это последний этаж одного из двух самых старых и длинных зданий Бутырки.

Камера оказалась общая, то есть самая большая в тюрьме. Площадь камеры метров 40–50. При входе с левой стороны — отгороженная комнатенка. В ней душ и туалет. Горячей воды в душе нет. С правой стороны при входе находится так называемый «вокзал» — или галерка, на студенческом языке говоря. Здесь курят и тусуются «простые» арестанты — и спит на матрасе, лежащем на полу, молодой человек, сидящий по «плохой статье»: он изнасиловал девочку. Далее с правой стороны стоят 14 шконок, с левой 8. Камера заканчивается двумя большими окнами, практически от пола до потолка. С учетом того, что высота потолка в камере где-то метров 5 — окна действительно большие. Между окнами стоит большой двухкамерный холодильник Liebherr, на котором стоит большой плазменный телевизор. В метре от холодильника начинается дубок (стол с приделанными по бокам скамейками), который на 4 метра уходит в сторону входа. Дубок, как и сама камера, разделены на две части. Камера разделена массивной аркой. Нижние шконки, стоящие между окном и аркой, занимает братежня (то есть братва — но сами себя они называют братежней) и просто уважаемые арестанты. Стол (дубок) разделен пополам скатертью, которая расстелена на ближайшей к окну части стола. За застеленной частью стола может сидеть только братежня и уважаемые

арестанты. В том числе я.

После переноса всех вещей в камеру ко мне подошел самый старший. Им оказался положенец централа И., который предложил выпить с ним чаю. После чашки чая он предложил мне занять вторую от окна шконку, внизу, с левой стороны. Сам И. занимает вторую шконку от окна справа. В процессе разговора И. рассказал мне, что это особая камера, так как вместе с И. здесь сидят два его «заместителя». Один, мусульманин по вероисповеданию, из Дагестана, другой грузин. Сам И. русский, но бабушка его была еврейкой, так что в нем течет и еврейская кровь. Есть в камере и смотрящий, но он занимает лишь четвертую строчку в арестантской иерархии и руководит теми, кто спит по другую сторону арки (то есть ближе к тормозам — к двери).

И. говорит мне, что все понимает, более того — знает обо мне. Поэтому я не должен поддерживать образ жизни братежни. Главное в тюрьме — жить по-людски. «Ты не наш, не блатной, — говорит он, — так что живи, как тебе удобно». Мне выделили отдельную полку под продукты и показали, куда я могу положить те из них, которыми могут пользоваться все. В камере есть связь, что очень здорово.

Жизнь в камере имеет круглосуточный режим. Круглосуточно работает и телевизор, так что надо привыкнуть спать при круглосуточном шуме. Это, оказывается, не так сложно.

За уборкой в камере закреплены определенные арестанты, которые подметают и моют полы каждое утро; это на местном жаргоне «шныри». За нашей частью стола закреплен молодой человек, который режет хлеб и моет посуду. До тюрьмы он работал в ресторане «Хлестаков» поваром. Мне повезло, что в камере оказался паренек, который в родной Киргизии выигрывал шахматные турниры своей Ошской области, так что у меня появился партнер по шахматам. В камере оказался и парикмахер, который сразу же меня подстриг. В общем, есть в общей камере как свои минусы, так и существенные плюсы. Важно, куда попадешь. Для меня самое важное здесь — наличие постоянной связи. Конечно, сокамерники тоже играют немаловажную роль. Но я стараюсь не замечать некоторых из них, общаясь в основном с тремя-четырьмя.

Специфика этой камеры состоит в том, что из-за того, что здесь сидит И., из нее можно «дотянуться» практически до любой московской тюрьмы и очень многих российских зон.

У государства вся карта крапленая. Сидим при этом мы

26.02.09

Сегодня у меня было свидание, а потом приходили адвокаты. Я, соответственно, побывал на двух сборах, где встретил старых знакомых, с которыми смог подробно обсудить специфику их уголовных дел, а также экономическую ситуацию в стране. Первым был бизнесмен В., который до дня ареста активно занимался девелопментом в Москве. Проблемы у него начались, когда он сумел оформить участок под жилую застройку на Пречистенке. Участок он получил «сладкий», с возможностью построить несколько десятков тысяч квадратных метров. Проблемы у него начались с одним банком из СНГ, который выдал ему деньги на строительство и который решил сам заработать на стройке, а не только на банковских процентах. Банк заручился очень серьезной поддержкой: договорился о сотрудничестве с Еленой Б. В результате усилия В., который пытался привлечь в проект новых финансовых партнеров, провалились. А имена тех, к кому он обращался, впечатляют: это и Александр Халдей, и Сергей Чemezov, и т.д. Все эти влиятельные люди, наводя справки о проблеме, отказывались входить в проект. Далее бизнесмен В. получает предложение: нужно отдать проект бесплатно и на несколько лет выйти из девелоперского бизнеса. Он, естественно, отказался и довольно быстро оказался в Бутырке, где сидит уже полтора года. Суд идет три месяца, за это время прошло всего два заседания. Его пытаются «морозить», мотают нервы, сажали, как и меня, в камеру с убийцами. В общем, стандартный джентльменский набор.

Второй мой собеседник сидит по делу ЮКОСа. В ходе разговора с ним приходим к выводу, что если во втором квартале экономика США не покажет позитивной динамики, а будет так же падать, то уже к августу цена на нефть может упасть до 25–30 долларов за баррель. Далее перешли к делу ЮКОСа. Мой собеседник поведал мне неизвестные до сей поры факты.

Во-первых, уже в первый год после «покупки» «Юганскнефтегаза» себестоимость продукции увеличилась в 1,7 раза. Во-вторых, у «Юганскнефтегаза» как была задолженность по налогам, так она, в общем, и осталась непогашенной до сих пор. В-третьих, поскольку «Роснефть» купила «Юганскнефтегаз» на заемные средства, то денег в бюджете РФ от этого больше не

стало, так как долги надо будет возвращать. Соответственно, не понятен и экономический смысл данной операции. В-четвертых, он упомянул, что в его время, при ценах на нефть \$40–45 за баррель, у дочек ЮКОСа оставались значительные денежные остатки на расчетных счетах, а у госкомпаний — таких, как Роснефть — при ценах в 100 долларов за баррель велика кредитная задолженность, чего лично он никак объяснить не может. С его слов, за такой менеджмент Ходорковский уволил бы его сразу. В-пятых, он не понимает, почему в список стратегических компаний, попадая в который компания получает индульгенцию от банкротства, попали «Газпром» и «Роснефть», но, к примеру, не попал «Лукойл». Данный факт, по-моему, подтверждает старую поговорку, что у государства вся карта крапленая. Самое обидное, что сидим при этом мы, а не реальные воры и жулики.

Заказчик моего дела за несколько месяцев до приговора рассказал всей Москве, сколько мне дадут

04.03.09

Несколько дней назад мне вынесли обвинительный приговор. Как проходил сам процесс и выносился приговор — это отдельная история. Интересно другое: прокурор запросил для меня 11 лет общего режима, а судья вынес приговор 8. В этом нет ничего удивительного: заказчик моего дела за несколько месяцев до приговора рассказал всей Москве, сколько мне дадут. Хотя мой случай оказался, видимо, рядовым по сравнению с уголовным делом бизнесмена Александра, которого я встретил в день вынесения приговора на нашей бутырской сборке. Его судили по делу ЮКОСа. Прокурор запросил для него 11 лет строгого режима. Приговор поставил Александра в тупик: судья в преамбуле упомянула, что с учетом запрошенного прокурором и с учетом того, что Александр был не судим ранее, что у него имеется на иждивении малолетний ребенок и т. д., срок ему назначается 11 с половиной лет строгого режима — то есть на полгода больше, чем запрашивал прокурор. В общем, хоть плачь, хоть смейся.

Потом я встретил на сборке любопытного молодого человека В. Он нацбол, арестованный за проникновение в МИД РФ и оказание сопротивления сотрудникам МВД. Любопытно то, что его уже 50 суток держат в Бутырке в карцере и выводят только на суд. Дело в том, что по закону максимальный срок пребывания в карцере не может превышать 15 суток. Но это особый случай. Таких, как В., в Бутырке несколько человек. В. попал в карцер за то, что отказался выполнять чересчур жесткие требования местного режимника. Всякое бывает — парню не исполнилось еще и 20 лет. Далее — в карцер пришел замначальника тюрьмы по оперативной работе Горчаков, который в жесткой форме объяснил В., что раз он задержан за сопротивление сотрудникам милиции, то есть его коллегам, то с него и спрос особый. И пока В. не будет ходить перед Горчаковым по струнке, то будет сидеть в карцере. Причем В. рассказал, что в отличие от него, другим таким же страдальцам, в основном грузинам, везет больше. Их после 15 суток поднимают на 2–3 часа в камеру, где они могут нормально поесть — в карцер не разрешены передачи. А также они могут нормально покурить, так как в карцере курить

запрещено. В. же просто выводят на сборку на 2–3 часа и все — обратно в карцер, в той же одежде. Предельно цинично и незаконно. Арестанты стараются помогать попавшим в карцер с куревом. Дело в том, что ребят из карцера выводят утром гулять в те же дворики, что и нас. И многие курящие оставляют для карцера сигареты и спички во двориках. Но местные режимники «а-ля ГУЛАГ» решили, что курить они будут сами. Перед приходом карцера дворики обыскиваются, и сигареты со спичками изымаются в личный фонд старших. Арестанты пытаются прятать сигареты, но это редко удается, так как старшие уже набили руку. Возникает вопрос: кто кого должен охранять, и кто должен сидеть?

Я делаю вывод, что помимо Малого спеца и воровского продола, можно вполне быть замороженным в карцере, что хуже всего. Чем дольше я сижу в Бутырке, тем больше и больше ценю то отношение и те условия, которые у меня здесь есть. В карцер можно попасть просто за отказ расписываться в журнале дежурств, а у меня неоднократно находили один из главных запретов здесь — телефон. Все это результат человеческого контакта. Мне просто повезло пока. Но как мне с каждым днем все менее приятны окружающие меня «гулаговеды». Чем больше узнаешь об их беспределе, тем сложнее общаться с ними цивилизованно. Но никуда не денешься: главное здесь — сохранить здоровье, а вежливо улыбаясь им, можно сжимать в кармане фигу. В общем, все как на воле.

«Подвалы Гестапо» снимали в самом современном корпусе Бутырки

16.03.09

Прошла еще одна неделя в Бутырке. Практически всю неделю я безвылазно просидел в камере, событий было немного. Вчера была по-настоящему весенняя погода, солнышко уже не просто светило, но и немного грело. Мне повезло, нас вывели гулять в самый солнечный дворик в тюрьме, где я был в последний раз еще в прошлом году в конце осени. Голубое небо и яркое солнце резко диссонируют с окружающей серой действительностью. В такую погоду прибавляются силы и стремление преодолеть побыстрее весь этот ужас вокруг и оказаться там, где солнце и голубое небо не ограничены рамками тюремного дворика и временем прогулки.

На этой неделе исполнилось 130 лет Федеральной службе исполнения наказаний. По этому поводу по телеканалу РТР показали специальный выпуск, посвященный славному юбилею. Как я понял, основной целью этой программы было доложить о достижениях ФСИН и о выходе наших стандартов содержания под стражей чуть ли не на международный уровень. Смотреть этот выпуск было так же интересно, как и смешно, как «Ну, погоди!» Несколько сюжетов, объединенных наличием одних и тех же главных героев — заключенных и охраны, реалистичный фон происходящих событий и нарастающий к концу каждого сюжета смех. Первый сюжет рассказывал об эксперименте, проходящем в Воронежской области. Суть эксперимента — использование электронных браслетов для слежения за заключенными, которым разрешают проживать вне границ зоны или колонии-поселения. Таких браслетов изготовлено целых 200 штук. Осталось непонятным: если в арсенале наших правоохранительных органов уже имеется такая техника, то почему ее испытывают на уже осужденных, а не на подозреваемых. И почему эксперимент нужно проводить в Воронеже, а не в Москве? Почему не попробовать браслеты на лицах, обвиняемых в преступлениях, не составляющих опасности для личности, в том числе экономических преступлениях? Почему в этой связи не применять такой вид наказания, как домашний арест? Чувствуется, что была поставлена задача: обеспечить такими браслетами арсенал ФСИН ради традиционной показухи. Так проще всего отчитаться о проделанной работе на примере одного какого-нибудь спокойного региона, чем реально заниматься внедрением новых

технологий там, где они нужны прежде всего. Удивительно, почему в качестве экспериментальной была выбрана Воронежская область, а не Чукотка или Воркута, откуда выбраться совсем сложно.

Очень интересно было послушать интервью с директором ФСИН Калининым. Во-первых, я с большим удивлением узнал, что уровень содержания в наших СИЗО уже вплотную приблизился к европейскому, и к нам по обмену опытом приезжают даже европейцы, в частности, немцы... В дополнение к уже описанным примерам близости к европейской цивилизации, приведу еще один. Несколько дней назад на проверке к нам подошел врач с вопросом: какие у вас жалобы? Один молодой человек пожаловался на сильную зубную боль и спросил, когда его может принять стоматолог — с учетом того, что он написал соответствующее заявление больше 2-х недель назад. Доктор ответила, что понятия не имеет — ведь заключенных свыше 2-х тысяч, а врач один, и порекомендовала почаще писать заявления на прием — может быть, и примут (см. комментарии по оказанию медпомощи в Бутырке в более ранних записках). Молодой человек стал возмущаться, на что доктор выдала очень интересную информацию: Вы должны быть рады, что стоматолог в СИЗО вообще есть, вот к примеру в СИЗО № 1 (Матросская тишина) его вообще нет. Вот это я понимаю — настоящий европейский уровень!

Когда Калинин сказал о немцах, я сразу вспомнил кино «Семнадцать мгновений весны». Дело в том, что застенки гестапо, которые показывали в «Мгновениях», снимали на Большом Спецу Бутырской тюрьмы. Большой Спец — это самое современное и комфортное помещение здесь. Так что я думаю, что под видом сотрудников пенитенциарной системы Германии вполне могли приезжать члены какого-нибудь исторического клуба, изучающие вопрос «как это было». Ведь в Германии все тюрьмы того периода либо разрушены (как здание Гестапо), либо переоборудованы.

Во-вторых, Калинин рассказал, что количество заключенных в тюрьмах сокращается, так как за мелкие правонарушения уже не арестовывают, а избирают другие меры наказания. Видимо, у руководства нашей страны действительно есть такие мысли, но на деле более 70 процентов всех заключенных сидят, образно говоря, за попытку вынести бутылку из супермаркета. Мало того, что ущерба они не нанесли, я вообще не понимаю, что тогда является более мелким правонарушением? Попытка войти в супермаркет без денег?

Последний сюжет юбилейной передачи касался приезда в Бутырку Микки Рурка. Комментируя увиденное в Бутырке, Микки

Рурк объяснил, что слышал о российских тюрьмах много страшного, что здесь грязно, шумно, сидит много народа и т. д. А на самом деле здесь очень тихо, чисто и хорошо — чуть ли не уютно. Все было бы ничего, если бы Рурка не отвели в одну образцовую камеру на Большом Спецу. Он и не мог увидеть общих камер, где содержится по 20 и больше человек, где отсутствует горячая вода и часто отопление, где на окнах нет рам, не говоря уже о стеклах, где грязь и полная антисанитария на каждом квадратном сантиметре. Не мог он вжиться в атмосферу камер, где порой могут «спросить» — то есть избить в образовательных целях. Я был свидетелем нескольких подобных уроков, которые преподавались тем, кто не соблюдает негласные правила и порядки.

Если обращаться к руководству Бутырки, то организация этапа в нужном мне направлении будет стоять 25–30 тыс долларов

21.03.09

Вчера ко мне не смог попасть адвокат, ему вместо меня через несколько часов ожидания привели однофамильца, но с другим именем. Когда это обстоятельство вскрылось, то старшие решили не напрягаться лишний раз и меня не искать. Хотя между моей камерой и адвокатским корпусом всего метров 20. Но главное, выяснилось, что еще 14 марта, оказывается, мне вручили приговор! Так как мне его не вручали, это большое нарушение — ведь на подачу кассационной жалобы у меня вместо 10 дней, положенных по закону, осталось всего 4. И это еще хорошо, что вовремя пришел адвокат — и что он у меня вообще есть. Узнал я все это только благодаря телефонному разговору вчера вечером с женой. Так что огромный плюс наличия телефонной связи налицо — и понятно, почему: телефон — главный враг тюремщика. Утром я написал подробную жалобу на имя начальника тюрьмы. Жена смогла попасть на прием к одному из заместителей начальника тюрьмы, который помог решить проблему с получением приговора, причем, с ее слов, он потратил на поиск документа достаточно много времени. Вот истинный пример «ручного управления», в режиме которого живет вся страна. Жалко одно, что достаточно неглупый и приличный офицер вместо исполнения своих непосредственных обязанностей вынужден исправлять ошибки своих руководителей, которые просто не заботятся о системном подходе в контроле выполнения служебных обязанностей и норм закона сотрудниками ФСИН. Дело в том, что замначальника тюрьмы, который нам помог, отвечает здесь за воспитательную работу, а не за вручение документов. Вот ему и приходится воспитывать сотрудников СИЗО, а не заниматься перевоспитанием заключенных.

Сегодня мне также удалось попасть в храм, где я смог переговорить с представителем администрации, а также с моим бывшим сокамерником, который уже получил 7 лет по ст. 159, часть 4 и ждет кассационного рассмотрения своего дела. Предмет разговора был один — организация этапа в какое-то конкретное место. Здесь, в тюрьме, ко мне обратился мой сокамерник, положенец централа И., с предложением помочь организовать

этап в нужном направлении. Он дал мне понять, что готов договориться об этом с начальником тюрьмы, если я помогу тюрьме установить ТВ-антенну и закупить ТВ-кабель, который можно было бы развести по всей тюрьме (около 5000 метров кабеля). Предложение, по сути, нормальное, так как это не взятка, а польза всем. Но, во-первых, я не понял, зачем между мной и начальником тюрьмы нужен именно такой посредник, ведь у меня нормальные — вполне коммерческие — отношения со многими представителями администрации. Во-вторых, сделав мне это предложение, положенец стал обсуждать со своими партнерами (то есть с братежней), что бы взамен этого (оказание услуги по установке антенны) попросить у администрации. Получается, что при установке антенны в плюсе окажутся не только я и все арестанты централа, которые получают возможность смотреть ТВ в центре Москвы, — но в большом плюсе окажется и «блатное движение», что лично мне не интересно. Вообще предложение положенца стало возможно только потому, что в Бутырке до сих пор нет ТВ-антенны (2009 год!), а стены достаточно толстые и комнатные антенны работают очень плохо.

В любом случае, я собирался получить у знакомого мне представителя администрации ответы на вопросы, которые у меня в связи с этим встали. Он оказался в курсе ситуации с антенной, сказал, что этапов в нужную мне сторону из Бутырки нет, поэтому начальник тюрьмы никаких гарантий дать не может. В общем, как я и предполагал, тема с антенной — это, скорее, попытка местных криминальных лидеров получить какие-то бонусы из ее установки, чем попытка помочь мне. Более того: представитель администрации уточнил, что, по его информации, решить мой вопрос может только Управление ФСИН по Москве, но если обращаться к посредникам, то есть к руководству Бутырки, то это может стоить порядка 25–30 тыс. долларов.

Я поговорил со своим бывшим сокамерником, который рассказал мне о нашем третьем товарище по несчастью, Андрее. Именно Андрей в свое время помог мне переехать с Малого на Большой Спец к нему в камеру. Он уехал из Бутырки спецэтапом в Рязань, куда официально этапов тоже нет. Он решал вопрос напрямую с УФСИН по г. Москве, и ему это обошлось всего в 2,5 тыс. долларов, то есть в 10 раз дешевле.

После обсуждения вопроса с моим этапом представитель администрации спросил меня, не хочу ли я вернуться на Большой Спец, и сказал, что если я решу, это будет стоить 50 000 руб. в месяц. Я был искренне удивлен ценой, ведь на БС невозможно хранить телефон, как я это уже установил опытным путем. И за что тогда платить?!

После службы я получил пакет с продуктами, запрещенными к передаче и употреблению по непонятным причинам, переданные моей женой: сыр «Филадельфия», яйца, хороший чай, шоколад и многое другое. Спасибо за помощь представителям РПЦ.

Владимирский централ — санаторий по сравнению со многими московскими тюрьмами, в частности, с Бутыркой

22.03.09

Сегодня после свидания с женой меня привели в оперчасть тюрьмы. Здесь меня ждали два человека в штатском. Один из них оказался заместителем начальника УФСИН по г. Москве по оперативной работе. Их ко мне направил мой бывший сокамерник Никита, который общался с ними накануне, а еще раньше им подавал жалобы мой бывший сокамерник Андрей. Я написал официальную бумагу о том, что меня в Бутырке пытались склонить к даче признательных — и заведомо ложных — показаний по моему уголовному делу, а также склонить к даче ложных показаний на третьих лиц с использованием незаконных методов давления: угрозы, помещение в «плохие камеры» и т. д. Меня также спросили, не пытается ли кто в моей новой камере получить с меня деньги в воровской общак — что, по заверениям беседовавших со мной людей, является общепринятой практикой. Они также сообщили мне, что я в любое время могу обратиться к их представителю в СИЗО — оказалось, что я хорошо его знаю, так как именно этот человек помог мне в свое время защититься от мвдэшных оперов. В конце разговора я подошел к окну и впервые увидел Бутырку со стороны — так как здание, в котором мы разговаривали, стоит отдельно. Больше всего меня поразили огромные кучи мусора во внутреннем дворе тюрьмы. Такое впечатление, что мусор оттуда не вывозили года два. Я впервые увидел знаменитую Пугачевскую башню. Действительно, красивая.

Замначальника УФСИН поделился со мной своими наблюдениями — он попал в УФСИН недавно, перейдя на работу из МВД и побывав по обмену опытом во Владимире, где ожидал увидеть жесткий по условиям, воспетый в песнях Владимирский централ. По его словам — по условиям содержания — Владимирский централ просто санаторий по сравнению со многими московскими тюрьмами, в частности, с Бутыркой.

Самая тяжелая неделя в Бутырке. У меня выбивают деньги — и блатные, и администрация

29.03.09

За неделю произошло очень много событий. Перед тем как начать официальную беседу с представителем УФСИН по Москве, я смог переговорить со своим адвокатом, который, по счастью, пришел ко мне в тот же день. Он мне сказал ключевую вещь — о нашем разговоре с операми из Управления станет сразу известно в тюрьме. На этом я и строил свой расчет, так как за предшествующие сутки выяснил, что интересую в тюрьме как администрацию, так и блатных — и тех, и других на предмет получения с меня денег.

Когда я вернулся в камеру, началась одна из самых тяжелых моих недель в Бутырке. После того как я объявил И., что не готов договариваться по антенне, поскольку, по моей информации, этапов в нужную мне сторону в Бутырке нет, а значит, не может быть 100-процентной гарантии исполнения договоренностей, наши отношения резко накалились. И. заявил о возможности остановки в Бутырке «воровского хода», если антенна не будет установлена — со всеми вытекающими для меня последствиями. И. в итоге признал, что никаких гарантий мне дать не может — и перешел к другой тактике «диалога». Он стал пытаться делать мне замечания и внушения по мелким бытовым вопросам, причем нарочито громко и оскорбительно. Я отвечал ему максимально корректно и сдержанно, что заводило его еще больше. В результате он не придумал ничего лучшего, как прибегнуть к последнему аргументу: схватил алюминиевую тарелку и попытался ударить меня по голове. С учетом того, что И. ростом мне по плечо, это выглядело не бог весть как угрожающе, а главное, мой ответный удар мог его покалечить — или, во всяком случае, повредить его очки. В результате намерения нас обоих так и остались намерениями: нас окружили со всех сторон и разняли. Братежня И. в этой стычке не поддержала. Хотя мы разошлись по разным углам, как боксеры на ринге, обстановка продолжала оставаться накаленной и настигла высшей степени накала в понедельник утром, после визита И. к одному из руководителей тюрьмы. Он рассказал И., что в субботу в Бутырку приезжал начальник управления по Москве, и что ему известно о ряде нарушений в тюрьме, в том числе о желании установить антенну

за мой счет в обмен на интересующую меня зону. По возвращении И. был вне себя от ярости. Ярость его могла вылиться в очередную стычку, но офицер, который в свое время помог мне отбиться от мвдэшных оперов, лично зашел за И. и увел его для беседы, по возвращении с которой И. переключил свою агрессию на своего же, на сокамерника из братежни, который чуть было не умер предыдущей ночью от передоза — если б помер, мог бы поставить крест на отработанных И. каналах поставки в тюрьму наркотиков.

В четверг вечером меня перевели обратно на Большой Спец в четырехместную камеру, где меня уже встречал мой единственный сокамерник С.С. Его тоже перевели в эту камеру в один день со мной. Последние 15 суток С.С. провел в карцере. Раньше я виделся с С.С. и был с ним знаком, встречал его несколько раз в храме. Благодаря тому, что С.С. заехал в камеру на несколько часов раньше меня, он уже сумел наладить максимально комфортные для тюрьмы условия: нам включили горячую воду, поставили душ и современный двойной светильник с очень хорошими лампами. Света получилось гораздо больше, чем в предыдущей камере. В общем, по сравнению с общей камерой, здесь санаторий. Единственный минус — ни у меня, ни у него не осталось телефона, и нам по этому поводу светит особое, пристальное внимание: теперь для нас обоих наличие телефона — это прямая дорога в карцер. К тому же понятно, что если у нас найдут аппарат, мы окажемся не потерпевшими от милицейского произвола, а вроде уже и сами правонарушители.

Как назначить «питерского»: нужно посадить кого-то из работающей команды

31.03.09

Мой новый сокамерник сидит уже 23 месяца, суд идет последние полгода. Его обвиняют в попытке совершения мошенничества, то есть по ст. 159 часть 4 через ст. 30. Он москвич, есть малолетний ребенок, до ареста занимал высокий пост. Все это суд не интересовало при вынесении ему постановления об избрании меры пресечения. Не обратил суд внимания и на боевые заслуги моего сокамерника, на его высокое офицерское звание и ордена, полученные за реально пролитую им кровь.

Суть его дела такова: нужно было уволить руководителя одной из федеральных структур, чтобы назначить на его место кому-то нужного питерского человека, который работал замом руководителя. А для того, чтобы снять руководителя федеральной структуры, нужны веские основания. Вот и решили посадить кого-то из команды этого руководителя, и не просто одного, а создать группу — вроде как пятая колонна. Это уже отличный повод задать руководителю вопросы: что же это ты, батенька, мышей не ловишь? У тебя под носом вон чего — организованная преступная группа орудует, а ты чего? Пора бы тебе отдохнуть, здоровье свое поправить — а то ведь можем сами доктора прислать. К сожалению, эта аргументация стала в последнее время слишком хорошо известна. Человека в итоге сняли, а люди остались сидеть. Трагизм — или комизм — этой ситуации в том, что со своими предполагаемыми подельниками мой сокамерник познакомился лишь в зале суда, да и у потерпевшего к ним нет никаких ни финансовых, ни каких бы то ни было еще претензий. Соответственно, отсутствует и ущерб. Но при этом все равно люди продолжают сидеть — впрочем, как и я.

В Бутырку С.С. попал в конце прошлого года, его перевели из другого изолятора. К нему сразу же стали подходить сотрудники оперативной части и требовать с него денег на ежемесячной основе — как и с меня. С.С. отказался. К нему в камеру стали подселять зеков (в моей трактовке здесь зек — это арестант по классической уголовной, а не по экономической статье). Один из них, вернувшись в камеру прихрамывая, признался С.С., что его вызывал опер и принуждал подписать на С.С. показания,

придуманные и написанные самим опером. Когда зек отказался — а среди зеков много порядочных людей — опер стал его избивать, для убедительности. В итоге, когда у С.С. был день рождения, и ему удалось затянуть в камеру бутылку французского коньяка, зеки, которые так громко умеют говорить о понятиях и чести, все-таки сдали его. Вечером в камере прошел обыск, коньяк изъяли. С.С. дали максимально возможный срок содержания в карцере, 15 суток, несмотря на то, что у него очень серьезная болезнь почек, и давать свое согласие на помещение его в карцер местный главврач, по прозвищу Доктор Смерть, просто не имел права.

Начальник Бутырки спросил: «Разве тебе не объяснил положенец, что не по понятиям писать жалобы?»

02.04.09

Сегодня мне впервые удалось попасть на прием к начальнику тюрьмы. Я решал с ним текущие вопросы, после чего он спросил: зачем я рассказал о некоторых событиях, происходивших здесь со мной, людям из Управления, то есть вынес сор из избы. У меня был простой ответ: мною было написано более 10 заявлений с просьбой о личном приеме у начальника, которые остались без ответа. На что он просто ошарашил меня вопросом: «А разве положенец централа, с которым ты сидел в одной камере, не объяснил тебе, что не по понятиям так поступать?» Ну и что мне было после этого с ним обсуждать? То, что начальник обязан заботиться о заключенных, а не заниматься прямым вымогательством денег? Ведь положенец, хотя и назначен формально ворами, выбран начальником по принципу наибольшей покладистости — мне ведь известно, как все это происходило.

Вообще, находясь в одной камере с положенцем централа, я пытался понять и увидеть внутренний смысл так называемого воровского хода здесь, на Бутырке. Понятие «вор» давно пора сделать достоянием истории, ибо только карательными мерами, как нам показывает опыт, ничего сделать нельзя.

Прочитал сегодня субботний номер газеты «Коммерсантъ». В удивительное время мы все-таки живем! Кризис гигантских размеров — вот, казалось бы, колоссальная возможность для оппозиционных партий поднять свой авторитет и популярность за счет справедливой и обоснованной критики партии власти... Казалось бы — критикуй, изобличай, предлагай... Ан нет. Очень порадовал отчет в «Коммерсанте» о проведенной в Ингушетии спецоперации по устранению двух боевиков, в которой принимало участие около 100 человек из ФСБ, МЧС, МВД и Минобороны, включая экипаж боевого вертолета, который прикрывал участников штурма. В результате длившейся более суток спецоперации эти двое боевиков были убиты, и у них нашли один автомат и один пистолет! На мой наивный вопрос, адресованный сокамернику С.С., который долгое время служил в одном из элитных подразделений Минобороны, — а почему бы просто не забросать их гранатами с газом и взять живыми? — он

ответил: это слишком просто, да и мало ли, что они расскажут, в общем, сплошные минусы. А тут — спецоперация: это и получение боевых, списание большого количества потраченных боеприпасов, которые можно пустить «налево», и плюс, возможно, даже получение орденов и продвижение по службе для руководства.

Арестант уже с трудом ходит — а в остальном чувствует себя нормально, по мнению руководства СИЗО

15.04.09

Время в тюрьме идет не спеша и размеренно. Дни протекают монотонно за чтением книг, газет и журналов, изредка смотрим ТВ. Новости в газетах интереснее, хоть и с опозданием. А смотреть одни и те же фильмы про бравых ментов уже сил нет. Настоящих, хороших передач мало — и все идут в основном по Пятому каналу. Да вот еще ТВ-спорт иногда показывает отличный футбол-хоккей.

Несколько дней назад меня перевели с другую камеру, здесь же, на Большом Спецу. Камера — самая большая из четырехместных на Бутырке. Мы с моим новым сокамерником в ней вдвоем. Мы за день все обустроили по стандартной схеме свет + вода. Так что условия вполне приемлемые. Событий вокруг почти не происходит: выхожу из камеры на сборки редко, потому что суд закончился. Но все же иногда пересекаюсь со своими старыми знакомыми. Встретил недавно бизнесмена П., сына моего знакомого сидельца, бизнесмена В., которого арестовали вместе с отцом за нежелание расстаться с проектом по жилой застройке одного из районов Пречистенки. К сожалению, здоровье В. сильно ухудшилось, его перевели на больничку в Матросскую Тишину, где он две недели (!) стоял в очереди на УЗИ. Теперь он будет минимум месяц ждать специалиста, который сможет осмотреть его и поставить предварительный диагноз. Без такого предварительного осмотра и диагноза руководство СИЗО не сможет выдать В. соответствующую справку для суда о необходимости его помещения в городскую больницу для прохождения дальнейшего курса лечения в связи с отсутствием в СИЗО соответствующей возможности. В. уже с трудом ходит — а в остальном, конечно, чувствует себя нормально, по мнению руководства СИЗО. Будем надеяться, что за этот как минимум месяц В. еще сможет самостоятельно вставать с кровати и не потеряет шансов на выздоровление. А ведь он, В., сейчас всего лишь обвиняемый, такой же обычный человек, как и люди по другую сторону решетки, не насильник, не убийца. Вся его вина на данный момент состоит лишь в том, что он родился и вырос в этой стране, дал детям высшее

образование, создал компанию, и, соответственно, рабочие места, а потом отказал чиновнику-хапуге и бизнесмену, взявшему этого чиновника в долю, в лакомом куске. Он сидит потому, что чиновник так захотел. Никакая государственная программа помощи молодым семьям, или поддержки малого и среднего бизнеса, или инноваций не сможет компенсировать стране тех людских, интеллектуальных и финансовых потерь, которые создаются при прямом участии чиновников или при их преступном попустительстве. Вот в Госдуме сейчас очень подробно, скрупулезно обсуждают закон об инсайдерской информации — закон, бесспорно, важный для развития экономики, как важен хороший автомобиль для хороших дорог. Но пока у нас деревенские ухабы, давайте обсуждать строительство самих дорог, а не хороших авто, ибо, как говорят англичане, *First things come first*.

Пока мы в экономике перешли от убийств неугодных в 90-х к посадкам неугодных же в двухтысячных. Тенденция, бесспорно, положительная. Но в девяностые мы откровенно признавали и обсуждали проблемы, пытались их решать и бороться, а сейчас мы стремимся сделать вид, что ничего такого особенного не происходит, что в кризисе виноваты кто угодно, только не мы. Мы стремимся диктовать кому-то какие-то условия, сделать из Москвы или Петербурга финансовые Нью-Васюки, а сами подавляем на корню все, что не вписывается в установленные рамки, не живет по «понятиям» и не платит, когда скажут, а не когда в законе или в договоре написано. Мне кажется, что всему деловому сообществу стоит задуматься, а власть имущим предпринять конкретные шаги по созданию более комфортной оболочки, внутри которой бизнес мог бы жить и развиваться.

Я не встретил в тюрьме ни одного бизнесмена, который изъявил бы желание продолжать заниматься бизнесом в России, выйдя из тюрьмы. Мысли у всех одни: продать все, что осталось, и начать с нуля где-нибудь в более благоприятном для ведения дел месте — хоть на Украине, хоть в Грузии, но только не в России.

Предложили скидываться по 500 000 рублей в месяц, чтобы сидеть спокойно

19.04.09

Мне порою кажется, что наше современное общество — с гордым названием Россия — напоминает большую общую камеру, только с более жесткими понятиями и условиями содержания. Не пора ли подумать об амнистии — в глобальном смысле? Кажется, что наш талантливый народ заслужил другой участи.

А в тюрьме, как и на воле — или наоборот — все по-прежнему коррупционно-понятийно. Причем «понятия» в общении между заключенными — это дань традиции, некий исторический уклад; а вот в общении по цепочке «начальник СИЗО — арестант» это звучит дико. Особенно для страны, входящей в G8, ну и для начала XXI века, соответственно. Между прочим, это общение «по понятиям», а не по закону, между руководством СИЗО и заключенными происходит не где-нибудь за тысячи километров в арктических льдах, и не в Магадане даже, а в четырех с половиной километрах от российской твердыни и центра борьбы с коррупцией — московского Кремля. Я побывал вчера на приеме у начальника СИЗО и еще раз в этом убедился.

В разговоре я затронул интересующие меня вопросы, которые вполне могут быть решены в рамках формальных процедур, но тормозятся сотрудниками СИЗО. Я просил начальника ускорить эти процедуры. Он внимательно выслушал, все аккуратно записал в свой ежедневник и вернулся к старому разговору: «Ну как же так, вот мы тебе помогаем, а ты нас подставляешь перед нашим начальством. Не по понятиям получается. Вот тут мне проверяющие сообщили, что вы с Максимом им рассказали про какие-то 300 000 рублей, которые с вас требовал один наш общий знакомый (по совместительству староста храма Б.) — на ежемесячной основе для руководства СИЗО. Получается, что кто-то из нас не был в курсе — а мы не были в курсе. Теперь у бедного Б. из-за вас проблемы — а ведь он вам помогал: опять же не по понятиям, нехорошо получается».

Я подробно объясняю начальнику, что действительно, Б. нам помогал: не бесплатно, но за деньги — честно. Мы ему за это благодарны, но он перешел границу «помощь-вымогательство». Он предложил скидываться не по 300 000, а по 500 000 рублей в месяц: 200 000 — ему, 300 000 — руководству СИЗО, чтобы

сидеть тихо-спокойно. — Так мы и так сидели спокойно, — говорим. Все ок. «Ну, тогда будут проблемы», сказал он. И они начались.

В общем, после этого разговор с начальником Бутырки у нас быстро закончился. Он, видимо, решил не задавать мне больше вопросов, дабы не услышать еще что-нибудь интересное о своих подчиненных и партнерах.

Так и староста, и начальник СИЗО лишились денег. А я лишился нормальных условий. Жаль — ведь староста храма действительно помогал. Правда, если бы у нас в стране были бы человеческие, а не звериные, законы, то я смог бы получать домашние котлеты не с черного хода, а через официальную передачу. И все остальные тоже.

Расплата за откровения: «особо опасен»

23.04.09

...Вчера я встретил на сборке нашего общего — в прошлом — с Максимом сокамерника, Диму. Он меня огорчил: оказывается, сразу после завершения проверки в нашем СИЗО со стороны вышестоящих структур Максима перевели сначала в общую камеру, а затем — буквально через день — на воровской продол, о котором я писал ранее. При этом у него изъяли на склад большую часть личных вещей: одеяло, одежду и т. д. И самое главное: в его личную карточку наклеили красную полосу, то есть он теперь особо опасен. Вот и борись теперь с коррупцией в милицеских рядах.

Это не кончится никогда

18.05.09

С тех пор писем (переданных нелегально, за деньги) от заключенного Александра не было. Его свидания с женой также оказались невозможными — в связи с резким служебным ростом судьи, который давал разрешения на свидания, и занятостью других судей, которые могли бы его дать. Поэтому дальше будет писать жена: сколько и кто у нее вымогал взятку на стадии следствия и суда, сколько взяток она раздала в тюрьме, как подкупала конвой в суде, и как судья Пресненского суда Москвы в ответ на реплику адвоката «Это не доказано следствием» отвечал: «А следствие догадалось...»

Заключенный Александр «заморожен»: помещен в камеру со стукачами, свидания с ним негласно запрещены. Возможно, он получает передачи. По крайней мере, их берут: доставляют ли — неизвестно. На жену была формально записана половина бизнеса Александра. То есть в момент кризиса ей достались выплаты по кредитам (миллионы долларов), не говоря уже об обязательствах перед работниками. На сегодняшний день у жены пять гражданских исков от банков в судах Москвы. Имущество не продается — кризис. Заказчик дела против ее мужа тоже перестал платить исполнителям: дело-то сделано. Спорный актив, за который сидит Александр, приносит отрицательную доходность. В Арбитражном суде Москвы за «решение вопроса» попросили предоплату почти в полмиллиона евро.

Жена арестованного: в день ареста мужа мне объявили таксу. Полтора миллиона долларов до и столько же после

* * *

Самый большой кошмар в жизни жены арестованного — это друзья. И твои, и его, и общие. Самые честные из них те, кто в первую же секунду отказался от тебя и от него. Сначала ты негодуешь, а потом, спустя месяцы и, наверное, годы, понимаешь — эти были лучше. Лучше, чем те, кто звонил и предлагал помощь в первый месяц. А потом тихо уходил. Уже зная досконально твои реальные проблемы. Вот этим — уходящим — ты отдашь все. И среди этих встретишь мародеров. Тех, кто без тебя залезет в твой дом и вынесет оттуда все, включая батареи отопления. «Тебе ведь это уже не нужно».

Когда это случилось, когда мародеры — лучшие друзья — вынесли из нашего дома все, включая батареи, мне позвонил «смотрящий по Москве»: «Отбирать последнее у зека нехорошо», — сказал он мне. Я знаю. Я не дам их адрес. У них новорожденные двойняшки.

* * *

Зато — за то, видимо — бывает и другое. Бывает, когда люди, которых ты считал приятелями, оказываются друзьями. Это главное ощущение в жизни. Вообще — главное.

Ужасно видеть жен. В смысле жен арестованных. Я два раза в месяц (если повезет, больше не положено) хожу на свидания. Везло раза два. Первые четыре месяца вообще свиданий не давали. Дали — не дали, не важно, таскаюсь в Бутырку сильно чаще, чем на работу. И всегда — ВСЕГДА, МАЛЬЧИКИ, у меня грамотная подборка респондентов — 90 процентов жен приходят в первый и в последний раз. На ком вы женитесь?

Впрочем, есть три вида жен арестованных. С первым видом понятно, тут красок не хватит. Второй вид — Мурки. Ну, не знаю, как еще живописать. Это — соратницы. Но это к блатным. Они хорошие, правильные, по возможности верные. А если и не очень

верные, то как-то по-честному, в очереди на свидание первой встречной все расскажут, и ему тоже, и порыдают, и покаются, и колбасу принесут... Третий вид — железные курицы. Безмозглые дуры, которые скрывают от детей, что случилось с их отцом. Потому что им «стыдно». Это в основном жены крупных чиновников. Чиновники женились на «правильных девочках». А теперь «девочкам» стыдно. А замуж выходить не стыдно было? Тьфу на них. Я Мурок люблю.

Фиг бы с ними, с женами. Матери — из железных куриц — тоже иногда отказываются от своих сыновей, попавших в беду. Редко, но бывает.

Я — нелегально, конечно — дружу с сокамерниками мужа. Это когда его куда-то запирают, они мне звонят, предупреждают, и мы начинаем общаться. Первым делом они дают телефоны своих жен, чтобы у меня была связь «на всякий случай»: им-то они первым позвонят, а со мной может и не получится. Сколько я уже пережила таких жен — не сосчитать. Потом они перестают брать трубку, потом сокамерники (скорее всего, уже бывшие сокамерники мужа — их часто перетасовывают) начинают звонить только мне, передают приветы мужу (понимая, что он тоже сейчас позвонит), и говорят страшные слова: «Нас никто не ждет». Да знаю я, давно знаю. Да вы и сами понимаете. Какая жена крупного, или даже среднего, бизнесмена будет вас ждать восемь лет? Так и деньги кончатся. Восемь — это как минимум, если не по «делу ЮКОСа». Если по ЮКОСу — больше. И неважно, что ваша фамилия не Ходорковский. Если по ЮКОСУ, начинайте с одиннадцати. Кинг сайз, как говорили на свободе.

Ей-богу, судьи знают это лучше меня. Во всяком случае, судя по приговорам.

* * *

Суд и следствие — это отдельная песня. Перефразируя поэта, скажу: «Суд и следствие: кто более матери-истории ценен?». Однако ценники одинаковые, что там, что там. Они продают надежду. Они хотят взять денег, дать взамен надежду, а потом отключить мобильники. Не верьте им, девочки.

В день ареста моего бизнесового мужа посредник — не хрен собачий, а цельный генерал-лейтенант — объявил мне таксу: полтора миллиона долларов сразу, и муж выйдет. Потом еще полтора — за закрытие уголовного дела. Я пошла с шапкой по всем знакомым и незнакомым, занимая ненадолго — как я думала. Вот муж выйдет, и все отдаст, и все получится. Дура.

Потом — сильно потом — я поняла, что «честное вымогательство» заканчивается в точке «арест». Люди в погонах — у меня где-то завалились их визитки — относительно честно вымогают деньги за то, чтобы не арестовали. Арестовывают за отказ платить. Мой муж, как оказалось, готов был им платить, его партнеры — нет. Где-то за месяц до ареста муж сунул мне в тумбочку конверт, пусть, мол, у тебя полежит, а то потеряю. И в момент ареста успел позвонить и сказать: «Конверт». В конверте была записка для меня: номер его уголовного дела, фамилия следователя и телефон генерала-посредника. Конспираторы хреновы вы, а не мужики. Дело передали другому следователю, а предыдущего отстранили по итогам какой-то там проверки. Так всегда делают, когда вымогательство переходит в другую стадию. Новая следователь, толстая истеричная бабища в звании полковника, подняла таксу в два раза. За себя и за того парня. Я дала. Полтора миллиона долларов США. Аванс. Через посредника, генерал-лейтенанта, того, из конверта. Когда мужа не выпустили, а бабища сказала, чтобы я ей больше никогда не звонила, я собралась в прокуратуру. «Не ходи, — сказали мне адвокаты, — Там был посредник, и посадят, конечно, тебя, за ложный донос. Ничего не докажешь». Зашла на сайт генеральной прокуратуры, почитала УК — и не пошла. Не хочу сидеть. Its only money.

* * *

Ах, эти московские суды... А ну-ка, потягайте меня за ложный донос. Я не буду писать в какие-то там мифические квалификационные коллегии. Я знаю вам цену, до копейки. Я здесь напишу, с фамилиями.

Тверской суд был первым в моей жизни и жизни моего мужа. Суд должен был санкционировать его арест. Это было почти год назад. Вот в этом суде я впервые окунулась в судебную атмосферу: знатоки меня поймут. О... Ооооо. За прошедшие со дня ареста моего мужа 10 месяцев я побывала во всех судах Москвы, кроме Зюзинского и Кузьминского, и не горю желанием пополнить коллекцию, хотя, похоже, придется.

Когда нормальный человек приходит в суд, первое, что его сшибает, это запах. То есть вонь. Чемпионы по этому делу (по моему опыту, первенство присуждать не буду) — это Пресненский и Тверской храмы правосудия, самую малость отстают Мещанский. Вонь — это от туалетов. Сотни людей приходят сюда каждый день, на один толчок, мужчины и женщины. Многие, я

извиняюсь, ссут просто на лестнице, так гигиеничнее. Судьи имеют отдельный толчок с ключом. Не ссать же им с простыми налогоплательщиками, право слово.

Так вот, Тверской суд, первый мой опыт (наивная была, странно вспомнить). Ну, вонь — к которой я еще не привыкла, не то, что сейчас. Сижу с адвокатами, волнуясь еще, ожидая победы здравого смысла. Тут же представитель прокуратуры — усатый мужик сверкает крупным камнем в печатке. Приходит помощник следователя, рыжая бабка в подледниках, с мокрыми подмышками, и на наших глазах, сидя за компьютером судьи, начинает печатать постановление суда. Который еще и не состоялся. До которого еще два часа. Я дергаю адвокатов. Они смотрят на меня сочувственно, но, видя мой напор, начинают снимать процесс на камеру телефона. Бабка говорит: пошли, мол, вон отсюда, суд не дал разрешения снимать. Тут же и суд подоспел. Дело было вечером: первым делом судья сообщила, что ее ждут дома и ей некогда. Потом послушала протесты адвокатов. И — не выходя из зала — зачитала свое решение. То есть решение суда. Выданное ей бабкой. Арестовать. Протесты адвокатов в протокол не вошли. А как же они могли войти, если протокол был напечатан загодя? Ну, уж потом-то я не удивлялась.

Тут же впервые мне предложили купить свидание с мужем. Предложила следователь МВД, бабища-полковник. Деньги брали конвойные. Две тысячи рублей минута. Я была еще неопытная, у меня с собой — кроме денег, здесь иллюзий не было — случилась только вода. Девочки, берите с собой еду — не себе. Кормить надо и мужа, и конвой. Плюс деньги. Впрочем, такса Тверского суда — самая высокая (они прикреплены к Следственному комитету МВД, то есть дважды менты, поэтому дорого). В других центральных судах — вдвое ниже. В окраинных — вчетверо.

Пресненский суд почти такой же. Такса незаконного свидания — тысяча рублей минута. Вход с крыльца, который слева, если стоять лицом. Без звонка не соваться. Конвойные менты сами позвонят на мобильник и сами предложат прийти. Деньги давать сразу при входе.

Заказчик дела против моего мужа — член Совета Федерации, с неприкосновенностью — открыто сказал мне, что он «престимулировал» судью и что «за ним присматривают» представляющие его адвокаты. Сказал, через кого занесли и сколько — не стесняясь. И сколько мужу в связи с этим дадут. Заказчик обещал, что дадут 8 лет. Через несколько месяцев дали ровно восемь. Пресненский судья ушел на повышение, в Мосгорсуд, как и обещал член Совета Федерации. Минута в минуту. Как дело закрыл. Думается мне, совпадение. Так и

напишу, на всякий случай.

Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет (русская народная пословица и поговорка).

Без справки из психдиспансера в суд посетителей не пускать

Пока продолжает писать жена. При первой же возможности Александр пришлет очередной дневник — следующую синюю коленкоровую тетрадку, купленную в тюремном магазине. Мне вчера звонил его бывший сокамерник, тоже из бизнеса — Александр его упоминал, это тот человек, бизнес которого понравился генералу из МВД. Его, генерала этого, многие арестанты — из деловой среды — поминают. Оборотистый, видать, мужик, и жадный. Сокामерник передал, что видел Александра в тюремном храме, у него все без изменений, даже относительно хорошо, насколько это вообще может быть в тюрьме. Сокамернику, кстати, дали 5,5 лет, а актив отняли — это была земля в Сочи. В тюрьме никто не знает, что дневник опубликован. Судя по всему, об этом не знают и в Пресненском суде.

Сегодня я провела там полдня. И чуть не угодила в обезьянник. Для меня даже судебного пристава с двумя конвойными вызвали, дабы те препроводили меня из храма правосудия в соответствующее место. Но пристав попался сообразительный — и вообще, похоже, хороший человек. Он помог получить мне разрешение на свидание с мужем — это вместо того, чтобы препроводить — а я не спросила, как его зовут. Ты уж извини, парень, я даже не поблагодарила. Это от неожиданности. Я уж было в обезьянник собралась.

Вообще получение разрешения на свидание — процедура изуверская. Мужа арестовали в июле, а первое разрешение на свидание я получила только в феврале, когда начался суд. Когда дело находится в стадии следствия, разрешение дает следователь, в моем случае бабища-полковник. Не дала ни разу. Хотя в первый месяц, когда я через посредника генерал-лейтенанта занесла деньги, она провожала меня из своего кабинета до выхода на улицу лично, и жарко шептала в ухо: да, заходил тут генерал, какой ужас, какая роковая ошибка получилась с Вашим прекрасным мужем, сейчас разберемся и выпустим быстренько, я ж не зверь. Потом уже, из разговоров с женами, выяснила, что это классика жанра. Не давайте им ничего, девочки. Вы будете надеяться до последнего, и после этого последнего все равно будете. А когда все сроки выйдут, следователь начнет орать, кидать телефонную трубку и не давать никаких разрешений ни на что. Моя бабища после передачи мною денег посреднику хотя бы

обыски прекратила. В ту же секунду. Я видела потом в деле бумагу, что запланированные обыски в квартире и на даче не состоятся, потому что «нецелесообразно», хотя ордера — вот они, приложены. И дата стоит на бумаге: ровно тот день, когда посредник получил деньги. Вот я и поверила тогда, что за деньги все обойдется. Да, а посредник сменил мобильник примерно через месяц.

Когда следствие закончено, дело поступает в суд. И разрешения на свидания выдает уже судья. Ему тяжело мотивировать отказ в разрешении. Не то, что следователю: бабища всегда могла сказать, что, мол, в интересах дела и следствия нельзя. А тут все, дело закрыто. Поэтому мне дали разрешение на первом же судебном заседании. Суд длился месяц. После приговора, если есть кассация и надзорная жалоба (а в нашем случае есть), заключенный получает статус: осужден, но приговор в силу не вступил. Это до решения Мосгорсуда. И разрешения на свидание выдает осудивший арестованного суд. Тот судья, который его осудил. Одно разрешение — одно свидание. Положено два раза в месяц.

Но наш-то судья на следующий день после приговора отъехал на месяц в отпуск, после чего, загорелый и неожиданно белозубый, сразу перешел в Мосгорсуд. В таком случае разрешение на свидания должен давать любой другой судья по уголовным делам соответствующего суда. Ага, сейчас. Сейчас он все бросит и даст. Нас много, а он один.

До сегодняшнего дня у меня работала следующая тактика: я приходила к помощнику и.о. председателя суда, заходила в кабинет и плотно садилась на лавку (стулья в суде не положены). На меня орали, меня гнали — я сидела, как гвоздь: мол, никуда не пойду, пока не получу положенного мне законом разрешения. Вызубрила все законы о судьях и сыпала цитатами. В итоге помощник и.о. председателя суда плевалась в мою сторону и лично отводила меня за руку к какой-нибудь сердобольной судье. И та, не глядя, подмахивала бумажку с разрешением. Однажды мне выдали разрешение на черной бумаге. Что-то там у них с принтером случилось. В тюрьме, получив черную бумагу, не удивились.

Сегодня я допустила ошибку: меня отправили к судье, но не за руку. То есть сначала за руку, но как-то все судьи и судьицы куда-то подевались в разгар рабочего дня. С полчаса искали хоть кого-нибудь. И в итоге меня отправили к судье через три этажа. Ладно, думаю, справлюсь. Вот тут-то и началось.

Первым делом помощница федерального судьи сказала, чтобы я вышла и не мешала ей работать. Потому как у нее здесь

сверхсекретные документы повсюду раскиданы. Душенька, говорю, я ж выйду немедленно и навсегда, только паспорт у меня возьмите и бумажку, положенную мне законом, дайте. И — цитату ей, цитату про свидания, из постановления Пленума Верховного суда. Это я зря ей сказала. В общем, помощник федерального судьи мне сообщила, что без справки из психдиспансера о состоянии посетителя в суд никого пускать нельзя. А мне такую справку точно не дадут. И вызвала приставов (они внизу при входе суд охраняют) для препровождения. Прибывший с конвоем пристав послушал ее и попросил бумажку мне таки выдать. Тут как раз на шум-гам и судья подоспел. И тут — вы не поверите — они хором выдали мне чужие документы. Дескать, надо заявление написать, вот отсюда перепишите (до сих пор только один раз такое заявление писала, больше не требовали). Я говорю, это же чужое дело. Тут пристав меня плечом аккуратно пихнул и пошли мы с ним в коридор с чужими документами. Так я их сфотографировать могу, говорю я всем присутствующим, включая судейских. А пофиг. Так я и сфотографировала, на телефон, в разных ракурсах, не прячась. А пристав мне помогал: и подсветить пытался, и книжку держал, чтобы удобнее было заявление писать, и диктовал, и всячески деликатно ухаживал.

Так мне дали разрешение на свидание (не факт, что оно состоится — там еще тюрьма должна одобрить). А в телефоне у меня остались интимные подробности чужой жизни: некий гражданин грузинской национальности, сидит по такой-то статье, в Бутырке же, вот номер паспорта, вот прописка и проживание, вот ходатайства от родственников и их данные — все, дата обновления — 15 мая сего года. Это выдали мне сегодня федеральный судья Пресненского суда и его помощник. Поэтому с удовольствием назову фамилии: судья Шипиков А. И. и его помощник девушка Семитко О.А.

А про грузинского сидельца ничего не скажу. Я ж не судья. Документы из телефона отсканировала.

**Ротация: Доктор Смерть, похоже,
сядет**

Дневник жены

А у нас в Бутырке перемены. Посадили главврача по прозвищу Доктор Смерть. Сегодня была премьера у новенького доктора. Тоже неплох.

Вообще бутырский доктор принимает у родственников лекарства для заключенных по четвергам, с 10 до 12.00. Чтобы попасть к нему с лекарствами, нужно записываться часов с 6–7 утра. Очередь — живая. Список начинает вести самый первый, прибывший на место. В Бутырке всегда, везде и на все дикие очереди. Никогда, ни разу не видела склоки среди многонациональных посетителей, хотя они представляют собой полный срез всего российского общества. Здесь железный порядок и взаимное уважение, сочувствие и желание помочь друг другу. Здесь много старушек, инвалидов и беременных женщин — их как-то стараются опекать, особенно старушек, которые все путают. Смуту вносят либо сами работники Бутырки, либо менты, которые пришли с передачей или еще с какой нуждой для своих посаженных, и первым делом предъявляют очереди свои корочки: мол, мы менты, мы первые пойдем. Ага. Нашли, кому предъявлять: очередь обычно молча начинает аккуратно оттеснять ментов, а к заветной двери мирно подходят два — три мужичка из очереди же, и следят, чтобы все прошли строго по списку. Забавно, что менты, поначалу наглые, начинают чувствовать звериную силу очереди и отходят. Впрочем, и не встают в хвост никогда: идут каким-то своим путем.

Каждый раз, сколько бы я ни ходила в Бутырку, я встречаю Сумасшедшего Адвоката. Он всегда среди нас. У него наметанный глаз и он выбирает новеньких, чтобы предложить им свою копеечную помощь. При мне ни разу еще никто не согласился. Да он особо и не навязывается. Он всегда в центре внимания — и одет ярко, и коммуникабельный за пределами, и политически грамотный: любит рассуждать про текущую ситуацию, в стиле «Голоса Америки». Он все знает про то, где мы все оказались. Он дает советы, причем всегда полезные, особенно в бытовом (тюремном) плане; не найдя клиентов, он делает это совершенно бесплатно. И он всегда в курсе событий в тюрьме. Вот и сегодня — захожу, а он уже собрал вокруг себя кружок и рассказывает, что сегодня с лекарствами у всех будет облом. Даже и не пытайтесь.

Да, действительно, на облом очень похоже: очередь не движется, и часам к 11 становится окончательно понятно, что сегодня многие страждущие не получают своего валидола. Обычно примерно из 100 человек к доктору успевают попасть человек 20.

А сейчас — ну никак не движется дело. Поднимается небольшой, но внятный ропот. На ропот выходит новый доктор: в синем форменном кителе, лысоватый такой дядечка в довольно дорогих очках. Майор, что ли — никогда я не научусь звезды считать. Объявляет: не буду ничего принимать, пока не покажете мне таких и таких бумажек вот с такими и такими подписями и печатями. И порошков никаких не приму. Это что-то новенькое, правила резко поменялись: раньше нужны были другие бумажки, и порошки было можно в фабричной ненарушенной упаковке, хотя и в ограниченном количестве. Девушка в офисном костюме спросила про витамины: мол, аскорбинку она принесла. «А вдруг Вы туда подмешали чего, а мне потом сидеть, как предыдущему доктору, вон в апреле его уволили и дело там теперь уголовное. Я в тюрьму не хочу». Да ты и так в тюрьме, Гиппократ.

Похоже, это в связи с историей про передоз у сокамерника, о которой писал мой муж. Запалил-таки положенец свой канал доставки наркотиков.

Пока моталась по очередям, рассмотрела внимательно объявление о приеме на работу в Бутырку. Воспроизвожу с сохранением орфографии: «Бутырка приглашает на работу мужчин и женщин в возрасте от 18 до 37 лет. Полный социальный пакет. Возможность получения бесплатного высшего и среднего-специального образования. Иногородним предоставляется общежитие. Зарплата от 15 000 до 27 000 руб в месяц. Тел. (495) 251-89-80».

И адрес сайта Бутырки имени известной деревни Потемкина. Вот он: www.butyрка-sizo.ru

Там на одной из фотографий есть мой муж. Далеко, правда, в архиве. Давно сидит.

Последнее свидание

Была на свидании в Бутырке. Наверное, оно последнее в Москве. На неделе у нас Мосгорсуд, от которого никто ничего не ждет, потом будем подавать документы в Верховный суд. Параллельно уже можно заниматься Страсбургом. В Мосгорсуд мужа наверняка не повезут: это заведение у нас модное, там по видеосвязи судят. И туалеты там в порядке, и чистота, и тишина, и электроника: на Счетную палату похоже, по размеру инвестиций и по общему стилю. Конечно, туда никто арестантов и не возит. Суд — он для судей. А я поеду обязательно. Мне интересно: все дело против Александра построено — сфальсифицировано, уж если называть вещи своими именами — на основании ксеркса с факса документа, которое следствие «случайно нашло» на полу у адвоката «потерпевшей стороны», у адвоката заказчика. Причем следствие даже поленилось отрезать номер факса — это номер приемной заказчика в Совете Федерации. А один том дела, который в какой-то краткий миг вел нормальный следователь, по фамилии Кмедь (у нас сменилось три или четыре следователя), вообще куда-то делся. Испарился, как не было. Пресненский суд и ухом не повел. Ну, ладно, пресненского судью заказчик «опекал» — по его же словам. А это что? Просто хочу в глаза посмотреть.

После Мосгорсуда муж отправится на зону. В какую, куда, когда — неизвестно. Его какое-то время подержат в Пресненской пересыльной тюрьме, она одна на Москву, и он уедет. Мы с ним оба думаем, что увидимся теперь нескоро. Впрочем, бывший сокамерник мужа (тот, у которого генерал отобрал актив в Сочи) уже дал кое-какие наводки. Скорее всего, буду коррумпировать зону: говорят, в любой зоне все дешевле, чем в той же Бутырке — а может, и по правилам что-то удастся сделать.

О последнем — наверное — свидании. Я сказала мужу, что его дневник опубликован в интернете. И что люди читают. Попросила что-то сказать для читателей. Он, по-моему, не поверил до конца, что так оно и есть, что опубликовано: может, решил, что я просто хочу его морально поддержать. Я записала, что он сказал: «Многие в тюрьме знают, что я веду дневник. Все спрашивают, будет ли он опубликован. Вот недавно спрашивал С., (который занимал важный пост в «Томскнефти»). Мы все ждем этого. Для многих моих знакомых по тюрьме очень важно, чтобы о них знали. Важно знать, что о нас знают».

Александр обещал, что попробует передать еще одну свою тетрадку на неделе. На свидании это сделать невозможно:

общение идет по телефонным трубкам, мы сидим друг напротив друга в двух стеклянных кабинках, отделенных друг от друга и относительно звукоизолированных. Кабинок 18, так что одновременно к двум десяткам родственников (можно приходить по двое и втискиваться в одну кабинку) приходят 18 арестантов.

В пятницу, когда пришедшие на свидание стояли в «накопителе» одновременно с теми, кто пришел за разрешением на свидание (день в день свидание получить нельзя — сначала разрешение, потом его рассмотрят, потом, быть может, свидание), пришла милая молодая женщина с мальчиком лет четырех, может. Оставить, видимо, не с кем было — она за разрешением как раз пришла. Мальчик вцепился в решетку, коей обильно украшен накопитель, и, в общем, поначалу почувствовал себя как в зоопарке. Все время говорил слово «клетка». Ему было забавно и непонятно, почему мы тут в очереди по одну сторону решетки, а в клетке — дядя в форме (лейтенант, выдающий разрешение). И вдруг неожиданно до мальчика дошло: это ж тюрьма. Боже, как он рыдал. Он боялся, что его сейчас тоже посадят. Вся очередь, как по команде, отвернулась к стене и тоже завсхлипывала. Подрасти сначала, мальчик. А там уж как повезет.

Мосгорсуд взял тайм-аут

Мосгорсуд у нас сегодня был, вторая инстанция. Странная какая-то вышла история.

В Мосгорсуде я была третий раз в жизни. И третий раз вышла с высоко поднятыми бровями. Каждый раз страшно удивляюсь и развожу руками. Впервые я там была почти год назад, когда рассматривали кассацию по поводу решения Тверского суда об аресте мужа. Районный суд был безобразным — как мне тогда казалось, сейчас-то я понимаю, что других и не бывает — и я была уверена, что уж Мосгорсуд-то все увидит, мы обнимемся со справедливыми судьями, пожмем друг другу руки и будем жить долго и счастливо подальше от тюрьмы. Поначалу вроде к тому и шло: судьи смотрели на дело, наклонялись друг к другу, на что-то показывали пальчиком в строчках, потом переносили слушания недели на две. И в итоге решили минуты за три: во всем отказать, пусть сидит.

Сегодня, несмотря на большое количество дел, в списке которых наше первым не значилось, моих адвокатов вызвали первыми. Сразу стало понятно: будут откладывать. В зале суда установлен большой плазменный монитор (видеосвязь с тюрьмой), и арестантов нам видно (им нас — нет); мужа в телевизоре не было. Председательствующий — а здесь всегда трое судей — говорит: мол, дело большое, сложное, объемное, нужно внимательно изучить. Ну да, 19 томов. В прошлом году было 17. Ничего там с тех пор нового не появилось: как не были опрошены ключевые свидетели, так и нет; как не было подлинников документов, так и нет; как не было экспертиз, так и нет. Изучать-то нечего. Кроме того, что пресненский судья назвал «а следствие догадалось...»

Мой адвокат (бывший следователь, так часто бывает) рассказал, что встретил недавно кого-то из следственной группы по делу мужа. Тот спросил, мол, сколько дали. Дали восемь, отвечает адвокат, причем в суде прошло даже «покушение на легализацию» (есть такое извращение: как будто следствие провело трепанацию и обнаружило в черепной коробке затаенные мысли). «Как прошло, эта хрень прошла? Во дают!» — хохотал следователь. Ага, прокурор 11 лет просил, обхохочешься.

Когда я узнала, что мой адвокат — бывший следователь по особо важным делам, я спросила, почему ушел. «Ты понимаешь, в нашем деле всегда есть выбор: расследовать, судить или в адвокаты. Насмотрелся, плюнул и ушел, зато в глаза могу смотреть». Тот, что хохотал, тоже может смотреть: как говорится,

плюй в глаза...

Этот блог читают: во всяком случае, на суд пришли журналисты, сложив, видимо, некоторые вещи в какую-то картинку с фамилиями. Девочка из ИТАР-ТАСС подошла к моим адвокатам, стала спрашивать про дневник. Они и правда впервые слышат, поверь. Дневники я получаю из того же места, куда заносу запрещенные к передаче яйца, творог и котлеты. Это не адвокатские, конечно, руки, о чем ты. Есть много других возможностей в нашем строгом государстве, где можно все и всем, но не всегда и не везде, и очень дорого.

Кстати, я час сидела с ИТАР-ТАСС в судебном коридоре на одной лавочке. И девочка меня не вычислила. Как говорил по аналогичному поводу товарищ Саахов, «плохо мы еще воспитываем нашу молодежь...»

Санкции за дневник: перевели в камеру провинившихся, забрали одеяло, потеряли телевизор

Дневник жены & мужа

Была в Бутырке. Вообще я там бываю практически каждый день: то передачи, то заявления какие-нибудь надо написать — хоть и без толку. В связи с тем, что отложили рассмотрение наших жалоб в Мосгорсуде, неожиданно появилась возможность свиданий. И — вот она, Волшебная Сила Печатного Слова: в Пресненском суде встретили примерно как Сергей Сергеича Паратова, разве только чарку не поднесли. Разрешение на свидание дали за 5 минут. Да и в тюрьме перемены: дурацкое объявление о приеме на работу сняли, в окошках приема передач больше не требуют 500 рублей за передачу каких-нибудь сухек с маком (нельзя ничего с начинкой, например, а уж тем более с маком). Зато и не берут, с маком-то, или с кунжутом, или с повидлом. Там вообще все странно: лимоны и апельсины можно передавать, а вот мандарины — нет. Ни за что. Передо мной сегодня стояла пожилая, очень отекавшая женщина на больных ногах — я уже ее знаю, часто вместе попадаем в очереди, она только после операции из больницы вышла. Ее сын уже осужден и его отправляют на этап, ему сумку нужно передать. Она два дня с этой сумкой ходила: сначала не приняли, сказали, иди к начальнику на прием, на приеме офицер сказал — не моя компетенция, я могу только справку в ЖЭК дать, что сидит твой сын, — а сегодня другая смена в окошечке взяла сумку без проблем. Там как повезет — правил вообще-то нет, только настроения. Лейтенант Миша, который свиданиями заведует, как-то раз не пустил к сыну приезжую бабушку: бабушка сказала, что она издалека, денег нет, нет справки из гостиницы и ночует она в машине — так Миша ПТС потребовал, и без ПТС не пустил. А сегодня добрый был, веселый. Просто отличник бытового обслуживания. Так что удалось поговорить с мужем. Записала за ним вот такой пост:

«Как только начальство в Бутырке ознакомилось с моими дневниками, тут же начались перемены. Сначала был очень тщательный обыск, с пристрастием. Ребята из шмон-команды не знали, что ищут, и прямо спросили: «Чего натворил-то?». Забрали в итоге одеяло, переданное нелегально зимой, когда можно было околоть. Перевели на Малый спец, в камеру провинившихся. Старая, грязная камера, с тараканами и клопами. Сокамерники — три человека, люди кавказские и бывалые. Они научили меня, как использовать по назначению 19 томов моего уголовного дела: надо их равномерно разложить на шконке, сверху матрас, так спать теплее и приятней. Хоть здесь пригodiлось. А еще

уголовное дело может пригодиться в карцере: там кровать откидная, ее можно использовать только в часы отбоя, и ничего с собой брать нельзя, только документы. Уголовное дело — это как раз документы. На 19-ти томах можно и днем прекрасно разместиться. Правда, у меня до карцера пока дело не дошло.

Пока перемещали в камеру провинившихся, по дороге «потеряли» мой телевизор. Тоже, видимо, мера пресечения. Но у меня еще есть недочитанные книги: Даниил Хармс из серии ЖЗЛ и «Государь» Макиавелли на английском. Хармс здесь особенно хорошо идет.

В своей новой камере я обнаружил и несколько плюсов: во-первых, здесь не так жарко, как было на Большом спецу. Окна моей новой камеры упираются в соседнюю стену и в жару это комфортно. Во-вторых, прогулки сидельцев с Малого спеца проходят в больших двориках, что тоже приятно: хоть небо видно. Исписал уже несколько тетрадей дневника — рано или поздно передам.

Подходил ко мне тут недавно дежурный офицер. Говорит: «Я читал, это ж все правда. А ты, наверное, жалеешь, что сделал это?».

Конечно, я не жалею».

Мосгорсуд: им с нами скучно

Никак не могу понять, как у некоторых людей устроено то место, где должна была бы помещаться профессиональная гордость, например, или чувство собственного достоинства. Ну, это как встретить пожарного, который в свое рабочее время на пожаре подбрасывает в огонь дровишек на глазах у изумленной публики, прикуривая сигарку от полена и щурясь на крики погорельца из пылающего окна.

Это Мосгорсуд навеял. Кассационная жалоба у нас там сегодня была. Сначала по коридору прошел прокурор. Прошла. Уже год за ними, за прокурорами, наблюдаю — где, интересно, их берут? Из каких глубин подсознания черпают эти нежные крошки в погонах свои представления о прекрасном, а также об общечеловеческих правилах поведения в присутственном месте? Сегодняшняя, например, сразила ярко-розовыми, со стразами, лакированными босоножками на платформе — знаете, такими, в каких отплясывают совсем уж отчаявшиеся стриптизерши вокруг шеста, предвкушая приближение знакомого дальнбойщика. Видела я недавно другую прокуроршу, в серьгах с вензелями до самых погон: пригляделась — а это не вензель, это сердечки, и в каждом написано «Sexu». Никогда не забуду и прокуроршу на нашем процессе в Пресненском суде: стиль «красавица», образ — обложка журнала Vogue, победитель конкурса красоты Малодербетовского района Калмыкии, в феврале с голыми ногами, без чулок, но на шпильках, на телефоне висит плюшевая мартышка, и весь процесс она увлеченно шлет эсэмэски кудрявому коллеге, с коим бежит пить чай, чуть только выдастся перерыв. А потом она встала, одернула юбку и сказала: прокуратура просит приговорить к 11 годам. И снова уставилась в телефон с мартышкой.

Конечно, им с нами скучно.

Вообще вся наша судебная система представляется мне этакой гламурной куклой в погонах: вот и звезды есть, и форма отглажена — а под ней в лучшем случае красные кружевные стринги, и такса обозначена в твердой валюте. Это, собственно, и было краткое описание сегодняшнего суда.

Если поподробнее, то ощущения все те же. Вот судьи в мантиях, три штуки. Вот он, мой муж, вещает по телемосту сквозь решетку, из Бутырки. Вот адвокаты. Муж говорит так: «Приговор абсурден, он полностью не соответствует фактическим обстоятельствам дела... Ходатайства о проведении экспертизы копии единственного документа (оригинала нет) все отклонены...

Ключевые свидетели не вызывались и не допрашивались ни следствием, ни судом... Я заплатил деньги за акции, в хищении которых меня обвиняют — вот в деле документ об оплате, оригинал, никем не оспоренный, вот оценка независимого оценщика, которого вызвал суд — я заплатил больше суммы оценки. Акции хранились в почтенном депозитарии, вот показания работников депозитария... В деле не заявлен ущерб, потому что я его никому не нанес...». Все это мы уже слышали. И тут вдруг мой муж говорит: «Мое дело является ярким примером коррупции в правоохранительных органах. Немотивированный следователь не мог возбудить уголовное дело на основании ксерокопии документа, найденного на полу. Я стал окончательно убежден в коррумпированности следствия, когда прикомандированный к следствию оперативный работник (такой-то — фамилия, инициалы, звание), такого-то числа, угрожая мне физической расправой в тюрьме, требовал от меня дать ложные показания на третьих лиц...». И дальше — подробности: вот следы заказчика в уголовном деле, вот заявление его жены, а вот ордер от его адвоката, а вот так у меня выбивали показания, и обо всем об этом вот мои официальные заявления. На этом месте связь с тюрьмой обрывается. Видимо, муж продолжает говорить. Ему же нас не видно. А стало быть, и не видно, что нам его уже не видно. И не слышно.

Ну, ладно. В любом случае, дал человек понять, что хочет заявить о коррупции в суде и уже заявил в тюрьме. Начали говорить адвокаты. Они старались не повторять то, что уже сказал мой муж. У них одним из главных пунктов был статус людей, назвавших себя потерпевшими. Это швейцарские и американские адвокаты, которых никто никогда в глаза не видел, не допрашивал, не беседовал по телефону, они не были в России, и никаких официальных бумаг от них тоже нет. Зато есть их российский представитель, обладающий от них доверенностью, выданной и изготовленной в Панаме. Подлинность панамской доверенности тоже никто и никогда не проверял. Более того — эта компания не оплатила акции, которые через несколько лет купил мой муж у другой компании, через депозитарий «Русские фонды». Почему при этом в тюрьме сидит мой муж, непонятно. Адвокаты практически хором говорят: «Дело считаем заказным и таким же считаем приговор». Потому что — ну, вот выше аргументы, бери любой. Там вообще все очевидно первокласснику: рейдеры отнимают акции, за которые не платили, у последнего их приобретателя. В арбитраже отнять нельзя — нет оснований. Зато можно купить уголовный суд, человека посадить, а акции отнять (то есть их выставят дешево на

торги, а это же завод, он не любому нужен — купит тот, кому надо, и почему надо). И с заказчиком понятно: вот заявление его жены (сам не может — сенатор, типа бизнеса в глаза не видел), а сам он давний интересант насчет завода, партнером мужа был. В общем, говорят адвокаты суду: это рейдерский захват и коррупция. В Пресненском суде коррупция и в СК МВД коррупция. Я как жена и детали могу добавить — меня, впрочем, никто никогда о них не спрашивал.

То есть мы в Мосгорсуде имеем два серьезных и публичных заявления о коррупции. И публичное заявление о рейдерстве, которое никто не проверяет.

Что делает суд?

Суд удаляется для вынесения определения. Возвращается минуты через три. Мне потом адвокаты сказали, что это еще прилично вполне: в Мосгорсуде часто не успевает за третьим закрыться дверь, как первый уже выходит. Не обсуждать же им, право, наши скучные дела. Определение: все оставить как есть, срок уменьшить на год. Не 8, а 7. Лет. Коррупция, конечно, не вошла — куда ж она войдет, если определение пишут утром.

В принципе ничего другого и нельзя было ожидать. Уж такова слава, традиции и подход заведения.

Вот что примечательно: один из моих адвокатов утром был на приговоре в Преображенском суде. Дело об убийстве с особой жестокостью: пять ножевых ранений, два из них смертельные, оставил нож в глазу у убитого — от досады, что не смог отпилить голову. Знаете, сколько дали убийце? Ровно семь лет. Через три выйдет — убийц легко отпускают по УДО.

Тюрьма, закон, бабушка и Бхагвати

Читаю книгу Джагдиш Бхагвати «В защиту глобализации», и всем рекомендую. Он там приводит чудесную одну цитату, мне очень она нравится: «Либерализация финансовых рынков пробуждает у людей инстинкты, свойственные игрокам казино, и усиливает вероятность кризисов — ведь в отличие от казино, национальные финансовые рынки тесно связаны с внешним миром и расплачиваться приходится потерями в реальном секторе экономики». Это в 1989 году сказал Лоуренс Сомерс, который потом был министром финансов США. А жаль, что и тогда не прислушивались.

Забыл — и негде подсмотреть — автора великой книги «Черный лебедь». Все же год в тюрьме дает о себе знать. Помню только, что автор — пророк. Там тоже хорошо было про глобализацию сказано: глобализация не есть зло. В ней есть два полюса, и самое главное — нельзя кидаться из крайности в крайность. Ну, хорошо, автор «Черного лебедя» написал свою книгу где-то за год до моего ареста, стало быть, в 2007-м. То есть накануне кризиса. А книга Джагдиш Бхагвати написана в 1994 году — я считаю, что именно он предсказал то, что происходит сейчас (а могло бы и не происходить, если бы прислушивались, хотя бы к Сомерсу), и именно он назвал Уолл-стрит реальным министерством финансов.

А еще был на приеме у начальника тюрьмы. Сам вызывал. Вообще-то после того, как мои дневники были опубликованы (хотя мне трудно об этом судить — я знаю об этом от жены и по реакции некоторых окружающих; мы же здесь как на Луне, только на другой стороне), администрация ведет себя аккуратней. Во всяком случае, трех моих сокамерников (два кавказца — и недавно заехал один авторитетный цыган) по первому требованию выводят к зубному врачу. Начальник тюрьмы на приеме сказал, что не имеет ко мне личных вопросов, но все же спросил: «Это Вы пишете? Тут есть ряд людей, которые собираются на Вас в суд за клевету подавать. Вы к этому готовы?». Я сказал, что ко всему готов. И что по каждому противозаконному деянию, с которым я столкнулся, и я, и моя жена, и другие свидетели написали соответствующие официальные заявления. И тут начальник вдруг говорит: «Но Вы же делали мне соответствующие финансовые предложения?». И чуть не подмигивает. Я понимаю, что разговор идет под запись, но изумился искренне: «Я???». Не делал я соответствующих ему финансовых предложений.

Вообще в тюрьме меня поддерживают. Даже блатные говорят, что все правильно: мол, мы сами не можем с «мусорами» дела иметь, или писать про них куда-то там, но ты не наш, ты можешь, давай, пиши. За последний месяц встретил только одного человека из осужденных, которому все это не понравилось: встретил одного из бывших моих сокамерников, чиновника (бывшего). Он попросил убрать абзац про себя. Спрашиваю: так что, это не правда? Отвечает: «Правда-то оно правда, но лучше, чтобы о ней никто не знал. Я, хоть и сижу в тюрьме, буду решать вопрос кулуарно. Как бы хуже не было». Я говорю: «А куда тебе хуже-то? Ты осужден, сидишь фактически по политической статье, ты в тюрьме. Решать кулуарно — значит, кинут еще раз». Как кинули и меня, и многих, кто пытался «договориться кулуарно». Хотя, конечно, чиновник — он и в тюрьме чиновник.

Да, мне и сейчас не слишком-то хорошо, даже по сравнению с тем, что было до публикации дневника. И будет еще хуже. Но я надеюсь поднять тему. Ведь дело не в тюрьме. Дело в системе. Дело в устройстве сильно правовой страны, в которой мы живем. В тюрьме процветают свинство и беззаконие. Страна не может содержать такое количество арестованных — так не сажайте столько. Или давайте «скидки», раз не можете создать хоть отдаленно человеческих условий: один день за двадцать, например. Ну, хорошо, пусть мы все здесь что-то нарушили. Так не создавайте нам здесь незаконных условий. Трудно требовать от преступников не нарушать закон, если ты помещаешь их в ситуацию тотального беззакония. Требовать соблюдения закона можно, если ты соблюдаешь закон сам.

Этот пост мне муж надиктовал на свидании. Мы оба думаем, что после всех бессмысленных кассаций и жалоб мы теперь долго не увидимся. Дальше — этап; куда, когда — неизвестно. Видимо, узнаю об этом, когда у меня не примут очередную передачу. Узнаю, что его уже нет в Бутырке. А где он будет и как дальше с ним общаться — неизвестно.

Пока мы разговаривали, и он мне диктовал, рядом буквально билась о стекло с решетками пожилая женщина. Она громко стучала во все четыре окружающие ее стеклянные поверхности и кричала. В кабинке типа «исповедальня», напротив которой стоит такая же, тоже стеклянная и зарешеченная, не работала телефонная трубка — единственное средство общения при свидании. Когда тебя заводят в такую кабинку, тюремщик закрывает на замок не только арестованного, но и пришедшего на свидание — каждого на свой замок. Выйти нельзя никому. В соседней с нами кабинке трубка не работала, женщина билась и звала хоть кого-нибудь, а напротив нее сидел ее сын и молчал. Он понимал, что никто не придет. Бабушка плакала, кричала, билась и звала.

Свидание — это час общения по этой гребаной трубке, по которой никто не слышит ничего, скорее догадываемся по губам, да что-то пишем друг другу крупными буквами на бумажке и показываем. Это надо быть молодыми, зоркими и сообразительными. Положено два свидания в месяц. Например, одно — для матери, одно — для жены. Может, и хорошо, что у моего мужа больше никого нет, и мне не надо ни с кем делить свидания.

У бабушки, бившейся и кричавшей час у решетки, похоже, больше не было шанса пообщаться с сыном. Когда нас всех через час открыли и начали выводить и выдавать паспорта (при приходе на свидание надо все сдавать), бабушка начала биться о тюремщика: мол, как же так, вот было свидание, а не поговорила, трубка не работала, дайте же другую кабинку, верните сына... — А не положено, свидание было, и прошло. «Как же так, скажите Вашу фамилию», кричала бабушка. «Может, тебе еще и адрес сказать?». Вот и поговорили...

**Как заставить банк взять деньги,
если он не хочет**

Звонил бывший сокамерник мужа, рассказал о нем новости. Его крепко заморозили за дневник, телефон ему передать никак не удастся — «ноги» (это сотрудник «Бутырки», который берется передать что-то) даже деньги вернул. И предупредил, что в соседях у мужа стукачи. Бывший сокамерник сказал, что сразу после нашего с ним свидания их грузино-цыганскую камеру раскидали и мужа перевели в другое место. Его телевизор, потерянный в недрах «Бутырки», конечно, так и не нашли, чему муж несказанно рад: не было у него уже никаких сил смотреть про наших героических ментов на всех федеральных телеканалах. А не включать его было невозможно: есть же сокамерники, а они разные. Звонящий бывший сокамерник напомнил, что муж просил передать ему УК, УПК и УИК — имевшиеся у него куда-то подевались в процессе обысков, а в библиотечной тюрьме таких полезных — для арестованных, подследственных и осужденных — книг, разумеется, нет.

На этой неделе закончились конверты, надо пойти еще 100 штук купить. Когда мужа арестовали, первое, что я купила — упаковку конвертов. На разнообразные взятки (те, которые не в сумках относил; сумки я купила в тот же день) и гонорары адвокатам ушло ровно 100 конвертов за чуть-чуть неполный год. Может, в машине еще десяток конвертов лежит, для непредвиденных взяток. Два конверта в неделю расход получается. Ну, в общем, так оно и есть.

И еще большое и значимое достижение: я наконец-то заставила «Райффайзенбанк» взять у меня деньги за мужа. Почти год я добивалась, чтобы они приняли у меня деньги в счет погашения его давнего кредита, был суд, который освободил меня от процентов и штрафов (благо я быстро сообразила, что «Райффайзен» на них и рассчитывает), и обязал меня деньги отдать, а банк — деньги принять. И все равно я нанимала адвоката, он с этим решением ходил со мной в банк и мы потратили два часа (предварительно договорившись с юридическим департаментом), чтобы это решение выполнить. Без адвоката я бы не справилась. Банк жестко сопротивлялся и отпихивал деньги.

Дело было так. Когда мужа арестовали, я, божья коровка, обнаружила, что по всем на свете кредитам несу солидарную ответственность. И как жена, и как партнер — половина бизнеса была формально записана на меня. Мы всегда думали, что так будет лучше — оказалось, что так сильно хуже. С зарплатами и с

арендами я справилась, с миллионными кредитами тоже потихоньку разбираюсь: там везде залого были, они хоть и упали в цене вдвое, но зато и спасибо девальвации — в рублях брали, патриоты хреновы. С нетерпением жду второй волны.

Меньше всего я переживала за маленький — на фоне миллионов — остаток по кредиту «Райффайзенбанку», который был взят в 2006-м, и оставалось там до погашения 40 150,09 евро. Ан не тут-то было. Я ходила в банк почти год. С наличными, с безналичными, с рублями, с евро — с чем угодно. В разные отделения, в центральный офис, в другой расцентральный офис, писала заявления, объяснения — все бесполезно. Мой мобильный забит телефонами разнообразных сотрудников «Райффайзенбанка». Я написала десятки заявлений: «Прошу принять у меня средства в счет погашения обязательств в полном объеме; по договору поручительства я несу ответственность...» и т. д. Самое главное — заставить такое заявление взять. Чтобы банк поставил на нем штамп: заявление он видел, оно принято. То есть несите сразу два экземпляра. Параллельно с этим банк забрасывает телеграммами: срочно отдайте деньги. Беру телеграмму, беру деньги, иду в банк: не берут. Не такая доверенность, у Вас нет счета, Вы не имеете право за него вносить и прочая нечеловеческая чушь. Которую несут вовсе не операционистки, а начальники разнообразных отделений и департаментов. У меня есть отдельные папочки по банкам и кредитам, собираю туда все бумажки, двигаясь к разрешению нашей общей с конкретным банком проблемы. Моя папочка «Райффайзен» необъятна. Идиотизм, содержащейся в ней, беспределен. Судья Мещанского суда, увидев мою папочку со штампами банка, с неподдельным интересом спросила двух юристок «Райффайзена»: а чего вы, собственно, хотите?

Конечно, по-хорошему, надо бы теперь с «Райффайзена» потребовать через суд оплатить мне издержки и гонорар недешевого адвоката. Но довольно четко осознаю, что скажет мне на это любой суд, покрутив пальцем у виска. Солидный банк, правовое государство — что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить старость на Родине. Вот у «Райффайзена» тоже есть своя родина. Верю, что там он ведет бизнес иначе.

Как-то раз я спросила одного большого начальника из УФСИНа — а как люди становятся тюремщиками? Вот сидит парень в десятом классе и думает: «Петя пойдет на доктора, а Зина на учителя, а я пойду тюремщиком работать, пусть меня научат.» «Нет, — говорит начальник грустно — не так: есть три высших училища (в центральной России), туда поступают либо по принципу территориальной близости от дома, либо по соображениям легкого получения высшего образования, мол, в университеты все равно не возьмут, а тут перекантуюсь и поглядим. Так и остаются.» А потом образуются семейные династии, я даже одну такую знала, но начальник из УФСИНа сказал, что как раз ту, которую я знала, частично поперли (может, кстати, и не поперли, а наоборот, один на повышение пошел, кто их там разберет). И муж, и сокамерники его много чего рассказали про трудовые подвиги этой семейки, благо один из ее членов как раз с ними и работает вполне беззастенчиво.

В общем, у мужа на прошлой неделе отобрали при обыске его тетрадку очередную, дневник, который он вел с середины апреля. Конечно, не имели никакого права отбирать — он же его не пытался никому передать, просто писал. Вряд ли отдадут, но муж говорит, что восстановит обязательно. Он мне много чего рассказал за последнее время — не по телефону, сейчас эта тема для него закрыта. Писем от него тоже нет, хотя и пишет он их исправно. Это уже вопрос к товарищам тюремщикам. А как рассказывает — не скажу пока. Потом скажу.

Судя по всему, его в ближайшее время отправят в карцер, моего супер-опасного интеллигента с двумя университетами. В карцер отправляют после двух выговоров (то есть сразу на втором). Один он тут на днях получил. Дело было так. Влепили ему выговор за то, что муж кричал в окно. Зачем кричал, кому кричал (когда у него и так все со связью вполне наладилось), непонятно, да и не кричал никуда, говорит муж. Впрочем, была ли сцена из кинофильма «Крик-4», уже никому не докажешь, зато можно доказать другое. Дело в том, что в тюрьме закон не соблюдают прежде всего сами тюремщики. Муж, вооружившись законом о содержании под стражей и Исправительным Кодексом, быстро выяснил, что нельзя ему выговор лепить и в карцер сажать, предварительно не «отобрав» у него объяснения. Поэтому имеет он полное право писать жалобу прокурору по надзору за исправучреждениями. Ну, написал он заявление (что с ним стало, никому неизвестно, но все-таки). А ему на это и говорят: а не

хочешь ли ты, мил человек, поехать в такую зону, куда Макар телят не гонял? Вот ведь нашли, чем испугать. Да у нас в стране везде люди живут, во многих местах даже добровольно. Поедем и к Макару. С детства привыкали.

Заявления о беззаконии тюремщиков у нас особо не рассматривались, пока муж не начал публиковать блог. Сейчас какая-то определенная суэта поднялась, да. Читают внимательно, даже реагируют, но не слишком адекватно. До публикации я пару раз заходила на прием к разным начальникам, пыталась рассказать о коррупции, вымогательстве, заявления подать всякие. Последний раз в марте была, у замначальника «Бутырки» по кадровой и воспитательной работе, у товарища Полькина. Там запись ведется, в том числе и видео, так что можно полюбоваться при желании. Вот, говорю, товарищ Полькин, вымогательство тут у вас, заявление хочу написать. Да Вы не переживайте, не надо заявления, сейчас мы тут все быстренько искореним, а Вам позвоним непременно, телефончик оставьте. Оставила, ага. Жду ответа, как соловей лета, по сей день. А вот в УФСИНе блогом серьезно вроде заинтересовались.

Знаете, дорогие мои, просто сходите разочек в приемную «Бутырки». Просто постоит там и посмотрите, и послушайте. Тюрьма наша не нацелена ни на исправление, ни на наказание осужденного — не столь важно, виноват человек или нет, это к суду и следствию вопросы. Тюрьма наша нацелена на уничтожение человека. Просто на уничтожение. Хотите примеров? Да сколько угодно.

www.regions.ru

www.rian.ru

Это только за июнь, навскидку. Те, что умерли — они, конечно, невменяемые. Вменяемые платят и выживают.

Только что звонил бывший сокамерник мужа. Узнавал новости, передавал новости. Говорит: да плюньте вы оба на этот блог, все равно ничего не изменить. Только хуже будет. И еще сказал (филолог все-таки): понимаете, одно из самых ужасных слов в русском языке — это слово «правосудие». Вы только вслушайтесь в него, душенька. Правосудие — это право судить. Не правду судить, не справедливости искать, а именно право судить. Кто дал право судить нашим судьям, кто дал право судить следователям, необразованным, продажным, равнодушным? Да никто. Они просто окончили вуз по соседству. Им просто все равно.

Не верь, не бойся, не проси

Сокамерник мужа, который договаривался и проплачивал, все еще в Бутырке

Последний раз я была в Бутырке месяц назад, 3 июля. На свидание меня не пустили (что было вполне ожидаемо), сказали, что им еще не пришел приговор, так что мой муж еще числится за судом. То есть мне надо ехать в суд и брать разрешение на свидание там. У меня и в мыслях не было следовать доброму совету насчет суда: к этому дню приговор в Бутырке был, о чем я знала от мужа, и все стороны процесса понимали, что происходит: меня просто не пускают. Просто так. Через день муж уже был отправлен на зону.

Вообще-то, для сидящих в Бутырке отправление на зону — это большой позитив. И то, что мужа так скоропалительно отправили, говорит только об одном: мы правильно сделали, что стали публиковать его и мои записки. И они постарались побыстрее от него избавиться. Бывший сокамерник мужа, который часто мне звонил и говорил о бессмысленности любой борьбы, о необходимости договариваться и давать взятки, все еще в Бутырке, — хотя и договорился, и проплатил, и даже никаких кассаций не подавал. Они его просто кинули. Они так почти всегда делают: договариваются, берут и кидают. А видя другую реакцию на предложение «договориться», сначала сатанеют, а потом обходят бочком.

Ни я, ни муж месяц ничего не публиковали, поскольку боялись спугнуть удачу. Даже не то чтобы удачу, — а просто нормальных людей, коих мы не видели по другую сторону решетки уже год, если не считать полковника УФСИН, которого в дневниках упоминал и муж, и я. Полковник оказался порядочным человеком, который, во всяком случае, попытался остановить бутырскую вакханалию. Теперь мы с моим мужем надеемся на встречу с порядочным судьей в Верховном суде: мы будем оспаривать приговор до тех пор, пока наше дело не будет хоть кем-то прочитано. И не важно, сколько лет это займет.

Как только муж покинул Бутырку, он впервые за год получил молоко и яйца, — не за деньги и сигареты, а просто так, поскольку, как выяснилось, это входит в рацион питания в самом обычном Центrale богом забытого областного центра. А потом он попал на зону.

Первое, что произвело на него огромное впечатление (если не считать молока и яиц), — это трава. Не та, которую курят, а та, что зеленая такая, травка обыкновенная, дикорастущая. Он год не видел ничего зеленого, а тут — травки, кустики, птички и природа. Потом он со своими новыми товарищами (даже с одним

замминистра, историю которого я хорошо знаю по публикациям: лет пять назад сняли одного политически мощного министра, и всех под ним посадили почти без разбора) жарили шашлыки из свиной шейки. А еще муж завел себе кота чрезвычайной пушистости. И попросил прислать — помимо всего прочего — хороший крем для обуви. Нам разрешили свидание, и на этой неделе я к нему поеду.

О том, что происходит на любой практически зоне, легко можно узнать из интернета. В любом поисковике набираешь интересующую тебя область и номер колонии и обязательно что-нибудь найдешь, скорее всего, форум. Там родственники делятся друг с другом ценнейшей информацией: что можно, что нельзя (это часто меняется, в том числе от настроения смены — как и в Бутырке), куда пойти, кого спросить, что с собой брать, на чем ехать и сколько это стоит. Что еще важно: можно узнать, как честно и официально, а главное, эффективно, помочь колонии, и твоему родственнику в частности. В отряде у моего мужа, например, стоит телевизор и ресивер, который принимает порядка 200 каналов, — это заслуга только что освободившегося бизнесмена, позаботившегося о товарищах. Кот, кстати, тоже его — перешел по наследству моему мужу.

И вот что еще важно: несколько человек из числа читателей Slon.ru опознали и меня, и моего мужа, и разыскали нас. С одним, гражданином другого государства, которое ныне считается враждебным России, мой муж учился в американском университете много-много лет назад. Я помогла ему наладить связь с мужем, и, надо сказать, это здорово его поддержало. После серии — да что там серии, сериала — предательств, мародерства, забытья и шараханья при случайных встречах это ценишь особенно. Вообще, мы с мужем решили, что во всех событиях последнего года есть один несомненный позитив: наверное, только так и можно узнать, кто с тобой рядом. Все очень четко: сначала у тебя нет друзей и родственников — совсем, когда только все случается, ты один; а потом оказывается, что есть, просто это другие люди.

Внимательно слежу за тем, как идут дела у заказчика дела против мужа. Вот уж кому сейчас не позавидуешь, так это ему. Так и хочется спросить вслед за Тарасом Бульбой: «Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?». Жаль, Бортко испортил Гоголя.

Три дня на зоне

«Тюрьма есть ремесло окаянное, а для скорбного дела потребны люди твердые, добрые и веселые»

Дневник жены

Только что вернулась с зоны. Впечатления и эмоции — самые противоречивые. В том смысле, что прет позитив, — это из тюрьмы-то. Встретила десятка три хороших людей, включая разнообразных местных силовых начальников, немыслимое количество тотемных животных и одну дуру из поместья. По дороге в Москву пересеклась с неким бутырским персонажем, и он выдал мне дневник мужа, его последние два месяца в Бутырке — он восстановил то, что было у него изъято, благо сумел сохранить черновик. К концу недели я его обязательно расшифрую. Но обо всем по порядку.

Так пока и буду его называть — Бзоц, Богом Забытый Областной Центр. Зона от него километрах в сорока. Сошла с поезда с чемоданом (примерно с меня ростом) и двумя баулами — еду привезла. Тут же подошли таксисты: «Мадам, Вам на какую зону?».

Быстро сторговалась с таксистом Мишей, который обещал и встретить, хотя я не имела ни малейшего представления, когда освобожусь. Он мне и рассказал, когда узнал номер ИК. Сказал, что для первого раза правильно, что все везу с собой, — новеньким нужно быть пораньше. А в следующий раз можно будет и в Бзоце прикупить продуктов: там магазины открываются в 9, а у меня поезд в 7 утра приходит, для первого раза в это время уже нужно быть на зоне. Поехали.

Чистенький, низенький, игрушечный облцентр неожиданно закончился салоном красоты «Сен Тропе». И сразу прибила другая красота: абсолютно ровные и пустые дороги, дремучие дубовые леса, соседствующие с совершенно прибалтийскими сосновыми; ухоженные кирпичные деревушки без затей — но очень крепенькие: без покосившихся среднерусских избенок, без ржавых останков чего-то там, но и без новорусских башенок. Крепкое кулацкое хозяйство. Палисадники в цветах и капусте и толстые рыжие коровы. Неожиданно среди всего этого возникло нечто: такое иностранное, железное, сине-белое, похожее на космический комплекс, из которого Сигурни Уивер будет выбивать «чужих». Таксист Миша пояснил, что это водочный завод губернатора. Раньше, сказал он с обидой, здесь был областной свинокомплекс, но свинья-то у каждого есть, так что лишних свиней снесли, теперь вот народ спаивают. И так фыркнул, что стало понятно: эта водка — на экспорт, приличные люди тут пьют самогон.

Приехали

Поселок с романтическим названием (вполне себя оправдывающим) заканчивается рынком, рядом с которым железные ворота со страшной надписью: «Исправительные учреждения номер...». Приехали, что ли? Шлагбаум. Таксист смотрит с сожалением, как на конченную идиотку. Гордо минует шлагбаум, оказавшийся совершенно бесхозным, и довозит прямо к окошечку, куда мне нужно сунуть оригиналы всех своих документов. У окошечка кто-то спит на лавочке, на окошечке надпись: «Прием документов с 9:00». Время — 8:30. Таксист Миша понимает, что ему нужно все делать самому, поскольку его пассажир находится в клинической стадии, и говорит, помогая руками и отчаянно артикулируя: «Нужно выйти, вещи оставить в машине, постучать погромче и сказать: «Я приехала». Так и делаю — исключительно ради Миши. Окошко тут же открывается, милейшая блондинка в форме говорит, что это очень хорошо, что я приехала, помогает заполнить бумажки и дает подробнейшие дальнейшие инструкции.

Офигеваю. Понимаю, что Бутырка осталась где-то далеко.

Согласно инструкциям и выданному квиточку, я должна пойти в отдельно стоящее здание бухгалтерии, оплатить свое пребывание в тюрьме, потом дожидаться начальника отряда и получить еще инструкции. Иду в бухгалтерию, что наискосок, в здании районного УФСИН: тридцать три заборчика, наличники, палисадники и все та же раскудрявая капуста. В коридорах темно: опять выключилось электричество. Зато то, что удастся разглядеть, напоминает театральные декорации к «Бахчисарайскому фонтану»: все тщательно расписано какими-то зелеными восточными узорами, что весьма гармонирует с капустой под окнами. В коридоре у меня забирают разрешение на свидание и выдают приходный ордер, надо идти оплачивать в кассу: один день моего пребывания стоит 750 руб. Касса — в вестибюле заведения, там имеется доска почета (на лица приятно посмотреть: мужички-боровички в погонах, одна провинциальная красotka и десяток добрых бабушек); имеется также стенгазета, и в уголке — «Уголок правовых знаний», информирующий внимательного читателя о компенсациях работникам УФСИН на санаторно-курортное лечение. В стенгазете обнаружена единственная надпись (кроме поздравлений в стихах с днем рождения) — это цитата: «Тюрьма есть ремесло окаянное, а для скорбного дела потребны люди твердые, добрые и веселые». Петр I».

Судя по звукам из бухгалтерии, накрывающей завтрак, — так оно и есть. Заветы Петра здесь блюдут свято.

Почта, телеграф и сельсовет

Надо сказать, что все это время я шлялась без чемодана и двух баулов. Поверив Мише, я их просто оставила на улице возле окошечка, где принимали документы. И Миша, и блондинка в окошечке сказали мне, что они здесь, как у Христа за пазухой. Я к ним не подходила 5 часов. Они не заинтересовали даже проходящих собак, — хотя от них очевидно пахло колбасой (от чемоданов, а не от собак).

Выхожу из бухгалтерии, и ко мне наперерез кидается седовласый красавец в форме ФСИН. Обращается по отчеству и улыбочиво говорит, что уже черт-те сколько меня разыскивает: теперь, говорит, мне нужно пойти в сельсовет и оформить бумаги, которые нужны моему мужу (очередные бизнесовые доверенности) — вот они, у него в папочке; а потом пойти на почту — вот она, наискосок — и оформить мужу подписку, вот список. Тоже усиленно артикулирует и вдобавок выдает на листочке в клеточку письменную инструкцию: узнаю почерк мужа. Куда пойти, что сказать, и тяжести не таскать.

Сельсовет прекрасен. Он просто шокирует. Это здесь же, в 200 метрах от ворот ИК. Это огромная, хорошо сохранившаяся дворянская усадьба конца XVIII — начала XIX века, трехэтажная, с ротондой. На входе шесть колонн. Мне кажется, именно об этой усадьбе я читала, когда изучала район пребывания мужа: сюда уехала первая любовь Пушкина, выйдя замуж за его однокашника, — и эта блистательная столичная штучка совершенно добровольно варила здесь варенье 35 лет безвыездно. Теперь я ее понимаю.

Нынче здесь сельсовет, школа и клуб. Дама со стальным передним зубом — начальник сельсовета — посылает меня подальше с моими хотелками, и я понуро бреду на почту (начальник отряда потом очень переживал, что так вышло, и звонил стальнорубой — она застеснялась и сказала, что к ней никто не приходил и стремительно ушла в отпуск).

На почте обитают две феи. Баба Люба, которую я полчаса назад видела на огороде в момент прополки капусты, шлет поздравительную телеграмму — с торжеством бракосочетания. Фея объясняет бабе Любе, что срочная телеграмма из поселка, что в райцентре, который в 40 километрах от Бзоц, дойдет через неделю, баба Люба говорит, что как раз через неделю и торжество, нас на мякине не проведешь. Тем временем я путаю все, что можно запутать с подпиской. Феи пытаются помочь и запутываются сами. Муж попросил подписать его на «Ведомости»,

«Коммерсант» и «Русский Newsweek». Слово «Ньюсвик» производит глубокое впечатление: ищут его долго и уважительно, понимая важность науки. Но на «Ньюсвик» подписаться оказалось невозможно: подписка только на полгода, новый каталог еще не пришел, так что не раньше ноября я могу подписать мужа на будущий год. «Коммерсант» сюда вообще не доходит. С «Ведомостями» забавно: там такой газеты не знают. Мне предложили на выбор «Ведомости исправительной системы» и «Медицинские ведомости». Настаивали на «Ведомостях исправительной системы». С горем пополам оформили подписку с октября.

Пока оформляли, я обнаружила на почте два компьютера и висящее над ними объявление: «Все отделения Почты России оборудованы системой Интернет». Как писал поэт Пушкин: «В нем разыграло ретивое! Что я вижу? Что такое? Как! И дух в нем занялся...». Поэт, и правда, был провидец: «Царь слезами залился...». Потому как спросила я про интернет немедленно. «Да компьютеры просто так стоят... И объявление для порядка». Ну, и слава Богу. Теперь точно можно в тюрьму с чистой совестью.

Запасы

Пока я курсировала между почтой, сельсоветом и бухгалтерией, я, соответственно, раз пять прошла мимо местного рынка, что у шлагбаума, который не работает, а также заглянула в сельмаг. Теперь у меня чемодан и пять баулов. Докуплены потрясающие подкопченные сардельки, домашняя выпечка в нечеловеческом ассортименте, языковая колбаса и местные хинкали, оказавшиеся кулинарным шедевром. Эти дополнительные три баула обошлись мне в триста рублей. Причем за одним прилавком я забыла какие-то печенюшки, так продавщица закрыла свою торговлю и разыскивала меня по всему поселку: в итоге, заняла стратегическую позицию у входа в ИК и вручила мне то, о чем я напрочь забыла. Опозорилась я и с яйцами: вижу, продают свежие деревенские яйца, коричневые такие, крупные. Надпись: 20. Протягиваю 200 рублей. Оказалось, 20 — это за десяток. Не увидела на рынке овощей (здесь люди овощи за товар не держат, а зелень не сажают и искренне презирают). Прошла по деревне, спрашивала, нет ли картошки на продажу. Вышла бабулька, посмотрела на меня — примерно как таксист Миша — принесла пакет картошки, плюс морковка и лук. Денег брать наотрез отказалась. Поняла, что в зону мне. Заодно рассказала, что сначала здесь зону завели, а потом поселок тут устроился, при зоне (зон здесь несколько). Всучила ей свои духи — для внучки. Взяла, сказала — это нужно.

Похоже, что зона образовалась вокруг усадьбы. Хорошие у них тут места.

Между тем, в приемной зоны объявили обед. Я и расслабилась — благо местный рынок обещал все более заманчивые сардельки. Как говорят в тюрьме, «согласен на любой кипеж, кроме голодовки». Но чу: смотрю, машут — вроде мне — люди в форме всячески. Подхожу: новеньких, говорят мне, первыми пускают — заходи. Берут своими собственными ручками мои баулы и ведут меня вовнутрь.

Сначала сдаю все документы, включая паспорт. Потом все деньги под расписку. Потом телефон, зарядку и все «железное». Потом меня строго предупреждают об ответственности. Потом сдаю лекарства: сначала те, что привезла мужу, потом свои. Его лекарства поступят в мед-часть, а там доктор распорядится; свои могу принимать по часам, выходя в зарешеченный предбанник между зоной и зоной.

Появляется прекрасный юноша в черном, чьи манеры и обхождение сделали бы честь любому пятизвездочному отелю: он берет мои баулы и всячески меня опекает. Как потом выяснилось, это зек, завхоз при том, что зеки называют «отелем». У него большой срок — за что, здесь спрашивать не принято, но явно не связанное с насилием, таких сюда не назначают. Юноша несет (в три приема) мои вещи по крутой деревянной лестнице, вполне свежепокрашенной, и я попадаю в загадочное место. Со мной статная дама в форме. Она изо всех сил старается быть строгой (как потом выяснилось, там все стараются быть строгими — но действительно из последних сил). В этом загадочном месте дама меня тщательно шмонает. И меня, и мои баулы — очень, очень тщательно, прощупывая каждый пакетик с кашей и выворачивая наизнанку чемодан, — но от этого почему-то не обидно несколько. Потому что она хорошая: все как-то тактично у нее получается, от нее пахнет семечками и сарделькой. Да и комната располагает — большая, метров 20, светлая и какая-то уютная: довольно новые обои в цветочек, шторка с рюшками; колючая проволока, обрамляющая бетонный забор, на который выходит окно, и тройные решетки на окнах как-то не смущают. Дама удовлетворена шмоном, все мои вещи — поштучно — валяются повсюду, она перед уходом оборачивается одобрительно, поощряя мои запасы: «Ждите, сейчас Вашего приведут». Как оказалось, это моя комната.

Провожу дислокацию местности. Имеется: длинный коридор, пятнадцать комнат, общая душевая, туалет, кухня, детская комната (многие приезжают с детьми), комната отдыха с

телевизором и комнатенка завхоза. Все это расположено на втором этаже комендатуры зоны. С одной стороны нашего здания (это на самом деле кирпичный барак) располагается собачий питомник, со всех других сторон — лагерные бараки. Мы (условно-вольные) имеем право спускаться на первый этаж (в исключительных случаях), зеки — нет. Нас запирают. То есть предполагается, что ты на некоторое время сам добровольно становишься зеком. У тебя нет документов, нет денег, нет связи, нет никаких прав. Подписалась — сиди. Предполагается, что вольные не видят самой зоны (хотя ее видно отовсюду). На самом деле, скрывать особо нечего: зона производит впечатление образцово-показательного пионерлагеря, только лучше. Потому что без дураков и дурацких речевок. Хотя, говорят, в саратовских, например, зонах, и это есть.

Постучались в дверь. Ввели малознакомого мне типа в зековской новенькой форме. Чуть задержались, наблюдая реакцию. Видимо, вопрос был обоюдный: кто это? Сказали друг другу «Здравствуйте». Подошли, обнялись — для зрителей. Зрители остались довольны и закрыли дверь.

Муж похудел за год на 40 килограмм. Вообще-то это было видно сразу: первое нелегальное свидание в Бутырке я купила еще в октябре прошлого года, он резко похудел в первые два месяца. Но сейчас я воочию увидела Освенцим. И еще сине-зеленого цвета. Ребра видны сквозь куртку. Посадила за стол — там уже дымились хинкали (на общей кухне я быстро освоилась, благо выросла в коммуналке), пирожки, салатики всякие. Муж замер с ложкой, а потом начал говорить. Он говорил долго, все давно остыло. Сначала он говорил в пустоту, потом он начал обращаться ко мне. На второй день он начал есть. Я спрашивала теток на кухне (в основном, приезжают мамыши) — то же самое и у них. Одна сказала: «В первый день они едят глазами». И говорят.

Что он рассказал

Во-первых, он мне сказал, где, у кого и как я могу забрать его последнюю тетрадь из Бутырки, — и пересказал мне ее содержание. Она у меня уже есть — ну, что сказать: эти люди настолько нелюди, что бросать тему Бутырки никто уже не будет. Там — надолго, как и с Пресненским судом. И вообще с судом. Кстати, о суде. Я спросила мужа (когда он стал реагировать на внешние раздражители): а как вы в зоне различаете, кто сидит по заказу, а кто по делу? Вон тебе в комментариях к твоему блогу пишут, что правильно сидите, раз украли, — что ответить? Муж так сказал (не найду, кстати, что возразить): вот у нас в отряде (на зоне) три человека по одной статье, бизнесовой, 159, ч. 4. Два заказных и один правда мошенник. Мы его так и зовем, он не обижается. Различить очень просто, достаточно взять приговор: у нас двоих в деле не заявлен ущерб — ни государству, ни коммерческим организациям, ни частным лицам. Нет ущерба, никакого, и даже речи об этом нет. А раз нет ущерба, но при этом в приговоре сказано, что преступление есть, возникает естественный вопрос: а кто что у кого украл, раз нет ущерба? Ответа нет. Зато имеем так называемую потерпевшую сторону, к которой отходит спорная собственность. То есть суд четко работает на рейдерский захват: ведь если собственность (в нашем случае — акции завода) была украдена у законного собственника, значит, он понес ущерб: то есть он несколько лет не мог управлять предприятием, не мог получать дивиденды. А если ущерба нет (а в нашем случае нет также и платежных документов, подтверждающих, что сторона, называющая себя потерпевшей, оплатила акции), то и на зоне понимают, что имеют дело с заказухой, и относятся к таким зекам соответственно — с понимаем и уважением.

Другое дело, если ущерб заявлен государством. Тут пятьдесят на пятьдесят. На зоне есть развеселый кавказец, у которого был сыроваренный завод, — он не платил налогов, его посадили, и он понимает, за что сидит. Если речь идет о чем-то существенно более крупном, чем сыроваренный завод, значит, может иметь место политика. Таковых на нашей мирной зоне нет — зато их много в Бутырке, об этом муж пишет в дневниках.

У третьего бизнесмена из нашего отряда (он работает «бугром хлебопекарни») — мошенничество в чистом виде, со страховками — и, соответственно, с ущербом. Здесь все просто и понятно. «Заказных» бизнесменов стараются пристроить к клубу или библиотеке. Кстати, среди зеков мой муж прослыл большим

специалистом по деревенскому фольклору, чего за ним никогда не водилось. Оказалось, что по прибытии на зону муж пошел в библиотеку и взял почитать Фолкнера «Деревенька». Прапорщик его так прямо и спросил: «Фольклором интересуетесь?»

Во-вторых, муж рассказал, что и он, и его товарищ по несчастью (второй «заказной») прибыли на зону почти одновременно с выговорами в личных делах от тюрем (разных, кстати), где они содержались до лагеря. У одного выговор объявлен за 3 дня до этапа, у другого за 4. Начальник зоны понял все сразу: «Что, — говорит, — денег с вас хотели за этап?». Со второго хотели 25 000 рублей за «приличный этап», с моего — столько же в долларах. Ни тот, ни другой денег не дали. Результат превзошел все наши ожидания: это очень приличная зона, да и этап обошелся малой кровью. А исходящие номера жалоб моего мужа в прокуратуру (на незаконный выговор — он осложняет дальнейшую жизнь) ему так никто в Бутырке и не сообщил. Похоже, их просто не отправляли. Зайду на неделе в Бутырку непременно, поинтересуюсь исходящими-то. Или сразу в прокуратуру.

Кстати, то же самое касается и суда: муж в апреле отправлял свои замечания на протокол. Ответа нет до сих пор. Зайду и в Пресненский суд. Судья Олег Гайдар, сразу после нашего дела получивший повышение и перевод в Мосгорсуд, неплохо парировал доводы адвокатов об отсутствии доказательств в деле: «А следствие догадалось». И я, и еще несколько человек, — мы это слышали, а я вела параллельный протокол. Там много чего в протоколах не оказалось.

В-третьих, муж рассказал про сам этап. Купе на 12 человек, полки в три яруса. Это «столыпинский вагон». С собой — сухой паек, кипяток дают раз в день. Куда везут — неизвестно. Говорить запрещено. За пачку сигарет «Парламент» у старшего офицера можно узнать все: куда, какая зона, кто начальник, какие условия. Достать дополнительный кипяток нельзя и за сигареты.

Пока я жила на зоне (почти 4 дня: трое суток «чистыми» плюс отъезд-приезд), встретила несколько человек — самых разных — приехавших из тюрьмы в Медведково. Люди рассказывали удивительные вещи: там, оказывается, построили новый корпус — по всем европейским нормам. Там чистые, большие дворики, там нормальные камеры, где есть вентиляция и все, включая плечики для одежды. Есть тюрьма в Капотне, где без взяток, на законном основании, родственники передавали домашнюю еду каждый день. Поминали при этом известный ларек в Бутырке: просроченные продукты и копченая куриная грудка за 500 рублей. Когда я передавала мужу ту же курицу с воли нелегально, не отрывая ценников, он и его сокамерники удивлялись: неужели никому нет дела до того, что происходит в 4 километрах от Кремля?

И попав на зону, мы — после Бутырки — удивляемся нормальным людям, просто исполняющим свой долг. Исполнять долг и подчиняться требованиям закона — это просто. Когда ты живешь на зоне, ты привыкаешь к тому, что у тебя, например, проверка два раза в день — в 16 и в 21:00. В это время ты должен быть на месте, в отведенной тебе комнате, и рапортовать проверяющим, кто ты и откуда. Проверяющий при этом громко стучит в дверь, и сам ее не открывает — мало ли что. На двери при этом есть внутренний замок — его надо открыть, кстати. Приватная жизнь.

У наших соседей жил мальчик — его не сдавали в детскую комнату, он большой для этого, там для младенцев кровати — а наш бутуз был подрощенный, лет 6–7. Он обожал проверки: «Папа, папа, а когда проверка?». А папа у него серьезный: со звездой на одном плече и с паутиной на другом. Не знаю пока, что означает это сочетание, но выглядит внушительно.

Зеки, к которым приехали родные (их 15 человек, включая моего, плюс завхоз, плюс таджик-уборщик Леха), очень стараются взять любую работу на себя. «Мама, посиди, я сам все помою», «Я сам почищу картошку», «Мама, отдохни» — самые частые слова, что слышишь на кухне. Разговоры самые обычные: Валька вышла замуж, Петя в армию ушел, клубника в этом году уродилась. Говорим о тюрьме, о порядках на зоне только когда на кухне одни тетки: делимся информацией. Тетки говорят — да я и сама увидела — что зона честная: офицеры реально стараются, крутятся, пытаются как-то накормить своих подопечных и обеспечить им человеческие условия. Работают здесь в основном местные, деревенские жители — крепкие, надежные и веселые. В общем, порядочные кулаки. И тетки, и зеки говорили мне, что муж придет в себя уже к осени — откормят. От Бутырки долго отходят.

Сидят здесь в основном жители области и москвичи. По особо тяжким статьям посылают в лагерь строгого режима — он у нас по соседству — так что совсем страшных зеков у нас на зоне нет. Осужденных стараются распределять в отряды «по интересам». Отряд — это от 80 до 120 человек, которые живут в одном бараке. Работать при этом они могут в самых разных местах. В нашем отряде нет блатных — эта публика собрана в отдельном, «черном» отряде. Там свои порядки и свои законы, то есть понятия. Не плохие, не хорошие — просто свои. К ним мало кто приезжает, туда почти не ходят передачи: ведь если ты не соблюдаешь лагерные правила (а многие правила блатные не могут соблюдать исходя из понятий), то и передачи, и свидания ограничиваются.

Муж скоро должен получить «зеленую бирку» — это облегченный режим. У него в отряде большинство зеленобирочных. Это означает, что я чаще, чем раз в два месяца, смогу делать ему передачи (уже раз в месяц) и чаще приезжать — сейчас положено раз в три месяца. Впрочем, есть и другие, вполне законные методы усилить ему питание, но это уже маленькие хитрости нашего городка, не буду о них. О взятках речи не идет. Судя по всему, здесь это не принято.

Что касается взаимоотношений между зеками, то здесь они разительно отличаются от тюремных. В тюрьмах люди стараются сплотиться — во всяком случае, так было в Бутырке, — и пытаться совместно противостоять. То ли здесь противостоять особо нечему, то ли еще почему, но здесь каждый за себя. Пока я

знаю о трех вариантах совместных действий. Во-первых, если кто-то крысятничает — например, крадет еду из общего холодильника — такого человека совместно выгоняют из отряда (это очень плохо). Во-вторых, это обмен информацией (строго дозированный обмен — здесь лишних слов не говорят): про каждого новенького приходит неведомыми путями малява из тюрьмы, от смотрящего — как человек себя зарекомендовал. На мужа пришла весьма позитивная характеристика, что существенно. В-третьих, отношение к «петухам»: выявляют их быстро, относятся нейтрально, но в любом отряде они живут обособленно, у них даже есть отдельный умывальник. Общение с ними не поощряется. Причем среди гомосексуалистов попадают и преинтереснейшие люди: музыканты, банкиры, художники. Но дела это не меняет.

Местное начальство исподволь (на зоне много дурацких ограничений) поощряет у зеков садоводство и огородничество. Поэтому у многих бараков имеются грядки.

Тотемные животные

На нашей зоне (куда я уже рвусь, как в санаторий — потому что там нет телефона, интернета, зато есть прекрасная духовка на кухне и интереснейшие собеседники) никогда нет тишины. То из комнаты отдыха доносятся звуки от треклятой группы «Любэ» (шансон, особенно уголовный, на зоне никогда не слушают), то кто-нибудь — исключительно из сердобольности — поставит погромче новости «Первого канала», чтобы все были в курсе событий (хотя власть здесь оценивают трезво) и послушали о снижении ставки рефинансирования. Когда все смолкает наконец, — вступают овчарки, они под окнами. Их много, и это мощный хоровой коллектив. В отличие от группы «Любэ», под них можно спать. Особенно если у тебя на голове спит чудный кот.

Скажу сразу, я собачница, и коты для меня — как кинза к хинкали, то есть предмет обаятельный, но необязательный. То есть, я была такой до встречи с Этими Котами. Жителей города Бзоц и его окрестностей смело можно считать продолжателями и хранителями дела древних египтян: здесь культ котов. И они прекрасны. Лагерные овчарки тоже относятся к котам с некоторым почтением: во всяком случае, если кот идет погулять, собаки отворачиваются. Кот идет по своему маршруту, ни на кого не оглядывается и дорогу никому не уступит. Впрочем, может подойти пообщаться, если ему вдруг стало интересно.

В отряде моего мужа четыре кота: кот цвета баклажана Тимофей (наглый и обаятельный беспредельщик), белоснежная кошечка Маса и, соответственно, два котенка. Это — на восемьдесят человек. То есть у каждого кота в служителях примерно 20 человек. Им отдается все: они кушают сливки (если уговорить), они ходят в ошейниках, им в передачах пересылают наполнитель для туалета, а у Масы есть золотая цепочка поверх ошейника. В нашем гостевом бараке царь — Максик, названный так мамой одноименного стоматолога из МОНИКИ, загремевшего на нашу зону по каким-то своим стоматологическим делам. Каждый приезжающий на зону хочет забрать Максика с собой на волю, но это невозможно, его никто не отдаст. Да и Максик может расстроиться — ему на зоне исключительно вольготно и сытно. Максика 4 месяца, он вечером выбирает, к кому он пойдет спать; подкуп запрещен — тем более что Максик неподкупен. Его нужно долго уговаривать, чтобы он съел курочку. Молоко — только «Можайское», и никакого другого. Вчера ночью он спал на моей подушке, то есть на моей голове — и безо всякой курочки, это был его собственный выбор. Мои акции так сильно поднялись, что

курочку, не съеденную Максимом, моему мужу разрешили взять с собой в барак. На том и расстались. До следующего свидания.

Изъятая тетрадь

Начальник Бутырки дал мне неделю на то, чтобы мой дневник был удален из интернета

Пояснения жены:

Эту тетрадь, которую мой муж закончил писать перед этапом, мне передавали десятки рук: сотрудники Бутырки, чужие адвокаты, родственники арестованных. Всем — огромное спасибо и удачи. В тексте есть неактивные ссылки на Приложения: они в конце, это некоторые пояснения о явлениях и событиях, которые могут быть непонятными для людей с воли, — но общеизвестны для «бутырских». Текст практически не редактировала: только кое-где расставляла активные ссылки на свои посты, которые были опубликованы на Slon.ru в те дни, когда от мужа приходили какие-то известия; плюс, в некоторых местах не выдерживала и оставляла в скобках свои комментарии, но совсем немного, и я их отметила. Еще на всякий случай полностью изменила имена заключенных.

События, которые описаны в этой тетради, происходили на Бутырском Центrale с конца апреля по начало июля 2009 года, Сама запись сделана несколько позже в силу причин, о которых я расскажу подробнее далее. Хронология и фактура событий восстановлены мною процентов на 90–95.

26.04.09

В моей новой камере есть вещь, прелесть которой я сразу оценил. Теперь мне кажется, что это — незаменимая вещь. Это холодильник «Саратов», которому на вид лет 40. Он весь металлический, с хромированной ручкой — из тех времен, когда по улице ездили «Волги» с оленем. Не очень понятно, как он здесь оказался и как сохранился. Он издает ровный, достаточно громкий гул, но только в первое время кажется, что это мешает. На самом деле, этот гул почти полностью заглушает все тюремные звуки: шум хлопающих на «воровском проходе» дверей, ночные перекрикивания за окнами. Сон приходит так же быстро, как и под монотонный стук колес.

Спать мне в последнее время вообще стало более комфортно — после того, как я сделал основу для матраца из томов своего уголовного дела. Проблема в том, что основу большинства кроватей на Бутырке составляют переплетенные крест-накрест металлические пластины. Сами матрасы очень тонкие, поэтому спать на одном матрасе невозможно в принципе, утром все тело болит. Если постоянно ездить на суд, то эту проблему можно решить: при возвращении из суда за пачку хороших сигарет можно получить второй матрас. Правда, это удобство до первого обыска — дополнительные матрасы отбираются. Можно и самим сшить несколько матрасов в один, но делать это надо аккуратно, чтобы не был замечен шов, иначе такой чудо-матрас тоже отберут.

Мне вообще непонятно, почему нормальные матрасы нельзя выдавать сразу, но если это связано с отсутствием должного финансирования, то почему бы не разрешить покупать дополнительные матрасы за деньги? Мы же все равно за них платим, но не напрямую, а по бартеру. Если посчитать, сколько пачек дорогих сигарет ежемесячно расходуется на «покупку» (или, правильнее сказать, на аренду до первого шмона) комфортного сна, то получится неплохая сумма.

Весной особенно остро понимаешь, что такое казематы. Солнце, хотя и заглядывает в наше окно, все равно не может

пробиться сквозь толстые стены камеры, поэтому в ней очень холодно. В большинстве прогулочных двориков, в которых гуляет Большой Спец, солнце отсутствует вообще. Сегодня я вышел на прогулку в зимней куртке и в теплых ботинках. Старшой, отвечающий за нашу прогулку, предоставил нам сегодня один из самых светлых двориков. Впервые за зиму согрелся. Однако Первой на носу.

04.05.09

Прошло уже больше месяца, как я вернулся на Большой Спец, или, как его еще здесь называют, ОКИ — отдельный корпус изолятора. Сiju напротив своей бывшей камеры № 276, которая с момента моего выезда из нее в конце февраля пустует. Единственным человеком, прилеглим за это время на одну из ее шконок, был посетивший Бутырку Мики Рурк. Вообще странно, что камера, где оборудован душ, прекрасно принимает МТС, и есть много других, нетипичных для Бутырки опций, стоит пустой все это время. Видимо, пока не нашелся спонсор, готовый оплачивать проживание в ней.

Сейчас на ОКИ пустует процентов 20 камер. Их количества вполне достаточно, чтобы переселить арестантов из Малого Спеца в более человеческие условия. По какой причине этого не происходит, я понять не могу.

Не так давно я побывал на свидании с женой. На сборке встретил одного своего знакомого, бизнесмена О., который успел посидеть на нескольких московских централах. Условия везде самые разные — единых правил и порядков не существует, как будто это тюрьмы разных государств и разных культур. Так, в одной из тюрем передать пакет с продуктами (почему-то запрещенными — причем список запретов отличается от бутырских) стоит 2000 руб., телефон — 3000, хороший алкоголь в стекле — от 3000 до 5000 руб. В камере, где сидел мой знакомый, была электроплитка, попавшая туда, естественно, неофициально, так что ребята имели возможность ежедневно готовить себе горячие блюда из продуктов, которые получали от родственников.

В Бутырке с продуктами питания и другими вещами все сложнее и гораздо дороже. Есть, фактически, один постоянный источник получения неофициальных передач — православный храм. Но здесь уже получить всего два пакета с продуктами и бытовыми вещами в месяц стоит 50 000 руб. Можно еще договариваться с баландерами (хозобслуга из осужденных, которые развозят баланду), чтобы они приносили какие-то блюда из офицерской столовой (естественно, не бесплатно), но качество

еды оставляет желать лучшего. Обязательно стоит договориться о получении диеты (это порядка 500 руб. в месяц, или эквивалент в сигаретах), и можно получать творог, яйца, молоко и масло. Непонятно только, почему за эти продукты надо платить, они должны обязательно включаться в рацион питания, а больным людям, которых в тюрьме много, диета должна выдаваться в усиленном режиме. Но на практике проще заплатить.

На примере Бутырской тюрьмы можно увидеть, что покупают за деньги находящиеся здесь бизнесмены и чиновники. Вообще в любой тюрьме самое важное — это нормальное питание и бытовые условия. Поэтому в первую очередь в тюрьму заносятся продукты. Через официальную передачу нельзя получить, к примеру, мюсли, рыбу, варенье, любое печенье с начинкой и многое другое. Алкоголем народ не злоупотребляет, в основном стараясь получить его к своему дню рождения. Моя жена передавала мне по налаженному каналу котлеты, приготовленный рис и другие вполне безобидные продукты, которые непонятно почему запрещены официально.

Второе, что очень важно, это бытовые предметы, которые тоже официально передавать нельзя — несмотря на наличие соответствующих разрешений или отсутствие запретов в соответствующих законах и подзаконных актах: постельное белье, одеяла, машинки для стрижки волос, клеенки на стол, ершики для туалета и многое, многое другое. Практически все нужное и ценное, что есть в камере, — пожалуй, за исключением тазов — зашло сюда с воли неофициально. Парадокс: передавать нельзя, а иметь можно.

В-третьих, телефонная связь. Многие бизнесмены, с кем я общался, имеют на руках разрешения судов на право общения со своими семьями. Надо понимать, что из тюрьмы вообще сложно решать какие-то серьезные вопросы, поэтому для многих важна связь с семьей, с детьми. Несмотря на разрешения, руководство тюрьмы заявляет об отсутствии технической возможности связи, что, конечно, звучит смешно. Городские телефоны в Бутырке работают исправно, я проверял лично. Во время свиданий (а разговоры идут по двум телефонным трубкам) все прослушивается, стало быть, соответствующая аппаратура в тюрьме есть.

Уверен, что сложности, которые возникают у арестантов при реализации их прав, вытекают из желания отдельных людей в погонах сделать из государственного учреждения свою собственную лавочку. Не зря же начальника тюрьмы называют «хозяин». Если бы все было по закону, на чем же тогда можно было заработать? А так — помогаешь, к примеру, занести

бесобидные котлеты или одеяло — это же не наркотики — и ты уже в плюсе.

Бизнесмены, сидящие в Бутырке, стараются в основном попасть на Большой Спец, где проще наладить нормальные бытовые условия: душ, горячую воду. Небольшой размер камеры позволяет, предварительно договорившись со «своим оперативником», который занимается переводом из камеры в камеру, самому подобрать себе приятных сокамерников. Однако есть и такие бизнесмены, их меньшинство, которые предпочитают сидеть в общих камерах. Плюс в этом один: наличие постоянной телефонной связи. Спрятать телефон в большой камере значительно проще, чем в четырехместной. Минусов гораздо больше: в общей камере почти все курят, и, соответственно, в таком помещении заниматься спортом не будет возможности — совсем нет воздуха. В общей камере с ее неоднородным составом нет возможности пользоваться горячей водой. У одного моего знакомого, Д., который договорился включить воду в общей камере, она продержалась менее недели — сдал кто-то из своих. Общую камеру невозможно поддерживать в чистоте, в отличие от камеры небольшой. Большинству людей в общих камерах неинтересны ни книги, ни газеты, поэтому приходится много общаться — почитать все равно не дадут. Я лично в общей камере узнал для себя много нового: начиная от разных способов угона автомобилей и заканчивая видами и принципами действия современных взрывных устройств. Не скажу, что мне было интересно беседовать об этом, но из общей камеры никуда не выйдешь; если рядом с тобой общаются люди, ты автоматически становишься участником общей беседы.

Надо только иметь в виду, что, создавая себе приемлемые бытовые условия и начиная за это платить, можно вызвать у людей в погонах желание получать с тебя все больше и больше, и таких эпизодов я знаю немало. Приемлемых варианта поведения два: во-первых, если принимаешь решение платить, надо подобрать компанию людей, готовых быть в доле. У каждого свои контакты, своя информация. Развести несколько человек гораздо сложнее, чем одного. Ну, и потом, согласованные действия в тюрьме — это сила. Проверено. Во-вторых, не платить совсем, — никому, ни копейки — но при этом нужно быть готовым к разным сюрпризам.

Подробнее — см. Приложение 1

18.05.09

Две недели пролетели довольно быстро. В праздники в тюрьме всегда меньше начальства и проверяющих, так что я

получил утреннюю порцию творога и молока, спасибо ребятам-баландерам. Вчера мой сокамерник уехал на этап и я, к своему удивлению, остался в камере один. Много раз слышал ото всех встреченных здесь мною официальных лиц, что одного арестанта в камере оставлять не могут, одного гулять не выводят и т. д. Но, тем не менее, я пока один. После почти года вынужденного нахождения в коллективе одиночество воспринимается как подарок, возможность больше почитать и что-то обдумать. Посмотрим, что будет дальше.

Сегодня утром в тюремном храме проходила большая пасхальная служба. Дело в том, что священник приезжает в тюремный храм в свободное от основной работы время, так что церковные праздники и служба совпадают далеко не всегда. Нас было в храме человек 25, что много. Правда, в основном все были из ОКИ, и только двое из общих камер — мой знакомый бизнесмен А. и его сокамерник. Служба закончилась крестным ходом под звон колоколов. Ребята, сидящие в общих камерах, окна которых выходят во внутренний двор тюрьмы, где стоит храм, прильнули к окнам. В Бутырке попасть в храм очень сложно. Нужно настойчиво писать не один месяц во все инстанции — или заплатить. Правда, для меня сегодня сделали приятное исключение — бонус.

25.05.09

В четырехместной камере одному удалось посидеть недолго, всего 5 дней. В конце прошлой недели меня перевели в соседнюю камеру. Так что составить полное представление, что такое одиночка, я за это время не смог.

Первое, что мне пришлось делать в моей новой камере, это налаживать быт. Все, как обычно, — это уже пятая камера, в благоустройстве которой я принимаю непосредственное участие.

Мои новые сокамерники — интересные ребята. Один разбойник, которого задерживали в центральной части Москвы с погоней и выстрелами. До того как стать разбойником, он работал в компании у одного известного московского бизнесмена, работал не один год. Рассказ о бизнесе этого человека, контролирующего известные московские рынки, был поинтереснее рассказов о разбойничьей жизни. Я почерпнул для себя много новой информации, о которой не пишут в газетах: например, подробно узнал о некоторых теневых сторонах «бизнеса», с позволения сказать. Человек в открытую занимается оптовой торговлей наркотиками — и ничего, лучший друг Лужкова.

Второй мой сокамерник — тоже интересный малый, шесть

лет служил в Афгане снайпером, белорус, сейчас ему 52 года. Он плиточный мастер, с бригадой отделявал «Шереметьево-3». Там работают турки, которые на субподряд нанимают гастарбайтеров из СНГ. Полгода им не платили зарплату, мужики начали голодать. Продали радиаторы. На выносе их и взяли.

Сегодня в нашей камере прошел обыск. Его проводил лично замначальника тюрьмы по режиму — как я понял, это была реакция на начало публикации моего бутырского дневника, как раз неделя прошла (жена сказала, что первую часть опубликовали 18 мая). У меня не было ничего запрещенного. В результате у меня отобрали телевизор и теплое «вольное» одеяло, мотивируя это тем, что государство обо мне в состоянии позаботиться, и выдали тонкое местное. Хотя действия администрации напрямую противоречили пункту 12 статьи 17 ФЗ № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Я даже мысленно поблагодарил офицеров, что изъяли одеяло не в ходе многочисленных обысков этой зимой, а сейчас, когда спать под теплым одеялом стало жарко. Свое местное одеяло я уже давно кому-то подарил.

То, что обыск был необычный, говорили и сами офицеры, когда их начальник удалился. Меня спросили: «Что Вы натворили?» Действительно, было чему удивляться: обыск проводили старшие офицеры, и их было как никогда много. Так что я еще раз убедился в правильности своих действий.

01.06.09

Прошедшая неделя была по-настоящему интересной. В четверг ко мне на свидание приходила жена, и я в ожидании встречи разговорился на сборке со своим знакомым, который является смотрящим за одной из общих камер, окнами выходящей во внутренний двор тюрьмы. Он рассказал мне, что видел в окно крестный ход и меня. Спросил, сколько я заплатил, чтобы попасть на праздничную службу. Я ответил, что ничего. Его это удивило, поскольку с него, как я и предполагал, хотели получить за выход в храм хорошую сумму. Стоит констатировать, что дверь в храм на Бутырке открывается в основном денежными купюрами.

Во время свидания жена спросила меня, есть ли какая-нибудь реакция на публикацию в интернете моего дневника. Я ответил, что не почувствовал серьезных изменений, — ну, кроме идиотских выпадов против телевизора и одеяла. Стоило мне только вернуться обратно в камеру, как за мной пришел сотрудник оперчасти тюрьмы и привел меня в отдельное здание оперчасти. В кабинете меня ждал один из руководящих

сотрудников Управления ФСИН по г. Москве, который, как я понял с его слов, уже прочитал мои опубликованные записки на Slon.ru. Этот человек стал задавать мне вопросы, из которых я понял, что он и его руководство хочет реально разобраться во всех непристойных фактах, изложенных в публикации. Причем по тому, как эти вопросы задавались, чувствовалось, что он делает это не для отписки, а для установления истины и виновных в безобразиях.

Сразу после моего возвращения в камеру старшой сказал мне собрать вещи и быть готовым к переезду на Малый Спец. Таким образом руководство Бутырки продемонстрировало свою реакцию на начавшееся разбирательство.

Судя по всему, переезд для меня должен был послужить наказанием по нескольким причинам. Во-первых, Малый Спец, как я уже рассказывал раньше, место не самое приятное, во-вторых, сам процесс переезда мог у меня отнять достаточно много сил и времени. У нас в камере не так давно прошел обыск, поэтому руководство тюрьмы, безусловно, было в курсе того количества вещей, книг и продуктов, которые мне предстояло бы перенести в одиночку на противоположный конец тюрьмы, да еще и в полуподвальное помещение. Однако мне удалось процесс переезда сделать максимально комфортным. Я попросил старшого пригласить мне в помощь ребят из хоз-отряда. Хозбандиты, как мы их здесь называем, так же зная о количестве моих вещей (так как в последнее время мои перемещения по тюрьме участились), прихватили с собой тележку, на которой в тюрьме развозят передачи. Ребята погрузили все мои вещи на нее и перевезли до моей новой камеры. Я, естественно, их отблагодарил: старшой и баландеры получили по пачке «Парламента».

Малый Спец встретил меня неприветливо. Старшой в течение минут десяти не мог открыть замок камеры, в результате ему пришлось пригласить хозбандита, владеющего навыками по отпираанию любых замков. Я подумал: хорошо, что нештатная ситуация случилась не при пожаре или другом стихийном бедствии, а в обычной ситуации.

Моими новыми сокамерниками оказались местные нарушители. Один сокамерник, грузин, был посажен сюда, чтобы изолировать его от активного «движения». Он по образу жизни бродяга, стремящийся стать вором, очень приятный парень, но очень активный (см. Приложение 2). Это может создать местному руководству проблемы в управлении тюрьмой. Второй мой сокамерник — разбойник, был переведен сюда из общей камеры, где был автором уникальной технологии и изготовителем спирта

в тюремных условиях. Третий мой сокамерник — его помощник в изготовлении алкоголесодержащей продукции в промышленных масштабах. В общем, коллектив веселый и хороший.

Гоги — так буду называть грузинского сокамерника — поинтересовался у меня причинами моего переезда на Малый Спец. Я вкратце рассказал. Он поддержал меня. Я спросил его, почему он не обращает внимания на многие известные ему факты неправовых и незаконных действий администрации. Он ответил, что для его образа жизни это неприемлемо, у него свои методы борьбы. А если мне понадобится помощь в чем-то — чтобы я к нему обращался.

Я воспользовался случаем и записал рецепт изготовления качественного спирта в тюремных условиях. К сожалению, попробовать его на практике, несмотря на наличие у нас в камере 15 кг сахара, не получится, так как камера небольшая и прятать технологическую цепочку нигде. Для изготовления качественного продукта требуется 5–7 суток, так что это возможно только в больших общих камерах.

С момента моего пребывания на МС в прошлом году произошли небольшие изменения. Потолок и стены покрасили в приятные глазу светлые цвета. И, как выяснилось, плюсов от моего переезда на МС несколько. Во-первых, в нашей камере есть «дорога», а в одной из камер над нами сидит мой товарищ с телефоном. Стало быть, я опять могу, пусть и не напрямую, оперативно общаться с волей. Во-вторых, в жаркую погоду в нашей камере очень хорошо, поскольку мы находимся в полуподвале. В-третьих, нас выводят гулять в большие прогулочные дворики, так что одной статьей расходов (сигареты) меньше. Конечно, бытовые условия здесь хуже, душ в камере технологически установить невозможно, а мусор вывозят два раза в неделю, а не ежедневно, как на Большом Спецу. Но, с другой стороны, в прошлом году мусор вывозили один раз в неделю, так что какой-то прогресс виден, не особо, впрочем, приближающий условия содержания к человеческим.

На этой неделе я впервые в жизни увидел крысу. Она вылезла из дальняка и не была убита только по причине того, что мусор вывозят редко, — она разложилась бы в камере. Закрыли дальняк бутылкой с водой, крыса вновь попыталась к нам проникнуть, но сил ей не хватило, так что мы в безопасности.

Шконки в камере рассчитаны на людей ростом не выше 170 см, и металла в каждой килограмм по 150, не меньше. Ну, ничего, придется крепануться, главное, коллектив приятный; много играю в шахматы.

Еще раз встречался с людьми из Управления, рассказал им,

как отреагировали местные руководители на наше общение. Мне предложили переехать на любой другой московский Централ, я поблагодарил за дельное предложение, но отказался, так как с арестантами здесь у меня сложились нормальные отношения, а все сложности и проблемы связаны исключительно с администрацией. Меня спросили: какова причина, побудившая рассказать о событиях в Бутырке публично? Может быть, это направленная против кого-то акция? Я попытался объяснить, что корни происходящего не имеют к ФСИНу непосредственного отношения. На примере Бутырской тюрьмы — я уже не говорю о примере моего уголовного дела — я вижу, что какими бы несовершенными ни были наши законы, но прежде чем их гуманизировать и совершенствовать, нужно хотя бы соблюдать имеющиеся.

Сейчас не война, нет чрезвычайной ситуации, чтобы оправдать повальные аресты бизнесменов и содержание под стражей любой ценой, как это сегодня происходит. Хотите арестовывать — вопросов нет, обеспечьте соответствующие своему же закону условия, а если не можете, — к примеру, денег нет — избирайте другую меру пресечения: залоги, поручительства, домашний арест. Тем более, технические средства для этого имеются.

Я в конце апреля прочитал в «Ведомостях» интервью с депутатом Госдумы Груздевым, который рассказал о законопроекте, предусматривающем зачет одного дня пребывания в СИЗО за 2 или за 3 дня, в зависимости от тяжести преступления. Хороший, честный законопроект, компенсирующий заключенным многие тяготы, которые они нести не должны. Непонятны только два момента: во-первых, почему этот законопроект до сих пор не стал законом. Во-вторых, в законопроекте идет речь о том, что компенсируется только время, проведенное в СИЗО до суда. Мне представляется это несправедливым, так как от того, что заключенный стал ездить на суд, условия его содержания лучшими не становятся. Тем более, мне известны истории, когда человек судится гораздо дольше, чем сидит под следствием, и не по своей вине, а потому, что суд назначает по одному заседанию в месяц. Кто компенсирует этому человеку нерадивость суда?

06.06.09

Несколько дней назад меня вызывал к себе один из местных руководителей. Сделал он это грамотно, дождавшись, когда ко мне перестанут приезжать сотрудники Управления. Начальник дал мне неделю на то, чтобы мой дневник был удален из интернета. В противном случае он пообещал создать мне

максимум проблем. Я воспользовался этим визитом, чтобы выяснить судьбу своего телевизора, который был вынесен из моей камеры сотрудником службы режима. Мне ответили, что телевизор потерян. Надеюсь, что арестанты здесь так же бесследно не пропадают.

Вчера ко мне подошел хорошо знакомый мне офицер и спросил, не жалею ли я, что все это опубликовали. Я ответил — никоим образом. «Все правильно, — сказал он, — это все правда». Предельно внимательными к нашей камере стали и доктора: у Гоги при задержании отбили почки, так новый доктор постоянно выдает ему лекарства и делает уколы. Гоги благодарит меня, говорит, что такое отношение связано с тем, что я сижу в этой камере.

Подробнее см. Приложение 3

10.06.09

Сегодня Мосгорсуд рассмотрел мою кассационную жалобу (см. об этом же пост жены). Суд оставил удручающее впечатление, хотя, конечно, никаких иллюзий у меня не было. Но я думал, что хотя бы по форме суд будет придерживаться норм приличия. К большому сожалению, судьи не дали мне высказаться: в какой-то момент просто отключили связь (на суд меня не возили, в Мосгорсуд вообще редко возят — связь была по видеоконференции). Судьи не захотели ни увидеть, ни услышать, что единственным доказательством в моем деле является ксерокопия с подписью, экспертизы которой никто не проводил, — потому что невозможно провести экспертизу ксерокопии.

Судей было трое. Им хватило пяти минут, чтобы разобраться в моих 19-ти томах экономического дела. Интересно, сколько времени уходило у троек в 30-е годы на вынесение «абсолютно легитимных» приговоров? Какими бы хорошими ни были законы и даже отдельные граждане, их соблюдающие, но во многих наших согражданах засела генетическая, ничем не оправданная жестокость — наследие XX века. Кто понес наказание за то, что творилось с народом — несколько человек, расстрелянных вместе с Берией в 1953 году. А как же те, кто выносил приговоры, писал доносы и приводил приговоры в исполнение? Многие из них еще живы и здоровы, получают пенсии и учат своих внуков и правнуков быть беспощадными. Их не судили даже тогда, когда об этих преступлениях много говорили в конце 80-х годов. Пытались осудить Пиночета, нашли и выслали Демьянюка, а наши-то что?

18.06.09

Большая часть недели прошла относительно спокойно. Тюремные будни. Перед свиданием с женой встретил одного своего знакомого, с которым сидел в одной камере в марте, — бывшего чиновника, отставного и заслуженного военного, прошедшего горячие точки, я писал про него несколько строк. Он, оказывается, прочитал мой дневник, и спросил: «Зачем я передал его высказывания, ведь получается, что он порочит власть». Я удивился и спросил: разве это не его слова? Но увидел перед собой человека, который боится собственной тени. Перед чем он испытывает такой страх? Он уже сидит, и суд не сделал скидки ни на один день за его реальные боевые заслуги, умножив их на ноль. При этом он не организатор группы (как я, например, хотя сижу один и не со всеми своими подельниками знаком), преступление его не закончено (так в приговоре и сказано — покушался на совершение преступления, причем экономического), а срок ему дали такой же, как и мне. Его с потрохами сдали свои же, чиновники, поставили на нем крест и забыли, а он боится себе в этом признаться. Таких людей жаль.

Ближе к концу недели в нашей камере практически полностью поменялся состав. А сегодня, видимо, по истечении отведенного мне срока для удаления из интернета дневника в камере прошел достаточно жесткий обыск. Уже стало хорошей традицией последних недель, что обыск проходит с личным участием замначальника тюрьмы по режиму подполковника Дерюгина (прим. жены: муж называет его Дерюгиным, хотя я пыталась попасть к нему на прием, на двери он обозначен как подполковник Дюрягин — но не изволил принимать в приемные часы). Он, в очередной раз пролистывая мои записи, отложил в сторону тетрадку, в которой я вел свой дневник, и уведомил меня, что унесет ее с собой, почитать. Я обратил его внимание на то, что согласно пункту 6 статьи 17 ФЗ № 103 я имею право «хранить при себе документы и записи, относящиеся к уголовному делу, либо касающиеся вопросов реализации своих прав и законных интересов, за исключением документов и записей, которые могут быть использованы в противоправных целях, или которые содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну». В моих записях не содержится планов тюрьмы, указаний возможным подельникам, а также государственных или иных охраняемых законом тайн. Господин Дерюгин дал мне слово офицера, что поскольку он отвечает за режим, и будет знать, когда я отбуду на этап, то вернет мне мои записи в обязательном порядке. Я не стал особо упорствовать, понимая, что при желании тетрадь могут

отобрать под каким-то другим предлогом, тем более что я вел черновой конспект записей в другой тетради. В тюрьме надо хеджироваться во всем.

Забегая вперед, скажу, что такие «офицеры», как мой следователь, например, полковник МВД Виноградова, или как подполковник Дерюгин и другие, встреченные мною за последнее время, нося погоны, дискредитируют громкое звание офицера, за право носить которое отдали жизни многие достойные представители моей Родины.

Естественно, мне никто ничего не отдал. Для этих людей «слово офицера» — пустейший звук.

23.06.09

Обыск был началом наших приключений. После обыска нас в камере стало 5 человек. Один — местный старожил, который сидит на Центrale так же, как и я, почти год, очень приятный парень из Дагестана. Он приехал к нам из Большого Спеца, где сидел в «котловой хате», — иными словами, в камере, где держат местный общак. Их за слишком бурную деятельность раскидали в разные камеры на Малом Спецу. Трое других наших сокамерников провели на Бутырке около недели. Один из них, мой тезка, представитель редкого цыганского рода — лавари. Преинтереснейший тип.

На следующий после обыска день, 19.06, старшой приказал всю камеру с вещами, то есть предупредил, чтобы мы собирались и были готовы к переезду в другую камеру в течение 2 часов. Он сказал с большим сарказмом, что для нас готовится особая камера, из чего я сделал вывод, что ничего хорошего ждать не следует.

Когда вещи были собраны, и прошло часов пять, старшой подошел к нам и предупредил, что переезд переносится на завтра, — распаковывайте вещи. Сама по себе процедура упаковывания-распаковывания вещей целой камеры весьма трудоемкая, отнимающая много времени. Мы решили, что над нами просто хотят поиздеваться, завесили шнифт простыней, чтобы камеры не было видно из глазка, и сели пить чай. Через какое-то время, как мы и предполагали, старшой подошел вновь и на этот раз дал нам 15 минут на сбор вещей. К его удивлению, мы были собраны, номер не прошел. Перевели нас в соседнюю камеру, № 40.

Она была рассчитана на четырех человек, а нас было пятеро. Я сразу же обратил на это внимание, и пока мы делали несколько ходок за вещами, я имел возможность пообщаться со старшим. Я сказал ему, что нехватки мест в тюрьме нет, поэтому решение

переселить нас в 4-местную камеру незаконно. Более того, новая камера не соответствовала никаким санитарным нормам: на пол — видимо, за несколько часов до нашего переезда — накидали и размазали, как масло по хлебу, свежий цемент. Раковина сильно текла, то есть вода просто уходила не в водопровод, а на пол. Старшой спросил меня — означают ли мои замечания, что я не подчиняюсь. Видимо, это и был основной мотив администрации — провокация неподчинения. За неподчинение можно автоматически получить 15 суток карцера, что в мои планы не входило, и что особенно нежелательно при отъезде на этап: это единственное взыскание, которое может негативно сказаться на начальном этапе пребывания в лагере.

Я ответил, что подчиняюсь любому решению, но ставлю в курс, что при свидетелях обратил внимание на незаконность действий, а исполнение незаконных приказов есть уже нарушение законов со стороны старшого. Я отметил еще, что наступающие выходные не являются препятствием для перевода нас либо по разным камерам, либо в другую камеру большего размера, тем более что в тюрьме всегда есть дежурный оперативник, который и решает все вопросы. Старшой сказал, что лично он все прекрасно понимает, но ему отдали такой приказ, и я должен знать, кто, — начальник тюрьмы. А еще он сообщил мне доверительно, что пока я буду в Бутырской тюрьме, у меня постоянно будут проблемы. Нового он мне этим ничего не открыл. Тем не менее, я объяснил ему, что непосредственное начальство его просто подставляет, и посоветовал все сделать по закону. Он обещал, что утром (а все происходило в 11 вечера) он пригласит дежурного оперативника и поставит его в известность.

Эта камера оказалась самой маленькой из всех четырехместных камер, в которых мне приходилось бывать здесь. Штукатурка темно-коричневая, вся осыпается, и сквозь нее, над дверным проемом, проступает православный крест, судя по всему, выведенный здесь кем-то еще в сталинские времена. Сама камера не просто грязная, а очень грязная. Мыть полы при сыром цементе — вещь невозможная, поэтому оченьгодились газеты, которые я все это время не выкидывал, а складывал в отдельную стопку. В результате мы застелили пол газетами в несколько рядов, газеты же постелили и в основание матрасов на шконки, чтобы не испачкать цементной пылью и матрасы, и постельное белье.

Стол в камере напоминает о школьных годах, когда старшекласники салятся за парты первоклашек. Я лично за стол никак не поместился. Обнаружил на дверях стандартную тюремную надпись: «Не подходить к дверям ближе, чем на 2

метра». Надпись рассмешила: дело в том, что моя шконка начиналась сантиметрах в 20 от тормозов (двери) и упиралась в стол. При этом длина шконки — не более полутора метров. То есть, согласно этой инструкции, вставать со шконки, а также сидеть за столом, было запрещено — так как это менее 2 метров.

Вообще, трудности сплачивают коллектив, ребята прекрасно поняли, что все эти неприятности выпали на нас из-за отношения ко мне. При этом они меня поддерживали. Мои сокамерники приготовили свежий чифирь и мы выпили его, как полагается, из одной кружки, сопровождая каждый глоток отзывами в адрес местной администрации. Перед отходом ко сну мы определили, кто из нас не будет спать до утра.

Утром, действительно, пришел дежурный оперативник, а после обеда мы уже вчетвером переехали в новую камеру № 61. Наш пятый сокамерник переехал в другую камеру. Номер 61 оказалась четырехместная, небольшая, но с новым ремонтом. И там — самые длинные и удобные шконки в тюрьме, это первые кровати на Бутырке, на которых можно спать комфортно. Окно в нашей камере, как практически везде на Бутырке, расположено достаточно высоко, поэтому я занял верхнюю шконку, вплотную прилегающую к окну, чтобы было удобнее читать. Вид из окна порадовал: он был во внутренний дворик тюрьмы, и прямо на меня смотрела колокольня с позолоченным куполом (см. Приложение 4), вдоль дорожек разбит газон, а вечером включались фонари. Этот вид из окна, пожалуй, лучший в тюрьме. Из-за близости храма и приятного вида из окна я назвал этот уголок Бутырки Остоженкой.

С другой стороны, из-за расположения с этой камерой невозможно было наладить «дорогу». Это означает, что нас «заморозили».

Несмотря на приличные бытовые условия, у меня не было сомнений, что приключения только начинаются.

Сегодня ко мне подошел воспитатель и ознакомил меня с приказом начальника СИЗО В. Комнова об объявлении мне выговора. Так как этот воспитатель знал меня хорошо, то он дал мне ознакомиться и с документом, который стал основанием для вынесения взыскания. Это был рапорт старшего по фамилии Седунов о том, что я после отбоя перекрикивался с арестантами из соседних камер (прим. жены: несмотря на «заморозку», я знала о событиях практически день в день — см. пост). Выговор был объявлен мне с нарушением ст. 39 ФЗ № 103, где, в частности, говорится: «До наложения взыскания у подозреваемого или обвиняемого берется письменное объяснение... В случае отказа от дачи объяснения об этом составляется соответствующий акт».

Естественно, никто не подходил брать у меня никаких объяснений, более того, эти нехорошие люди даже поленились составить «соответствующий акт». Я поставил свою подпись, что с приказом ознакомлен, и сразу же сел писать жалобу на действия администрации СИЗО в прокуратуру г. Москвы в соответствии с той же ст. 39 ФЗ № 103. Забегая вперед, отмечу, что до момента отъезда из Бутырки на этап я не получил из спецчасти исходящего номера своей жалобы, что может говорить только об одном: ее никто никуда не отправлял (прим. жены: спустя полтора месяца я пыталась найти в Бутырке следы этой жалобы моего мужа, оставляла заявления — мне никто даже не ответил).

Сразу же после этих событий нас вывели на прогулку. Старшой, открывший камеру, сказал мне: «Тебя отправят на подводную лодку (одно из названий карцера или кичи), еще один рапорт — и поедешь». Я спросил этого старшого: «Ты будешь писать?». Он ответил: «Я — нет. Но всегда найдется тот, кто напишет».

30.06.09

Прошедшая неделя была богата на события разного рода. На следующий день после объявления мне выговора новый старшой спросил меня — я ли автор текста, появившегося в интернете. Я ответил — да, я. «Молодец, — сказал он, — правильно все написал, держись!». Было приятно услышать это от человека в погонах, а, главное, как минимум еще один старшой не будет писать на меня всякий бред.

На проверке я спросил у медика, могу ли я попасть на прием к стоматологу, а если да, то на чье имя писать заявление. Он ответил, что стоматолог меня примет завтра, никаких заявлений писать не нужно, а мою фамилию все в Бутырке и так знают. Ну что же — очень приятна и неожиданна такая отзывчивость.

Стоматолог принял меня на следующий день и поставил мне пломбу. Кабинет стоматолога оборудован современной техникой, отношение — как к обычному пациенту, уважительное. Могу констатировать: медицинская часть за последние два месяца изменилась до неузнаваемости. Впрочем, мне жена передавала, что после публикации кого-то там по медицинской части посадили. А медик, мужчина, который последние два месяца приходил к нам на ежедневные проверки (к сожалению, забыл его имя), был отзывчив на просьбы о медицинской помощи и выдавал все необходимые моим сокамерникам препараты (естественно, в рамках финансовых возможностей Бутырки).

В пятницу я вне графика был назначен дежурным. Это очень плохой знак, так как в случае обнаружения в камере запрещенных

предметов ответственность несет дежурный. Внеплановое дежурство означает только одно: сегодня будет обыск. Он начался сразу после проверки, и на этот раз замначальника тюрьмы в нем участия не принимал. Офицер, проводивший обыск, был разговорчив. Дело в том, что все арестанты, кроме дежурного, выводятся из камеры, а дежурный отвечает на все вопросы, ну и вообще, отвечает за все. Проводивший обыск сотрудник поинтересовался: за что я, собственно, сижу. Я в двух предложениях обрисовал картину. Он резюмировал: как я понимаю, говорит, ст. 159 часть 4 — это как раньше за торговлю валютой?

В конце обыска он отметил: эта первая камера, где я не нахожу никаких запретов, нет даже заточки, а чем вы продукты режете? Я ответил, что согласно соответствующей инструкции, старшой нам ежедневно выдает нож под роспись. Чего, кстати, не знают и многие бывалые зеки — обязаны выдавать, и заточки не надо.

Выходные были спокойные. Я с моим сокамерником, дагестанцем, практиковался на прогулке в приемах вольной борьбы, которыми он отлично владеет.

В понедельник ко мне пришел адвокат. При выходе из камеры старшой, который отводит к адвокату, должен по инструкции провести досмотр вещей и документов, которые заключенный берет с собой. Старшой прекрасно знал содержание моей папки, которую я всегда беру с собой, однако на этот раз он решил чуть ли не рентгеном просветить каждую бумажку. Документов много, мы стояли долго. Проходивший в это время мимо старший офицер сказал старшому: «Чего ты его обыскиваешь, у него ж все в голове».

Поднявшись к адвокату, я подробно рассказал ему о вынесенном мне выговоре и попросил его проверить поступление от меня жалобы в прокуратуру. А во время прогулки, в тот же день, ко мне подошел сотрудник режима и показал мне еще один рапорт еще одного старшого о том, что я в нарушении внутреннего распорядка в 21.10 спал на своей шконке. Поскольку отбой по распорядку в 22.00, то это нарушение.

Я попросил сотрудника режима подойти к камере, чтобы забрать у меня объяснение, сразу после прогулки. Я хотел, чтобы он видел все своими глазами. Дело в том, что старшой, писавший рапорт, не мог вообще видеть меня, поскольку моя шконка из шнифта не просматривается. Даже не видно, есть я в камере или нет. Это стало возможным потому, что в нашей камере — по правилам — санузел должен быть отделен перегородкой от остального пространства, но это не всегда бывает. И сами

заключенные сооружают кабинки из сшитых между собой простыней, которые крепят на самодельные веревки, а их уже крепят к стенам камеры с помощью клея, сделанного из хлеба и сахара. Старшие закрывают глаза на эту самодеятельность, понимая, что в маленьких камерах — таких, как наша — невозможно построить нормальную перегородку между санузелом и остальной камерой. То есть имеющаяся перегородка-простыня загораживает для старшего обзор как раз той части камеры, где находится моя шконка, — и проверить это просто, достаточно заглянуть в глазок.

Тем не менее объяснение я написал, выговор мне все равно объявили, а мои жалобы в прокуратуру, судя по всему, просто никто не отправляет.

04.07.09

Только что к нашей камере подходил старшой и сообщил, что через несколько часов меня заберут на этап. Так что Бутырская эпопея подходит к концу. Насколько я знаю, вчера в очередной раз в Бутырку приходила жена, ей отказали в свидании, сказав, что приговор мне еще не пришел. И я, и она, и адвокаты, и все в Бутырке знают, что приговор пришел неделю назад, и ее не могут не пустить, — но не пускают. Да мы и не рассчитывали — на законы здесь все плевать хотели.

Приходила большая проверка (я насчитал пять подполковников), и один из них ловким движением руки нашу шторку, загораживающую санузел, порвал. Мы ее тут же, после ухода проверки, восстановили.

Встретил я и старшого Сергея, который был автором последнего рапорта на меня. Он мне подтвердил: была дана команда — написать, он и написал. «Да, я не видел твоей шконки, — сказал он мне, — но раз ты не за столом, который я вижу, значит, ты спишь, а если ты читаешь, ты должен читать за столом». Я открываю закон и показываю ему абзац: «Камеры СИЗО оборудуются столом и скамейками с числом посадочных мест по количеству лиц, содержащихся в камере». В нашей миниатюрной камере за столик умещаюсь либо я один, либо два небольших человека, а в камере нас четверо, мы и едим-то по очереди. Старшой говорит: «Обращайся к тому, кто тебя посадил, менты сажали, вот пусть они и создают условия, а мне ментовские законы не указ». Я тут переворачиваю закон, который цитировал, обложкой к нему — это приказ Минюста РФ № 189 от 14.10.2005 г. «Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы». Это, говорю, не ментовской закон, а ваш, минюстовский, а ты и

твое начальство и на него плевать хотели.

Плевать на закон в 4 километрах от Кремля, здесь их даже не читает никто. Посмотрим, что будет дальше.

Зов предков

Несколько философских соображений о деньгах, адвокатах, читателях Slop.ru, и пара слов для юноши, обдумывающего жизнь

Дневник жены

Все кому не лень отмечают год кризиса в России, — а лениться вроде многие перестали. У нас с мужем кризис случился на несколько месяцев раньше, и то, что произошло потом в России, нас уже почти не коснулось. И это — большой плюс. Зная бизнес мужа, его несбывшиеся девелоперские и инвестиционные планы, а также его характер, мы оба понимаем, что, наверное, мы бы все потеряли самое позднее к Новому году, и как каждый из нас это бы пережил, неизвестно. Думаю, у нас в отношениях возникли бы серьезные проблемы.

С момента публикации этого дневника не ходила смотреть комментарии — ну, только если друзья и коллеги пересылали что-то интересное, зная, что я комменты не читаю. Не читала из-за трусости, или, скорее, из-за того, что и так негатива хватало. Вот только сейчас выборочно посмотрела, одним глазом, очень аккуратно.

Поразило, в общем, одно — про деньги. Про то, что они у нас были. У кого их не было, нет и не будет — не читайте дальше.

Да, за выкуп мужа из тюрьмы в июле прошлого года генерал-посредник Пал Палыч Ш., как позже выяснилось, известный спец по таким делам, потребовал полтора миллиона долларов — за то, что мужа выпустят, а потом еще полтора — за то, что закроют уголовное дело. Посредника этого привел начальник службы безопасности компании мужа, полковник СВР в отставке. Мне трудно было ему не поверить — наивная была. Собрала меньше этих полутора, предоплату, отдала — теперь твердо знаю, что это обычное дело, так происходит со многими обезумевшими женами, и этого делать ни в коем случае нельзя. Слетаются стервятники, которые на самом деле ничего не решают. Но поразило отношение многих читателей к сумме. Хотела бы остановиться чуть-чуть на этом. В июле прошлого года миллион долларов стоила средняя «трешка» в неплохом районе Москвы. У меня была не средняя «трешка», плюс дача (сейчас нет ничего). Теперь вопрос: вот вы, например, столкнулись с киднеппингом. Или на голову вашему близкому человеку падает кирпич — но вы за деньги можете кирпич остановить. Или вылечить тяжелую болезнь, хотя шансов мало. И цена вопроса — ну, ваша квартира, например. Вы что, не отдадите? За то, что у вас есть один шанс — может, из сотни — что вот отдадите, и все закончится хорошо? Не попытаетесь? Тогда лучше скажите об этом вашим близким прямо сейчас. Да, миллионы людей не имеют никаких дач-квартир, живут себе в съемных, и вы проживете, если вам кажется, что этот шанс есть. Или вы в милицию пойдете жаловаться — на генерала, на сенатора, на следственный комитет? Уж лучше сразу в Кашенко. Мне казалось, что шанс есть. Его, на самом деле, не было. Тюрьма — это болезнь, это кирпич, но, скорее, киднеппинг. Я все равно никогда не пожалею, что попыталась.

Даже если не давать никаких взяток (что невозможно, иначе ваш близкий будет раздавлен, а уж здоровье потеряет точно), не забудьте про расходы на адвокатов. Это адские деньги. В первые часы после ареста мужа я подписала контракт с самыми-самыми лучшими, да еще и с правильными питерскими корнями. За первый месяц их работы мне был выставлен счет — 30 тысяч евро, с небольшим хвостиком. И за второй столько же, и за третий. Надо сказать, что уже к концу первого месяца работы эти адвокаты мне аккуратно начали говорить, что угроза заказчика, сенатора — посадить мужа на 8 лет — вполне реальна. Я не

верила — хотя бы потому, что дело чисто арбитражное, что у жены сенатора, которая писала заявление на моего мужа, нет и не могло быть никаких документов, подтверждающих ее права на спорные акции, к тому же вся история перехода собственности хранится в уважаемом депозитарии. Адвокаты тактично и очень терпеливо два месяца объясняли мне, что это ничего не значит. Что я зря трачу огромные деньги, которые мне еще пригодятся. В итоге они познакомили меня, почти насильно, с другими адвокатами, куда более бюджетными, и очень, очень толковыми. Все равно это дорого. Это в два раза больше моей зарплаты, весьма приличной даже по докризисным временам. А еще надо кормить мужа в тюрьме и содержать семью.

Всем адвокатам я рассказывала про взятку. Они выспрашивали подробности и говорили — зря. В том смысле, что надо было дать не этому, и не так, и не тогда. Но теперь чего уж.

Что удалось получить за деньги, потраченные на адвокатов:

1. Год жизни. Мосгорсуд, не изменив приговор, изменил срок, снизил на год. Теперь не 8, а 7 лет.

2. Адвокаты собрали все документы о невиновности мужа и о фабрикации дела следствием. Сейчас все это никого не интересует. Но я верю, что рано или поздно они пригодятся.

3. Впереди Верховный суд, впереди Страсбург. Мы приготовились к последующим этапам.

...Уже год мы вместе с банком пытаемся продать заложенную недвижимость — пока не получается. Банк попал вместе со мной. Я очень сочувствую банку и стараюсь изо всех сил найти покупателя; проценты по кредиту платила первые два месяца, потом все стало понятно — и мне, и банку: наступил сентябрь-2008. Сейчас вроде покупатели оживились. Может, расплачусь с банком: мы за этот год успели несколько раз посудиться (добавьте к гонорарам уголовных адвокатов и адвоката гражданского), договорились (спасибо адвокату, на хороших условиях), подписали «информационные письма», что я нахожу покупателя (добавьте риэлтора), а покупатель расплачивается с банком (добавьте содержание дома на Рублевке, он ведь заложен, то есть платежи мои). Хвала банку — оказался вменяемым. Средний банчок, очень плохо пережил кризис, так что понимание было достигнуто. А мы с мужем быстро достигли понимания, что больше никогда не будем обзаводиться собственностью в России — никакой. В особенности заводами, их акциями, или домами на Рублевке — этого больше нет, и не надо этого больше никогда. Гиблое место.

Про людей и физкультурников

Вот, кстати, прекрасный итог минувших полутора лет. Мне очень жаль, что я не верю в бога, и, как я ни старалась, до сих пор искренне не получается — а вот муж поверил. И благодарен ему, что тот прервал его прошлую жизнь, безумный разгул и потребительскую булимию. И дал ему возможность понять и осознать многие важные вещи. И дал ему время почитать Лескова, Достоевского, Гете — и Библию, конечно. А до тюрьмы детективы читал. Теперь еще мечтает о Прадо, Уффици и д'Орсэ. А до тюрьмы он как минимум четыре раза в год ездил в куршавелишамани-ишгли. Чертовы пафосные физкультурники.

Друзей с Рублевки у нас больше нет. И это тоже прекрасный итог полутора лет. Ведь можно же было прожить жизнь вместе с ними, рядом с ними, и не знать, что никакие это не друзья. Впрочем, вру: нам сильно помогал и помогает один наш сосед (ну, бывший уже). Думали — сосед, а оказалось — друг. Жаль, что мы никогда уже не сможем приехать к нему в гости: невозможно видеть дом напротив, который мы строили с прицелом на то, что здесь будут жить наши прапраправнуки, и они будут целоваться под деревьями, которые посадили мы.

Потеря тех, кого считал друзьями, — это хорошо. Счастье — находить друзей в людях, которых считал приятелями. И это тоже есть. Через Slon.ru нас с мужем разыскал его однокурсник, много лет назад они вместе учились в университете в США. Он гражданин Украины, успешный финансист, долго работал в Латинской Америке. Я помогла ему связаться с мужем, тот был потрясен и несказанно счастлив: говорит, что Л. (однокурсник) взял над ним своеобразное шефство, снабжает его всеми последними финансовыми исследованиями, каждый день высылает ему на подпольный телефон свежую информацию, рвется сам приехать. С сегодняшнего дня это можно устроить: муж получил в колонии «зеленую бирку», то есть облегченный режим содержания, и теперь ему в два раза чаще можно пересылать официальные посылки и ездить на свидания. Мы с Л. уже договорились, когда мы поедем вместе. Я совсем не знаю Л.: видела его один раз мельком после свадьбы. Как же мы бываем близоруки. Или дальнорорки.

А еще муж получил письмо от одного читателя Slon. ru. Это молодой, пытливый и сообразительный парень из Сибири, компьютерщик, он в несколько ходов разыскал мою почту, и я дала ему адрес зоны. И рассказала, что муж, по моим ощущениям, не очень-то верит в то, что существует Slon.ru, и что здесь

действительно есть его — наш общий — блог, и что его читают. Когда в течение полутора лет не видишь ничего, кроме решетки и «Первого канала», начинаешь, наверное, все более сомневаться в существовании разумной жизни. Владимир — так зовут этого парня — написал и отправил мужу заказное письмо. Так муж его неделю читал мне по телефону каждый вечер: советовался, как лучше отправить ответ, волновался, разберет ли Владимир его корявый почерк, по сто раз переспрашивал, как его этот парень нашел, восхищался его вопросами о жизни, и тем, какие же у нас в стране живут замечательные, образованные, неравнодушные люди... Кстати, примерно вот в этот момент я поняла, что муж здорово отстал от жизни: например, он ничего не слышал о «Твиттере». Оказалось, что про многие вещи трудно объяснять на пальцах. А ведь муж до ареста жил с компьютером в обнимку и показывал мне много интересных штук.

Кулацкая жилка

На этой неделе снова к нему поеду. Вообще-то мне свидание еще не положено, но с учетом некоторых обстоятельств... Дополнительное свидание — это на зоне такое поощрение. В отличие от Бутырки, речь не идет о взятках за свидание или передачу продуктов — с тех пор, как муж попал на зону, тюремное вымогательство закончилось, как страшный сон. Местное начальство еще летом разрешило мне снабдить книгами библиотеку колонии, и, кажется, было ошарашено результатом. Да я бы и сама впечатлилась: я им просто отправила всю библиотеку из рублевского дома, которого, в общем, больше нет. Был, конечно, в этом купеческом жесте некоторый перебор, за который мне сейчас неловко, но вызван он был состоянием аффекта.

Дело в том, что я довольно долго не знала, отправили ли мужа из Бутырки на этап, и если отправили, то куда именно (тюремное начальство делится такой сверхсекретной информацией с родственниками осужденных не быстро и неохотно: мне, например, до сих пор никто официально не сообщил, где находится мой муж). Он в середине лета неожиданно позвонил сам с чьего-то нелегального телефона и сказал, где он. Продиктовал почтовый адрес и название Богом Забытого Областного Центра. Меня в тот момент как обухом огрели. Я прекрасно знала это место. Здесь сидели мой дед и мой прадед как сильно зажиточные кулаки. Дед вышел незадолго до войны, потом сразу ушел на фронт и погиб. И мой отец, родившийся в поселке при лагере, возил меня по этим местам, когда я была еще ребенком (он рано умер, и сейчас не у кого переспросить забытые или не рассказанные мне подробности). Папа советовал все запомнить, но никому-никому не рассказывать. И я привыкла об этом молчать, как о позорном пятне в биографии. Когда приехала к мужу, ожили детские картинки: вот речку помню — главную областную достопримечательность, церковные синие купола, усадьбу, где сейчас сельсовет, помню очень хорошо: она метрах в двухстах от ворот колонии, где сейчас сидит муж. Тоже, в общем, раскулаченный.

Позвонив, муж сразу попросил книг. А еще учебников и тетрадей — для товарищей по несчастью. Муж взялся обучать их языкам. Ну, я и отправила. В родные-то места.

У меня есть взрослый сын. Я с детства рассказывала ему про Богом Забытый Областной Центр; фотографии деда и прадеда

всегда висели у нас в гостиной. Сейчас он хочет поехать со мной и увидеть все своими глазами. Пусть съездит. И хорошенько подумает о своих будущих детях. А я хочу, чтобы наша семья прекратила уже топтать лагерную пыль в тридцати верстах от Богом Забытого Областного Центра. Ведь мы все страшно активные, домовитые и хозяйственные — это у нас от кулацкого прадеда. Пора, наверное, разомкнуть этот круг.

Жизнь других

Дневник жены

Вот до сих пор не могу понять, как живут работающие женщины, чей муж сидит в тюрьме. Сама всю жизнь работаю, но понять, как справляются другие, не могу: я содержу специального человека, за хорошую зарплату, который вот уже полтора года ездит по тюрьмам, по почтам, по судам, по инстанциям, по адвокатам. С конвертами, с передачами, с посылками, с подписками; с праздниками поздравляет (то есть с конвертами опять же), гонорары развозит, какие-то немислимые проблемы решает — то с доставкой в тюрьму норвежского рыбьего жира в капсулах, то с покупкой телогрейки черной утепленной: в тюрьме дают, но холодную, а зиму на зоне неплохо было бы и пережить. Или вот посылку на зону отправить — это отдельная задача, требующая самоотречения: посылка должна весить до 20 кг (если чуть больше, она через месяц вернется к отправителю — тюрьма не примет) и должна быть упакована строго в одну почтовую коробку, а таких больших коробок в Москве не сыщешь, есть только в одном почтовом отделении на Коровинском шоссе.

В общем, надо иметь силы и средства. Хотя — многие обходятся и без этого. Передадут батон хлеба в месяц — мужик и счастлив. Между прочим, далеко не всем и это дано. Да и не в батоне дело.

Проверка

Едем на зону, на свидание. Едем — это я и еще одна жена, бывалая, ее муж дольше сидит, в той же зоне, по той же статье. Проезжаем Московскую область, еще область, еще... Начинаются наши, кулацкие деревеньки. Начинаются сразу с заворачивающих рукописных объявлений на картонках вдоль палисадников: «Продаю шпалы». И рядом — образцы продукции, кубов по пять. Кому продает? Зачем продает? Где взял? Кому надо? Загадки, загадки, загадки.

Приезжаем. Шлагбаум. Закрыт. У нас автомобиль, забитый продуктами питания даже не под завязку, а сильно плотнее. От шлагбаума до входа непосредственно на зону идти с километр. Спрашиваю бывалую жену, у нее двадцатое свидание: было ли такое? Не было. Что делать, непонятно: нам все это физически не донести, нечего и пытаться.

Шлагбаум охраняет строгий солдатик, незнакомый. Не пускает нашу машину ни за что. Проговаривается, в конце концов, и небывалое явление разъясняется: на всех близлежащих зонах — большая проверка из Москвы, раз в пять лет такая бывает.

Не унываем, бросаем машину и налегке идем на разведку. Спрашиваем дежурного в окошечке, чего и как. Говорит, что машину не пропустят, не положено, с собой на свидание можно взять только 20 кг продуктов строго по описи. То есть, можно взять три арбуза на двоих, и этим жить три дня. Моя опытная подруга по несчастью стучит в закрывшееся было окошко, за которым дежурный инспектор в парадной форме, похожий на памятник самому себе, окошко снова открывается, и подруга неожиданно говорит памятнику: «Вась, ты белены объелся? Какие 20 кг? Как машину бросим в поле на три дня? Как продукты оттуда допрем?» Вась приходит в себя и начинает шептать через свое окошечко, размером примерно в две сигаретные пачки: «Девки, шухер, проверка. Но к вечеру должна уехать, тогда и машину пропустим, на стояночке у нас под окнами поставите, потихоньку продукты перенесете, как стемнеет».

Понятно. Но до вечера еще далеко, только солнце взошло. Вась выписал разрешения на свидания, и мы пошли в бухгалтерию оплачивать комнаты. По дороге встречаем разнообразное начальство с зоны — в парадной форме, а также товарищей проверяющих, которых много и их видно издалека: незнакомых людей с любопытствующими лицами. Если видим местного начальника одного, подходим, плачемся. С каждым встреченным начальником ситуация все более определяется.

Выглядит все примерно так: «Девки, да вы что, важная проверка, ничего нельзя, все строго, но к вечеру, может быть, подойдите часикам к шести, а лучше в четыре, может, и пропустим, да где машина-то, да заведите скорее, пока никто не видит, выгружайте, оставляйте на стоянке, бегом, какие 20 кг, все берите».

У нас в стране живет довольно много прекрасных людей, и некоторые из них работают начальниками в далеких провинциальных зонах.

Перед свиданием успела забежать на почту, каталоги на будущий год должны были уже придти, можно вроде уже и подписку мужу оформить. Захожу на почту — так и есть, подписная кампания в разгаре — поверх объявления про то, что почта оборудована системой Интернет (что лажа), висит уже более реалистичное полотно: бумажка, на которой старательно выведено: «Уголок подписчика». Сажусь в соответствующий уголок к бутафорскому компьютеру, он уже почти скрылся за банками, бутылками и пакетами — деревенская почта попутно выполняет функции продуктово-хозяйственного магазина, с уклоном в бакалею и стиральные порошки. Имеется еще одно объявление: здесь, на почте, можно получить юридическую консультацию. Похоже, что силами почтальонши.

Пока заполняю бланки, приходят два охранника с зоны, пытаются положить деньги на телефон, здесь это тоже на почте делается. Нельзя сегодня, говорит им почтальонша, напряжение слабое. Солдатики привычно кивают и уходят.

Чувствую себя потрясенной и раздавленной от величия физических процессов, от внезапно открывшейся перед тупым городским жителем неразрывной связи между напряжением и телефонным счетом. Тем не менее, подписные бланки заполнила правильно, чем поразила почтальоншу в самое сердце. Ну что ж, один — один. Похоже, долго еще будут рассказывать старожилы про приезжую тетку, правильно заполнившую семь подписных бланков на газеты и басурманские журналы, включая Newsweek и Forbes (почтальонша онемела), и вложившую в это сомнительное предприятие 14 тысяч рублей с копейками.

Покупаю заодно местную прессу. Вот губернатор с иконой на первой полосе, вот Орбакайте с сыном на второй, вот про Arctic Sea на третьей с туманным намеком, что здесь без Мосслада не обошлось, и три десятка местных объявлений: «Ремонт холодильников. Рассрочка». Очевидно, это местный народный промысел. И еще два: «Бальзамирование покойных на дому». Memento mori.

Пока бегала на почту, сумки с продуктами стояли посреди улицы: здесь народ честный, а собаки воспитаны в строгости. Забыла про котов. Посреди моих баулов обнаружился один сосиской в зубах, два килограмма сожрал. Посмотрел на меня лучистыми глазами, отошел не торопясь, достойно. Потом мне заключенные про своих котиков рассказывали, как они их от проверки прятали (животные на зоне — строжайший запрет). Прятали за пазуху. Свободолюбивые тюремные коты рвались из-за пазухи и орали. Проверка делала вид, что не слышит мяуканья.

Зашли в лагерный барак, затащили баулы. Вася строго обыскал, поводит металлоискателем, прощупал каждый пакетик, заглянул вовнутрь каждой курицы. Вася понимает, что ни телефон, ни коньяк, ни лекарства мы с собой не понесем, риск очень большой, могут за нахождение «запрета» и свидание отменить, и потом весь срок неприятности будут. Вася старается не портить жизнь нам, а мы — ему. После коротких переговоров Вася разрешил взять с собой с десятка DVD и плеер. Вообще-то нельзя, но уж это — ладно. Все равно потом эти DVD через три дня Васе и останутся, все новинки с «Горбушки».

Каждую жену и ее багаж обыскивают в той комнате, где ей предстоит три дня жить. После обыска Вася, уходя, оборачивается: «Извините, я тут все раскидал». Да чего уж.

Приводят мужа. Доходяга, но хотя бы розовый. Сразу из Бутырки был бледно-зеленый. «Привет, — говорит, — какие новости? «Роснефть», я слышал, продают? «Сургутнефтегаз» купит? Жулики там у вас, на воле». Ага, тебя не спросили. В Бутырке муж сидел сначала с бывшим гендиректором «Томскнефти», сейчас она в «Роснефти», юкосовский актив, а потом с бывшим чиновником из РФФИ, который устраивал аукцион имени «Байкалфинанс-груп», — в связи с чем муж любит делать прогнозы, кого к ним после очередного аукциона пришлют. Вот недавно в зону заехал генерал из Минобороны, тоже жертва аукционов. Срок у него большой получился: половину дали за аукционы, а половину — за незаконное хранение оружия, хотя оно именное у него было, от Путина. Муж говорит, генерал пока в неадеквате: все вспоминает, как с Чайкой в баню ходил. Про таких в зоне говорят — не отдуплился еще. Генералу предлагали сесть в милицмейской зоне, на выбор: Рязань или Нижний Тагил. Генерал отказался, говорит, менты — подлый народ.

Еще генерал на зоне занимается политической аналитикой и

просвещением. Сидели мы как-то у телевизора, с зеками и женами, чай пили. Показывают Нургалиева, как он за месяц коррупцию поборол. Зек Саша говорит: не жилец Нургалиев, скоро в Казань поедет вместо Шаймиева. И загнул витиеватую речь про смысл грядущих кадровых перестановок. Оказывается, генерал рассказал.

...Коротенько просветив меня насчет приватизации «Роснефти», муж достал сверток — это мне подарок. Шерстяные носки, белые, со скандинавскими узорами. Оказалось, таджика местного, сидельца, подрядил носки вязать. Рассказал, что еще на зоне сидит довольно много профессиональных художников, за наркотики, в основном. Он уже «тасанул художникам сигарет, а они сразу предложили картину нарисовать». Художники пользуются большим уважением.

Вот кого встретила, с кем поговорила, или про кого муж рассказал.

Есть на зоне люди, которые не хотят оттуда уходить. Категорически. Вот мужик, белорус, 55 лет, сидит по ст. 158, это кража, дали полтора года, что-то там спер на стройке, причем в Барвихе. Семьи у него нет. Он убирает барак, получает за это от осужденных пачку сигарет в день и чай, плюс имеет трехразовое госпитание и госкрышу над головой. Недавно он травмировал ногу (с турника неудачно соскочил), теперь ходит каждый день в санчасть на перевязку. Доктор ему предложил в стационар лечь — отказался, лежа он сигареты и чай не заработает. Тут ему подошло время по УДО выходить, так наотрез отказался: куда я, говорит, в зиму уйду? И кто меня будет на воле лечить?

Или вот паренек сидит, молоденький совсем, за продажу пиратских дисков. Производство дисков — штука энергоемкая. Завод подпольный был устроен на территории воинской части, практически за счет Минобороны. И явно с ведома вояк, которые в доле. В оборудование хозяева вложились на несколько миллионов долларов. Оригинальную версию нового фильма брали у официальных прокатчиков, которые тоже, соответственно, были в пиратской доле. Сидит, конечно, продавец.

Или вот еще молодое дарование, практически Кулибин. Был у человека свой автосервис, который входил в довольно большую сеть автосалонов и автосервисов. Автосервис — вполне легальный бизнес, занимался ТО и доставкой авто с аукционов из США и Японии под заказ. Перебирал под заказ же им движки, сильно увеличивая мощность — любил это дело человек, и много в нем понимал. Эксклюзивным клиентам делал эксклюзивные варианты автоначинки. Плюс занимались растаможкой. Соответственно, здесь был свой канал и своя крыша, ФСБ. С каждой растаможенной «в серую» машины дольщики имели по 10–15 тысяч долларов. Но в какой-то момент долю в бизнесе захотели

менты. Ментов братъ было уже некуда, да и ФСБ возражало против новых дольщиков. Парню сказали: посылай их жестко, а будут наезжать, мы тебя прикроем. Менты наехали. ФСБ никого не прикрыла, поставили другого человека на автосервис. Парню дали 4 года за ограбление, привели какого-то чудака, который заявление написал, что, вот, ограбили тут его, 100 000 рублей вытащили. Сидит теперь. Понимает, за что сидит — как обычно, совсем не за то, за что судили. Но, говорит, автосервис — такой бизнес, либо одна крыша сдаст, либо другая, а без крыши никто не работает в Москве.

Тюрьма и воля

Считается, что на зоне «решает вопросы» смотрящий. Барак и отряд, в котором живет смотрящий, называется Кремль. Хотя, на самом деле, все решения принимаются не в Кремле, а другом месте — в администрации. То есть все, как на воле. Дуумвират.

Нехорошо, когда не блатной — то есть мужик — начинает строить из себя блатного. Таких не берут в космонавты: ни у блатных не приживется, ни у мужиков. Мужики не любят, когда кто-то вдруг начинает газовать, шипеть и шатать режим (это почти синонимы, все эти слова так или иначе означают «поддерживать блатное движение»). Мужики думают про УДО.

Считается, что хуже всех на зоне насильникам. Это так. Но есть еще одна категория граждан — скинхеды. Они и в тюрьме, и на зоне приравняются к насильникам. Тюрьма — это дружба народов.

Муж, окончивший два университета, говорит, что зона — это тоже университет. Кто хочет учиться, многому научится. Здесь сидят мастера спорта и чемпионы, адвокаты, есть даже один профессор, доктор физико-технических наук, за взятку сидит. У всех есть желание и возможность общаться, есть время читать, и есть что читать. Плюс ко всему — то есть это не плюс, это главное — в тюрьме и на зоне преподается основная наука: умение выжить. И остаться человеком. Впрочем, это и на воле не всем удается.

Сидели с мужем у окошка, вся зона — как на ладони. Дорожки белым песочком посыпаны (проверка же, да и мусор весь убрали, хотя его и немного было). Фонарики горят, клумбы кругом. Бараки сталинские довольно хорошо выглядят, издалека — почти коттедж. Как говорят на зоне, стиль «баракко». Охрана кругом, собаки, заборы. Муж спрашивает: «Тебе все это ничего не напоминает?». Конечно! До боли знакомая картина: дорожки, клумбы, сосны, заборы, охрана, и совсем другая жизнь — за забором. Рублевка!

Муж говорит: сейчас и представить не могу, что какие-то люди за то же самое платят огромные деньги. Добровольно строят себе зону и пытаются быть счастливыми.

Женское счастье

На зоне свадьба — вовсе не уникальное явление. Можно даже сказать, заурядное. Большинство сидельцев довольно быстро бросают жены, кто-то садится холостым, у кого-то не был оформлен брак, а без свидетельства о браке (нужен оригинал) на зону девушек не пускают.

Без семьи на зоне голодно и тоскливо. Вот в нашем отряде — в смысле отряде, в котором сидит муж — чуть больше 80 человек. Из них 25 получают посылки и передачи. И только 13 имеют свидания.

Свидания — это дорогое удовольствие, в буквальном смысле слова. Это надо доехать до Богом Забытого Областного Центра — например, на поезде, купейный билет стоит 3000 руб. Дальше — на автобусе, который ходит вполне себе изредка, так что такси — 1000 в один конец, и надо его заказать обратно, это столько же. Взять с собой продуктов на три дня — ему, себе, и ему с собой. Покупать все лучше в Бзоце — там и свежее, и дешевле. Плюс надо оплатить комнату — 2500 руб за три дня, но зависит от комнаты, хотя порядок одинаковый. Это — минимум. Поэтому не все могут позволить себе приехать. Мужики страдают.

А потому находят себе невест. Считается, что находят они друг друга по переписке. Хотя на самом деле — по интернету. Его, конечно, на зоне нет, как и телефонов, но на самом деле, конечно, есть. Знакомятся, потом обмениваются фотографиями, смс, ммс и все такое. Потом девушка приезжает на краткосрочное свидание — это можно и без свидетельства, просто лично познакомиться. Обычно тут же получает предложение руки и сердца, и довольно быстро можно получить штамп в паспорт и свидетельство о браке.

Я разговаривала с несколькими невестами. Истории у всех разные, непохожие. А девушки — ничего, вполне приличные. Одна — курсант школы милиции, выходит замуж за рецидивиста: ему 32 года, но уже 11 судимостей, включая условные. «Что — спрашиваю, — тебя в нем так привлекло-то?» Отвечает: «А он мужчина настоящий, без вредных привычек (их трудно завести на зоне), крепкий, качается все время, симпатичный, короче, у нас в милиции таких нет». Или вот еще барышня приехала замуж выходить: чуть за 40, красотка, хозяйка spa-салона в очень хорошем московском районе. Приехала, скупив по дороге все рынки, но ее не пустили. И очень правильно, надо сказать, сделали: ее жених забыл ей, видимо, написать, что только что развелся, предыдущая тоже была по интернету. В общем, бдит

местное начальство, правильные, надо сказать, мужики. Только барышне-красотке не решились правду сказать, да и я не решилась здесь всю правду написать, она, на самом деле, ужасна.

Но вот такой случай как раз скорее уникальный. Осужденные берегут обычно свое счастье, если уж подвалило вдруг. А девушки пишут, едут — видать, совсем плохо на воле с мужиками-то. «Калина красная».

Где хранить заточку и другие рецепты выживания

В колонии все видны, как на ладони, все становится известно довольно быстро. Вот только «крыс» найти не могут

Дневник мужа. Разница между тюрьмой и зоной

Тюрьма и лагерь — очень разные вещи. Разные по всему: по образу жизни, по отношениям между людьми. Когда попадаешь в зону, об этом говорят практически все. Реально понимаешь разницу только по прошествии времени. Месяцев двух-трех вполне достаточно для понимания различий и выстраивания отношений.

В тюрьме — камерная система, народ еще не осужден. Многие надеются на чудо. Отношения между арестантами очень прозрачные. Как правило, большая часть продуктов общая. В общих камерах, конечно, все несколько иначе, но все равно отношения между заключенными товарищеские. У нас у многих общий враг — люди в погонах — именно они нас посадили. Именно они всяческими ухищрениями лишают нас возможности себя защищать. Это, например, выражается в том, что следовательно, с разрешения которого могут происходить свидания с родственниками, в 90 % случаев не дает встречи даже с самыми близкими, с людьми, которые могут помочь. Престарелым родственникам — тем, которым за 70 — свидания дают охотнее, ведь чем они могут помочь?

Хотя в самом факте свидания нет ничего криминального. Более того: все разговоры записываются, и, стало быть, следовательно при желании может обо всем знать. Но если бы все было так просто, какие бы у него, у следователя, были бы инструменты воздействия на обвиняемого? Принцип один: говоришь, что надо следствию, то есть оговариваешь себя и других, — и встречайся с кем хочешь. Мне следователь так ни разу и не дал разрешения встретиться с женой, пока дело не направили в суд.

Следствием же тормозится оформление любых доверенностей, а это уже напрямую нарушает право на защиту, потому что без доверенностей невозможно собрать документы в свою защиту. Да и многое другое, к чему следователи прибегают для ускорения вынесения обвинительного приговора, объединяет заключенных.

В зоне ситуация иная — все уже осуждены, имеют срок. Можно рассчитать, сколько времени до УДО или до звонка. Суды, как правило, истощают бюджеты у тех, у кого еще оставались какие-то деньги. Поэтому главная задача в зоне — выжить. То есть прожить оставшийся до УДО или до звонка срок более или

менее комфортно. Нормально питаться, поддерживать хорошую физическую форму. Для некоторых осужденных, в том числе и для меня, еще очень важно наличие теплого и светлого места, где можно было бы спокойно читать. Поэтому в зоне каждый за себя — по сути.

Естественно, что по форме проще достигать каких-то приемлемых условий сообща. Для этого ребята объединяются внутри отряда в «семейки» по 4–5 человек. Все вопросы питания и другие бытовые темы решаются совместно. В «семейки» объединяются по разным принципам. Наиболее распространенный — когда бывалые зеки без денег объединяются с более или менее обеспеченными первоходами. Это позволяет первым нормально питаться, продавая свой опыт и авторитет, а вторым — иметь за определенную сумму денег лоцманов в абсолютно незнакомом окружении. Обеспеченных первоходов стараются вовлечь в семейки на самом начальном этапе, пока человек не освоился. Лично я отказался от идеи и предложений с кем-либо объединяться, хотя на первом этапе, когда поднимаешься в отряд после карантина, естественно, возникает желание и хорошо кушать, и иметь доступ к другим социальным привилегиям, которыми обладают более сильные «семьи» — они фактически управляют отрядом.

За 2–3 месяца и так все становится понятным: кто есть кто, кто чего стоит, с кем как разговаривать. Я предпочел объединяться с людьми по конкретным интересам — ну, например, изучение иностранных языков, — а не по бытовым вопросам. Таким образом, сохраняется финансовая независимость. Можно объединяться в одних ситуациях с одними людьми, в других — с другими, и при этом ни от кого не зависеть и не иметь каких-либо перманентных обязательств.

Надо сказать, что себя надо изначально ставить в меру жестко. Надо уметь отказывать, иначе сядут на шею. Многие живут за счет тех, у кого что-то можно взять, даже если вы не «семейник». Народ выживает, как может.

Я, конечно, помогаю нормальным ребятам в меру возможности, но даю понять, что эта «доброта» моя основана не на слабости, а на четком интересе. Кто-то помогает мне со стиркой, кто-то перешивает вещи и т. д. Здесь несколько другие представления о добре и зле: если помогать, то есть давать что-то безвозмездно, то в 99 % случаев это воспримут как слабость. И ты уже должен будешь по жизни помогать этому человеку. Сент-Экзюпери, которого никто не читал, воспринимается здесь буквально.

Хотя есть исключения из правил. Был здесь зек, пожилой, за

60, неоднократно судимый, инвалид. У него не было никаких источников существования, к тому же в силу своего заболевания делать что-либо он тоже не мог. Я подарил ему блок сигарет, а он, будучи носителем старых незыблемых понятий, все равно нашел способ, чем мне быть полезным и отплатить. Вначале он решил мыть мою посуду, а когда я отказался, он предложил мне сейф-услуги, от которых отказаться трудно: я держал у него заточку.

Сориентироваться в зоне мне помогли беседы в тюрьме с бывальыми зеками. В этом смысле тюрьма полезна: есть большой опыт, в отличие от первоходов, которых арестовывают и этапируют из зала суда.

Жить, как жил

Есть правило, которого обязательно нужно придерживаться, попадая в зону, а именно: жить, как жил до зоны и до тюрьмы.

Что это значит? Отношение к людям здесь складывается из их поступков и быта, заслуги на воле не в счет. Причем отношение по поступкам и по жизни здесь не только со стороны осужденных, но и со стороны тех, кто охраняет. Поэтому не нужно стараться казаться тем, кем ты по жизни не был. Фальшь — она будет заметна, народ здесь опытный, тертый, жизнь знает хорошо. Несколько раз сфальшивишь, и отношение к тебе будет в лучшем случае как к человеку несерьезному — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Основная задача здесь в том, чтобы выйти как можно быстрее. Но при этом необходимо остаться человеком.

Нет смысла начинать играть в какие-то игры. Интриги на зоне почище, чем на воле. Лучше всего стоять в стороне от каких-либо «движений» и просто жить своей жизнью, наладив быт. Здесь могут легко подставить, использовать в своих интересах любые твои слова. Поэтому к кругу общения — как и к словам — надо подходить очень аккуратно. Со временем понимаешь, что от кого ожидать. Варианты «разводок» становятся видны невооруженным глазом. Самому не надо опускаться до этого уровня, или пытаться выяснять отношения. Здесь каждый сходит с ума по-своему.

Вообще, здесь все видны, как на ладони, все становится известно довольно быстро. Вот только «крыс» найти не могут.

* * *

Есть у нас один персонаж, который, поднявшись после карантина в отряд, произвел на всех впечатление воспитанного и интеллигентного человека. Его приняли в одну очень сильную «семью» и доверили резать колбасу, делать всем бутерброды (то есть помимо колбасы, такому человеку доверяют еще и заточку — официально ножей ни у кого нет). В один распрекрасный момент парня случайно застали на кухне за час до подъема — поедаящим колбасу из общака. В итоге он сейчас изгой.

Один человек здесь очень интересовался у меня английскими словами (здесь ими многие интересуются для тату, для наколок: другой персонаж спрашивал, как будет по-английски «Каждому — свое», я ему ответил, что это надо по-немецки писать, он пошел искать немецкоговорящего). Любознательный персонаж горел

желанием изучать язык чуть ли не круглосуточно. Остыл довольно быстро. Потом так же он загорелся желанием освоить настольный теннис, футбол, основы электротехники — и так же быстро остыл. Теперь всерьез к его словам и интересу никто не относится — как только что спросит, посылают сразу.

Еще один эпизод. Парень попросил у меня Толстого, «Войну и мир», рассуждал о высоких материях. За неделю прочитал страниц 20, зато книжку «The Телки» проглотил за день. Он же, паренек этот, все сильно приbedнялся, не сдавал на общие нужды, на ремонт. А потом — после свидания с женой — неожиданно вышел на проверку в рубашке Armani. Здесь народ глазастый, и отношение теперь к пареньку соответствующее. Не любят его.

Тихо сидим

Купец — символ чистоты. И другие колониальные символы

Дневник жены. Символ чистоты

От Богом Забытого Областного Центра в нашу колонию ведут две дороги: одна, как положено в русских сказаниях, прямоезжая, а вторая окольная, через райцентр. Впервые поехала окольной — муж просил вызвать к нему на зону нотариуса, обновить доверенности, для чего этого нотариуса мне нужно на месте оплатить и привезти черновики нужных бумажек.

Райцентр, состоящий из одной непроходимой лужи с домиками по краям, встретил огромным рекламным щитом на въезде: на фоне горного водопада надпись: «Магазин «Купец» — символ чистоты». Задумалась. Потом, уже на зоне, рассказала мужу о загадочном маркетинговом приеме, ему-то как раз все стало понятно: вокруг райцентра — восемь зон, народ живет бывалый и понимает, что купец — это цифирь второй заварки, то есть в каком-то смысле почти водка. Символ много чего.

Разыскала нотариуса, по виду — третья такая тетка, в ЖЭКе такие начальствуют, или в БТИ. Отдала ей наличными 2000 рублей, нигде расписываться не надо, показываю бумажки, рассказываю, что нужно. Она изучила, спрашивает: «А вот это имущество в браке было приобретено?» — Ну да, в браке. «А это?» — Это тоже. «То есть проблемы с женой Вы берете на себя?». Хлопаю глазами. Потом соображаю, что нотариус приняла меня за черного риэлтера — фамилии с мужем у нас разные. И за 2000 рублей была готова на все. Когда выяснилось, что я жена, нимало не смутилась.

Ухажористые парни

Доехала до зоны, захожу в то место, где в окошечке размером с две сигаретные пачки принимают передачи и документы для свидания, я про себя называю это место «приемным покоем». Там обычно немного народа, но в этот раз — аншлаг. Помимо обычного контингента — в основном, это жены от 18 до 50, причем малолеток больше, некоторые с детьми приезжают — большая компания местных ребят, приехали навестить двоих своих корешей. Ждать свидания надо долго, местные ребята сбегали за пивом, и очень быстро, часа за два, надрались в хлам — видимо, на старые дрожжи. И начали кадрить всех подряд, весь женский пол, приехавший на свидания к своим мужикам. Кадрят, как умеют, — словарный запас полностью состоит из ласкового такого матерка и междометий. А бабам нравится: огонь в глазах, плечами поводят, кудрями трясут, подначивают — привычно, видимо, принимая ласковый матерок за комплименты. Одну парень приобнял, та гогочет: «Экий ты ухажористый!». Тут же, на лавочке, сидит цыганка с детьми, две девочки лет по пять, семечки лущат, наблюдают, улыбаются, друг друга локоточками подталкивают на самых зажигательных пассажах.

Начала понимать успех Петросяна. Он — вершина эволюции. Недостигаемый светоч разума, мерило вкуса и икона стиля.

Торжество закона

Не знаю, чем там у них закончилось, меня позвали заходить на зону. Уже хорошо знакомый охранник говорит: «Вот, пораньше тебя запускаю, нечего там тебе делать». Вытряхнули мы с ним все мои баулы — обыск, дело привычное. Все вскрыли, понюхали, карманы вывернули — все в порядке. Уходя, обернулся: «Извините».

Потом уже на общей кухне встретила девушку из очереди на свидание, самую зажигательную. «Да ты чего, — говорит, — подруга, строгая такая? — Да нет, — говорю, это у меня лицо такое. — Ну и дура». Да кто бы спорил.

Муж пришел. Ну, совсем другое дело: здоровый деревенский цвет лица, улыбается. Зарплату получил. Он заведует библиотекой, ему положена зарплата: за всеми вычетами остается 2400 руб., которые идут ему на счет, и он может на эти деньги покупать что-то в местном магазине. С нового года, говорит, будет почти 3000. Крез.

Рассказывает библиотечные байки. Пришел к нему человек, попросил Псалтырь. Через три дня приносит назад. «Ну что, — спрашивает муж, — понравилось?». Отвечает: «Понравилось. Интересная книга».

Другой попросил многотомник «Свод законов РСФСР», имеется в библиотеке такая макулатура. Муж спросил — зачем? «Да вот, пока сию, изучу право». «Так они не актуальны уже, законы эти, недействительны». «Почему?». Да потому что такой страны нет уже 20 лет как. Удивился.

А еще муж встретил человека, с которым сидел в первые недели в Бутырке, в камере с убийцами. Человек с подельником ограбил турфирму и завалил двоих. То есть ст. 105, часть 2, от 8 до пожизненного. В итоге человек получил 5 лет, по ст. 158, часть 4, это грабеж, от 5 до 10 лет. Муж спрашивает: как? — Денег дали следователю. — А куда следователь трупы дел? — А следователь написал, что это не наши трупы, что мы пришли в турфирму, а они уже там были, трупы-то, а мы только грабили.

Он скоро выйдет по УДО — встречайте.

План подъема

На зону пригнали пожарную машину — покрасить. В порядке шефской помощи пожарным, разумеется. Никакого автосервиса на зоне нет, ну и не надо: машину чудесно покрасили в два слоя красной половой краской, и сверху — три слоя паркетного лака. Местные умельцы говорят, что по жизни это будет лучше, чем любая автоэмаль. Ну, лучше — не лучше, другого все равно здесь нет.

Муж как временно оставшийся не у дел бизнесмен составил план подъема колониального хозяйства и имел по этому поводу беседы с отделом маркетинга (есть такой на зоне, даже табличка висит). Подсчитал себестоимость местного производства (оно у нас уникальное, поэтому не буду писать, какое), рассчитал рентабельность, осмотрел производственные площади. Говорит начальству: вам нужно вот тут автосервис устроить, а здесь втрое расширить производство. Начальство отвечает: да ты чего? Вот будем мы сейчас тут бабки для страны зарабатывать, нас сверху увидят, похвалят, да и поставят сюда своего оглоеда. А так — мы тут тихо все сидим.

Приложения

Приложение 1

Если все же идти по пути платных услуг, то надо иметь в виду, что, опять же, существует два варианта: во-первых, договариваться напрямую с людьми в погонах; во-вторых, использовать в качестве посредников людей, близких к «ворам». В первом случае получателями денежных знаков будут исключительно представители местной администрации (которые запросто могут взять денег и ничего не сделать), во втором представители администрации также получают деньги, но значительная часть средств уйдет на пополнение воровского общака, что является некоторой гарантией сделки.

СПРАВКА: В тюрьме различают два вида общака:

1. «Общее» — это так называемое «насущенное», в которое входит, в первую очередь, чай и сигареты, а также все остальное по мере сбора из разных камер: зубные щетки, пасты, носки, лапша быстрого приготовления, спички и чай. «Общим» распоряжается смотрящий за «Общим», или О, который должен быть на каждом корпусе или крыле тюрьмы. Основная цель «Общего» — выделение насущного порядочным арестантам на этап и, по мере возможности, поддержка находящихся на Центrale арестантов, лишенных поддержки с воли. Распределение «Общего» происходит достаточно просто: нуждающийся арестант пишет маляву в котловую хату (в камеру, где содержится «Общее») с просьбой о выделении насущного того-то и того-то. Ему по «дороге», в специально сшитых тарах (их называют КШ, или «КИшка») высылаются все необходимое. При этом ведется строгий учет, или точковка: кому, сколько и куда ушло, и сколько от кого пришло. В моей камере № 276 на Большом Спецу одно время хранилось «Общее» левого крыла Большого Спеца, и за ночь мы успевали отправлять КШ в 15–20 камер.

2. «Воровское» — это деньги, которыми может распоряжаться смотрящий за тюрьмой. Эти деньги идут на разные нужды, начиная от покупки людей в погонах, заканчивая оплатой телефонной связи. В «воровское», к примеру, должно выделяться 20 % от любого выигрыша в тюрьме, и другие взносы.

Начиная платить, нельзя быть уверенным до конца, что не произойдет сбой. Так, мой приятель, бизнесмен А., найдя общий язык с людьми в погонах, и сидя в хорошей камере с телефоном, неожиданно посреди зимы был переведен на Малый Спец, в камеру без оконных рам. Произошло это, когда его «куратор» уехал отдыхать за рубеж по купленной А. путевке. Мой знакомый

А. смог вернуться в свою прежнюю камеру только недели через три, понеся дополнительные финансовые затраты на еще одного «куратора», и плюс закаленным как сталь, так как спал он в камере в зимней куртке и шапке, и все равно было холодно. При таком раскладе у него по-прежнему нет гарантий, что не появится третий или четвертый «куратор» — и такое же число сбоев.

Не нужно тешить себя иллюзиями, что все дураки, а я один смогу договориться с самым главным, и у меня будет все замечательно. Это ошибка, все будет замечательно только до определенного момента. Так, мой знакомый чиновник С. договорился, как ему казалось, с самым главным человеком, и в свой день рождения получил коньяк Hennessy XO. Однако не успел он его открыть, как в его камеру вошли двое сотрудников в штатском, представлявшие ФСИН, и свой день рождения, а также последующие 14 суток, С. провел в карцере, получив максимально строгое взыскание. О своем визите представители ФСИН имеют полное право никого в известность не ставить, поэтому и С. никто не смог предупредить или уменьшить ему срок содержания в карцере, так как его дело было на контроле ФСИН.

Приложение 2

В тюрьме я встретил несколько грузин, которые по образу жизни являются бродягами, и стремятся стать ворами, их иногда так и называют — «стремящиеся». Они обязаны поддерживать воровские традиции и жить «по понятиям». Так вот, для них самое страшное наказание — это высылка в Грузию. Каждый старается найти способ, чтобы зацепиться и отсидеть в России.

Дело в том, что Саакашвили действительно эффективно борется с воровскими традициями. В УК Грузии есть статья, предусматривающая наказание только за то, что ты признаешь себя вором и поддерживаешь соответствующие традиции и образ жизни. То есть судья, принимая решение, может спросить человека: являетесь ли Вы вором, поддерживаете ли воровские традиции и образ жизни? По понятиям, вор обязан ответить «Да». И тебе автоматически дают (или добавляют) пять лет тюрьмы.

Приложение 3

Зимой все было не так. Когда Гоги становилось плохо, то для того, чтобы вызвать врача, заключенные порядка 25–30 камер начинали одновременно сильно бить ногами в дверь. Но казалось, что скорее тюрьма рухнет, чем кто-то подойдет на помощь больному.

Приложение 4

Еще не так давно купола на бутырском храме были обычные, деревянные (прим. жены: а когда я в последний раз нелегально была в Бутырке, поздней осенью, никаких куполов вообще не было). Теперь они все в позолоте. Похоже, что местные служители культа и стражи порядка подразгрузили кого-то из заключенных минимум миллиона на два рублей, потому что именно в эту сумму оценивал работу староста храма, предлагая мне и моим сокамерникам оплатить ее.

Вкладка

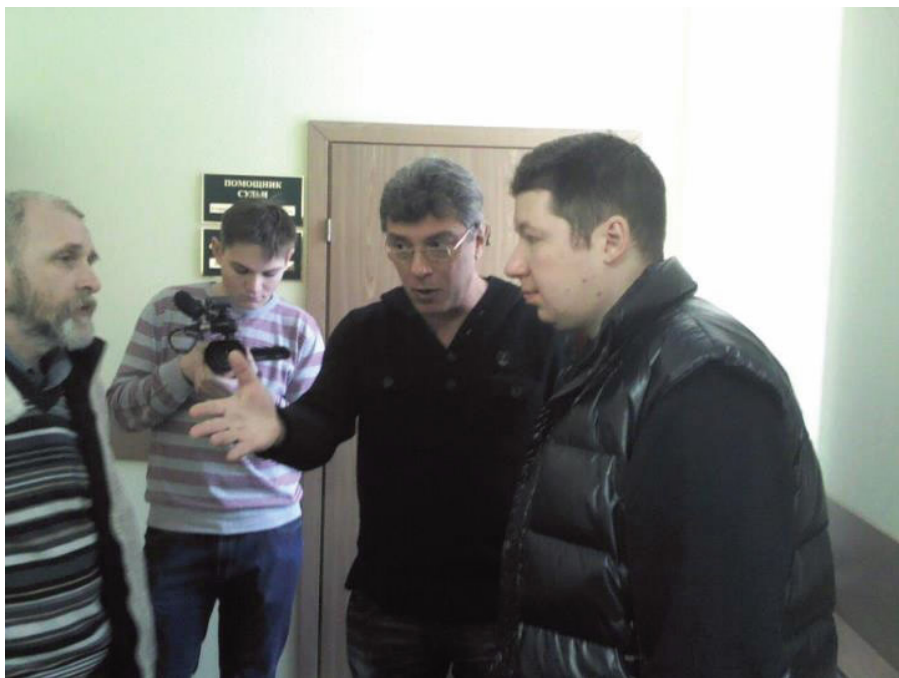

Повторный судебный процесс над Алексеем Козловым. С адвокатом Юрием Костановым и защитником Ольгой Романовой

Акция «Говорите громче!», Лондон, сентябрь 2012

Борис Немцов и Алексей Козлов в Ивановском суде по УДО
Алексея, февраль 2013

Бутырка. Наблюдение за голосованием на президентских выборах, март 2012

Бутырка. Начальник тюрьмы Сергей Телятников

Бутырка

Бутырка 6

После приговора Алексею Козлову, оцепление автозака

Зона

Зона строгого режима, ИК-5, Кохма

Тамбовская ИК-3

Тамбовская ИК-3

Март 2012, на суд с вещами

На свидании в КП-13, Кохма, 2013

Освобождение из колонии в Пермском крае, сентябрь 2011

Повторный арест Алексея Козлова, март 2012

Станция Половинка, Пермский лагерный край

Сажаем яблони в доме престарелых (Тульская обл.), на каждой яблоне — табличка с именем невинно осужденного

Общественное движение «Русь сидящая»

